

ТЕОД. ГЕРЦЛЬ

16351
СИОНИСТСКИЕ

статби

351

~~110~~ M $\frac{47}{189}$

M 47
189

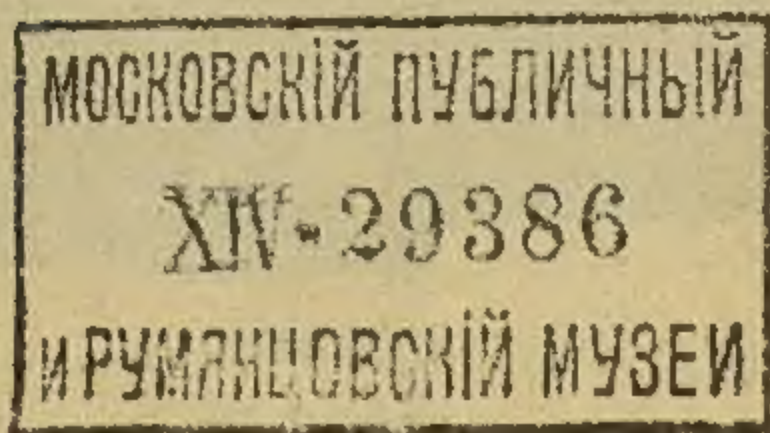
Теодоръ Герцль

СІОНИСТСКІЯ СТАТЬИ

Вступительная статья

Д. С. Пасманика.

Портретъ и автобіографія Теодора Герцля.

51-1203

Книгоиздательство „ВОСТОКЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

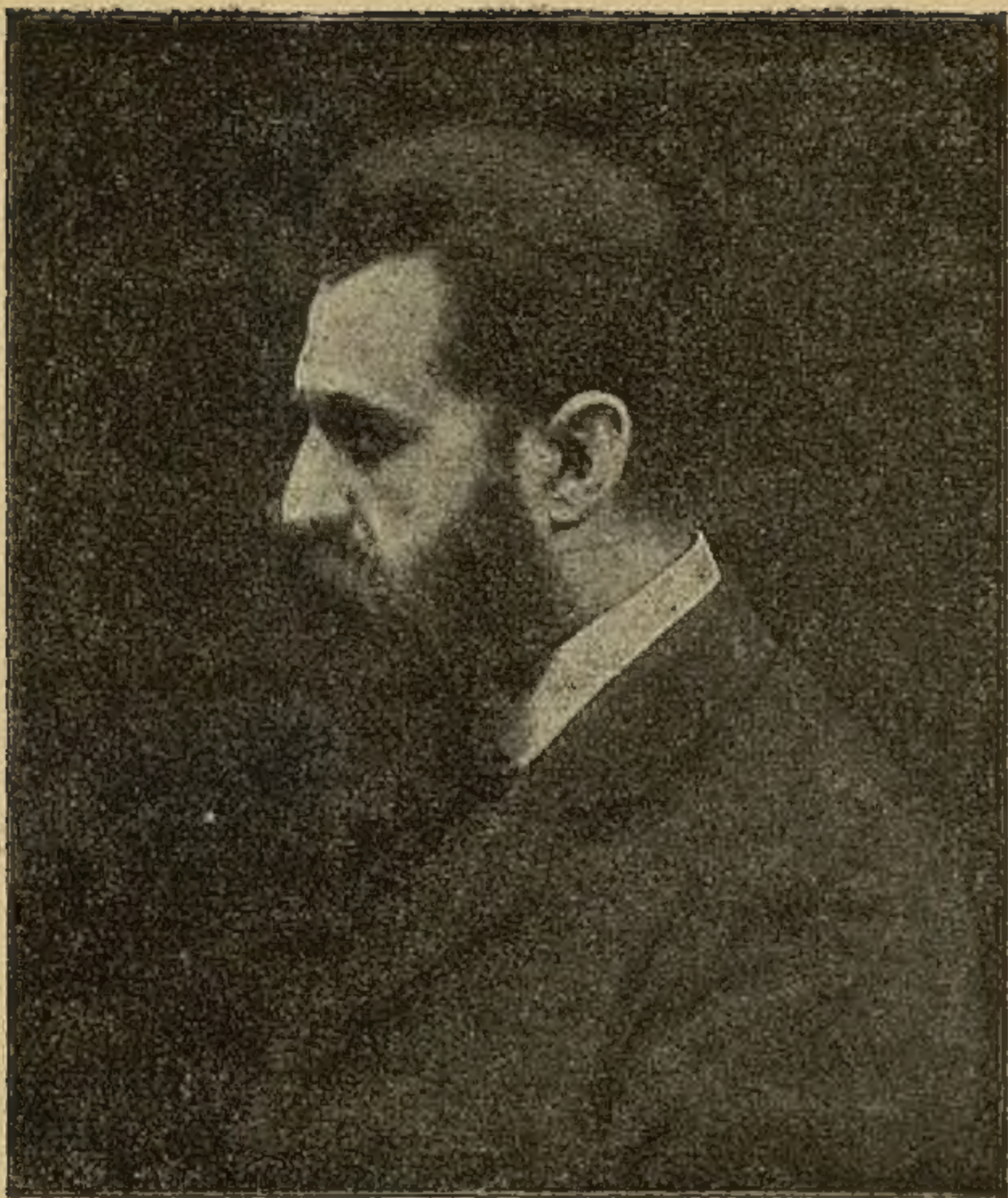
Печатных
листов

12

М

2007237369

Теодоръ Герцль
(съ послѣдняго снимка).

Оглавленіе.

Стран.

Д. Пасманикъ. Психологія Теодора Герцля. 7

Теодоръ Герцль. Статьи:

1. Автобіографія 35
2. Рѣчь въ Обществѣ „Oesterreichisch-Israeli-
tische Union“ 42
3. „Національное еврейство“ д-ра Гюдемана. 64
4. Леруа-Болье объ антисемитизмѣ 77
5. Раввины-протестанты. 94
6. „Минувшія“ времена. 102
7. Менора 110
8. Взгляды мистера Клода Монтефіоре. . . 116
9. Пожаръ въ Галиціи 129
10. „Докторъ Конъ“ Нордау 138
11. Милліоны ЕКО. 149
12. Сіонизмъ. 158
13. Въ пути 178
14. Женщины и сіонизмъ 186

Психологія Теодора Герцля.

Не легкая вещь писать о Герцлѣ.

Приходится бороться съ двумя трудностями.

Во-первыхъ, столько уже писалось о Герцлѣ, что рискуешь повторяться или сдѣлаться банальнымъ. А ничто не было столь противоположно духу Герцля, какъ повтореніе и банальность. Можетъ быть, мы, констатируя этотъ общеизвѣстный фактъ, уже намѣтили основную сущность Герцлевской души. Ибо, говоря между нами, сколько людей имѣется, которые не переносятъ повтореній и банальностей? Сколько индивидуумовъ имѣется, которые какъ бы чудомъ вызываютъ лишь единственное, творческое, еще никогда не существовавшее? И, вѣдь, только эти богоподобные индивидуумы — цѣльные люди, про которыхъ легенда рассказываетъ, что они созданы по образу Божію. Познать душу такихъ людей значитъ опуститься въ глубочайшія глубины человѣческой психики, подняться на самыя высокія вершины человѣческаго духа. Это — не легкая задача.

Вторая трудность лежитъ въ насъ самихъ.

Нашъ вѣкъ — эпоха изломанныхъ людей, половинчатыхъ и двойственныхъ. Ничего цѣльнаго.

И особенно мы, евреи. Купцы и диллетанты, половинчатые евреи и половинчатые люди, мыслители безъ воли и работники безъ мысли, набожные рабы и рабскіе богоборцы, хассидскіе миснагды и миснагидскіе хассиды, національные ассимиляторы и ассимилированные націоналисты, революціонеры въ реакціи и реакціонеры въ революціи, мы самые древніе и самые юные среди людей — мы вовсе не можемъ оцѣнить личность Герцля, которая явилась намъ какъ бы изъ совершенно чуждаго и невѣдомаго намъ міра, не то какъ отголосокъ давно минувшихъ дней, не то какъ предвѣстникъ эпохи, скрытой еще въ утробѣ времени. Лишь цѣльные люди могутъ понять и проникнуть дѣйствительную личность, лишь цѣльные евреи отгадываютъ душу великаго еврея — Герцля. Мы же, евреи голуса, осуждены оставаться на поверхности. Лишь возрожденное еврейство въ Палестинѣ, которое возсоздастъ ювоего Бога и свой храмъ, сможетъ сказать новое слово о нашемъ покойномъ вождѣ. Ибо прежде всего Герцль былъ рѣшительнымъ отрицаніемъ голуса и голуснаго еврейства. Поэтому мы, связанные тысячами нитями съ голусомъ, не въ состояніи понять его цѣликомъ, охватить всю его душу.

И въ то же время психологія Герцля — проблема всего еврейства. Въ этомъ, вѣдь, и состоитъ особенность великихъ личностей, что въ нихъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся душа ихъ народовъ. И мы должны попытаться снять покрывало съ великихъ людей, чтобы понять насъ самихъ. Этого мы мо-

жемъ достигнуть лишь окольнымъ путемъ: пытаюсь объяснить психологию Герцля, не изолируя его, а помѣстивъ его въ центрѣ еврейства; мы должны пойти отъ народа къ его герою, выводя индивидуальное изъ общаго.

I.

Чѣмъ характеризуется положеніе евреевъ въ концѣ XIX-го столѣтія?

Прежде всего — отсутствіемъ единства. Народъ, который въ продолженіе многихъ вѣковъ представлялъ одно цѣлое и недѣлимое, обладавшее единымъ сознаніемъ и единымъ идеаломъ, раздробился на куски, разорвался на части. И при этомъ случилось нѣчто небывалое. *Другіе* продолжали разсматривать еврейство, какъ недѣлимое цѣлое, а сами евреи отрицали свое единство. *Другіе* дѣлали французскаго и нѣмецкаго еврея отвѣтственнымъ за русскаго и польскаго еврея, и обратно. А мы не переставали увѣрять весь міръ, что мы, какъ единый народъ, умерли. Уже этотъ одинъ фактъ бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннее состояніе еврейства въ XIX столѣтіи. Особенно, если мы примемъ во вниманіе, что въ это же время всѣ другіе народы дѣлали самыя героическія усилія, чтобы собрать свои разсѣянные и разъединенныя части, что вся жизнь тогдашней Европы была наполнена стремленіемъ различныхъ народовъ къ національной консолидаціи, что именно тогда нѣмцы, итальянцы, славяне особенно интенсивно подчеркивали свое сознаніе національнаго единства. И лишь евреи, вѣками представлявшіе

самую крѣпкую внутреннимъ единствомъ народность, начали теперь разрушать ее. Одно изъ двухъ: или это отрицаніе народнаго единства было искреннее, тогда это обозначало смертный приговоръ цѣлой націи, или же этотъ крикъ былъ внутренне фальшивый, тогда это была отвратительная ложь, которая должна была окончательно уничтожить еврейское достоинство. Смерть или позоръ — другого исхода тогда не было. Въ обоихъ случаяхъ Израиль представлялъ печальную картину, вызывавшую у однихъ чувство глубочайшаго презрѣнія, а у другихъ — жестокій гнѣвъ. Презирающіе прибѣгали къ крещенію и нерѣдко становились въ ряды антисемитовъ; гнѣвные слѣпо хватались за фактъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ на глазахъ всѣхъ засвидѣтельствовать, что Израиль живъ: они шли въ Палестину и говорили о возрожденіи храма... съ больными душами и изможденными тѣлами.

Но опромное большинство еврейства было захвачено въ сѣти отвратительной лжи, вслѣдствіе которой и народъ и еврейская личность должны были погибнуть. Ложь выражалась не только въ отрицаніи собственной народности, но и въ отрицаніи собственныхъ цѣнностей. Вся новая «система» коренилась, однако, не въ индивидуальномъ, какъ это обыкновенно думаютъ, не въ злыхъ «ассимиляторахъ», а въ народной душѣ, въ стремленіи всего народа къ человѣческому достоинству. Стало невыносимо жить народу, *какъ народу*, безъ достоинства, безъ чести, безъ человечества — въ вѣкъ

провозглашенія «правъ человѣка». И чтобы добиться этого общаго достоинства, евреи начали отрицать свою народность и отталкивать свои цѣнности. Евреи стали «достиженцами»: они старались достигнуть хоть какого-либо достоинства, разъ была потеряна вѣра въ собственное достоинство — въ достоинство далекаго прошлаго и невидимаго будущаго. Это и есть истинная характеристика жизни еврейства въ XIX столѣтіи. Мы уже очень давно потеряли вѣру въ дѣйствительный самотворящій мессіаниззмъ, а затѣмъ мы начали терять вѣру въ пассивный, чудесами вызванный мессіаниззмъ. Еврейство угрожало превратиться въ застывшую традицію — не въ животворящій миѳъ, а именно въ традицію надгробной плиты.

И, вѣроятно, весь «еврейскій вопросъ» былъ бы окончательно похороненъ — вмѣстѣ съ евреями, если бы рѣчь шла о болѣе молодомъ, о менѣе кристаллизированномъ народѣ, чѣмъ еврейство. То, что называютъ еврейской расой, о которой говорятъ, что она очень упорна и вынослива, — не что иное, какъ кристаллизованная, въ гранитъ превратившаяся культура, ибо расы — продуктъ исторіи. Еврейская раса — продуктъ древнееврейской культуры, зафиксированной вѣками. А эта культура не легко уничтожается. Она-то не дала еврейству умереть. Но живущее еврейство все-таки страдало отъ отсутствія новыхъ цѣнностей, полнаго достоинства и нормальной жизни. И, такимъ образомъ, образовался жгучій еврейскій вопросъ — для насъ прежде всего, но и для правительствъ, и для наро-

довъ, и для всего человѣчества. Ибо великая ложь не помогла: для другихъ мы остались тѣмъ, чѣмъ были — единымъ, хотя и своеобразнымъ народомъ.

Изъ этой среды вышелъ нашъ Герцль. Но чтобы понять его, мы должны предпослать еще два замѣчанія.

Надо разъ навсегда помнить, что ненормальность еврейства коренилась не въ индивидуальномъ, а въ социальномъ. Вопросъ шелъ прежде всего не о томъ, чтобы создать здоровыя еврейскія индивидуальности, а рѣчь шла и идетъ донинѣ объ оздоровленіи еврейскаго народа, какъ народа. И лишь хассидско-декадентствующіе евреи могутъ утверждать, что весь еврейскій вопросъ — вопросъ еврейской индивидуальности. Какъ разъ наоборотъ: послѣдняя была изломана потому, что весь народъ страдалъ въ своей соборности. И не надо забывать, что іудаизмъ — настоящій, историческій, палестинскій — былъ всегда социальнымъ, который мыслить и чувствовалъ себя, какъ «мы», а не какъ «я». Іудаизмъ обозначаетъ социальное счастье, въ противоположность христіанству, которое обозначаетъ индивидуальное спасеніе. Въ соборности іудаизмъ вообще не мыслимъ: въ атомизированномъ состояніи онъ превращается въ бездушную обрядность, или въ безразличную этику. И когда зашла рѣчь о возрожденіи іудаизма, необходимо было опереться на историческій іудаизмъ, носителемъ котораго является вся еврейская народность — Израиль, — а не индивидуальность, даже если она воплощена въ Моисеѣ.

Второе замѣчаніе относится къ психологійи еврейства конца прошлаго столѣтія. Американскій генераль Джефферсонъ высказалъ разъ слѣдующую мысль: всякій чловѣкъ имѣетъ два отечества—свое и Францію. Если это вѣрно въ примѣненіи ко всѣмъ народамъ недавнихъ временъ, когда всѣ ожидали спасенія отъ «галльскаго пѣтуха», то это было еще болѣе примѣнимо къ еврею того времени. Евреи искренне вѣрили въ то, что они, наконецъ, получаютъ желанное достоинство, благодаря тому, что «благородная Франція» прокламировала «права чловѣка» и еврея. Вѣдь не только энциклопедисты, но даже Наполеоновскіе пронадеры разрушали стѣны гетто, куда бы они ни являлись. И увѣровали евреи въ дарованныя достоинства, глядя на «великую Францію». Вѣра въ нее была такъ велика, что даже пророчески-прозорливый Гессъ былъ увѣренъ, что Франція поможетъ евреямъ возродить Сіонъ и еврейскую націю. Развѣ Наполеонъ, подъ стѣнами Акко, не обѣщаль этого евреямъ? Развѣ Лагаранъ не взываль къ евреямъ и къ французамъ, чтобы они взялись за возрожденіе еврейскаго Сіона? Но во всякомъ случаѣ ни одинъ еврей не сомнѣвался, что ужъ чловѣческое достоинство онъ навѣрное получитъ, благодаря Франціи, которая гарантировала за всѣ другіе народы. Всѣ они послѣдуютъ за великой учительницей. И это успокаивало, убаюкивая мысль, облегчая страданія и осмысливая жизнь. И вдругъ во Франціи раздается грозный крикъ: *A mort les juifs* — отъ Калэ до Марселя, отъ Бретани до Вогезовъ. И вдругъ — «афе-

ра» Дрейфуса со всѣми ея ужасами, открывшая всю подоплеку дарованнаго достоинства. То, что случилось во Франціи, было хуже погрома: это былъ крахъ цѣлой системы вѣрованій, это была потеря почвы подъ ногами, это былъ моментъ великой переоцѣнки цѣнностей. Создалась новая атмосфера съ необычайно высокой температурой, въ которой драгоцѣнные металлы очищались отъ шлаковъ и случайныхъ примѣсей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы легче сможемъ понять сущность психологіи Герцля. Оторванный отъ среды, которую мы только что нарисовали бѣглыми штрихами, онъ совершенно неуловимъ: тогда онъ превращается въ непонятное метеорообразное явленіе. Тогда было бы непонятно и его вліяніе на современное еврейство.

II.

И въ самомъ дѣлѣ: какъ объяснить огромное вліяніе, которое Герцль имѣлъ на еврейство — прямо и косвенно? Онъ не былъ филантропомъ, какъ сэръ Монтефіоре, баронъ Гиршъ и баронъ Ротшильдъ. Онъ навѣрное не обладалъ еврейскими знаніями Смоленска и Ахадъ-Гаама. Онъ въ началѣ не могъ опираться на свое самопожертвованіе, какъ первые палестинскіе піонеры-билуицы. Какъ же это случилось, что онъ взволновалъ все еврейство? Какимъ чудомъ? Своей брошюрой, носившей многообѣщающее заглавіе: «Ев-

рейское государство»? Но и до него писались подобныя брошюры.

Если мы припомнимъ, какъ становятся вождями массъ, то мы должны будемъ сказать: двумя основными свойствами долженъ былъ обладать Герцль, чтобы стать *Герцлемъ*, вождемъ народнаго движенія въ еврействѣ. А именно: оригинальнымъ мышленіемъ и энергичной активностью. Но необходимо ясно себѣ представить, о чемъ тутъ рѣчь идетъ. Народопотрясающая мысль должна быть не только оригинальной, но прежде всего она должна соответствовать самымъ задушевному чаяніямъ массы, она должна формулировать ея идеаль и ея тоску. Мысль должна исходить изъ народа и возвращаться къ народу. Однимъ словомъ, она должна возникнуть на почвѣ общественности, охватить прошлое, настоящее и будущее народа. Лишь глашатаи такихъ идей могутъ сдѣлаться народными вождями. Поэтому Александръ Великій — носитель панэллинистской идеи, Наполеонъ, Кавуръ, Бисмаркъ сдѣлались двигателями массъ. Они были истинные носители соответственныхъ народныхъ идеаловъ. Не Александръ Великій выдумалъ панэллинизмъ и не Бисмаркъ изобрѣлъ идею германскаго объединенія. Они лишь придали идеалу, созданному народомъ, конкретную, осязательную формулировку.

Такъ было и съ Герцлемъ. Идеаль конкретнаго мессіанизма красной нитью проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей исторіи со времени разрушенія перваго храма. Герцль пришелъ и конкретизировалъ этотъ идеаль въ популярной для массы формѣ: «Еврей-

ское государство». При этомъ мысль должна быть высѣчена въ камень: просто, но массивно, всѣмъ понятно и всѣмъ доступно. Геніальность безъ наивности немыслима. Мысли генія, какъ мысли Бога: коротки, просты и понятны. Лишь позже выясняется, что эти мысли далеко не просты и не коротки. Это дѣло эпигоновъ. Но это уже не социальное и не геніальное мышленіе.

Величіе мысли Герцля и основа его психологій въ этомъ: онъ мыслилъ за народъ и вмѣстѣ съ народомъ; онъ мыслилъ социально-еврейски. Онъ стремился не къ тому, чтобы сдѣлать еврейскую личность *великой*, а онъ хотѣлъ сдѣлать народъ *счастливымъ*. Въ своемъ мышленіи онъ былъ самый еврейскій еврей, истинное воплощеніе нашего народно-историческаго идеала, или какъ теперь выражаются, онъ былъ наиболее совершеннымъ представителемъ еврейской расы. Смѣшно желать объяснить Герцля извнѣ. Дѣло Дрейфуса, антисемитизмъ Франціи — не причина, а лишь окружающая атмосфера. Онъ не благодаря антисемитизму сдѣлался сіонистомъ — тогда онъ не могъ бы стать народнымъ вождемъ, — но онъ раньше былъ евреемъ, цѣльнымъ историческимъ евреемъ, вѣрнымъ сыномъ Богомъ созданнаго и боготворящаго народа. А оригинальнѣйшей чертой историческаго еврейства было, какъ мы выяснили это въ другомъ мѣстѣ, слѣдующее: *все или ничего*. Голусъ развилъ въ нашемъ народѣ противоположную черту: оппортунизмъ, руководящійся принципомъ — *хоть что-нибудь*. Въ Герцлѣ пробудилось историческое,

палестинское еврейство съ психологіей zelotovъ: все или ничего. Только не компромиссы. И когда изъ души Герцля вырвался этотъ почти позабытый крикъ, душа всего народа задрожала и дрогнула: онъ затронулъ сокровеннѣйшія струны еврейской души.

Однимъ словомъ: Герцль былъ *интуитивно* цѣльнымъ евреемъ, который, какъ таковой, носилъ въ себѣ самое рѣшительное отрицаніе голуса. И поэтому онъ сдѣлался носителемъ всенароднаго идеала. Онъ сталъ предтечей, потому что онъ былъ самымъ вѣрнымъ потомкомъ. Это вовсе не заслуга Герцля. Инымъ онъ быть не могъ: таковымъ его создала природа. Его интуитивная душа, какъ и его царская внѣшность, выросла изъ еврейской расы. Его мышленіе не было продуктомъ размышленія, какъ у его предшественниковъ и современниковъ, проповѣдывавшихъ идею еврейскаго государства, а было результатомъ внутренняго откровенія — какъ это бываетъ у всѣхъ теніевъ. Этимъ объясняется все остальное.

Онъ провозгласилъ единство еврейскаго народа, потому что въ его душѣ содержался весь еврейскій идеаль. Онъ презиралъ прибрѣтенное достоинство, потому что историческій еврей имѣлъ свое собственное достоинство, которое онъ желалъ завоевать самъ, собственными силами. И безъ того, чтобы точно знать сущность еврейскихъ цѣнностей, онъ чувствомъ понималъ, что въ Altneuland долженъ быть осуществленъ идеаль соціальной справедливости. Какъ еврей прошлаго и будущаго, онъ

долженъ былъ отрицать не только ассимиляцію, стремящуюся къ чужому достоинству, но и пассивный мессіаниззмъ, отказывающійся отъ внутренняго достоинства борьбы и самодѣятельности. Ибо истинному іудаизму Моисея, Давида, Іешайи, Маккавеевъ и зелотовъ одинаково чужды: рабское приспособленіе ассимиляціи и рабское терпѣніе отшельниковъ. Въ Герцль народъ позналъ самого себя, и поэтому онъ сталъ столь близкимъ каждому еврею. *Герцль былъ интуитивно-творческой натурой историческо-еврейскаго происхожденія.*

III.

Мысль одна, какъ бы она ни была оригинальна, не дѣлаетъ еще ея творца народнымъ вождемъ. Послѣдній долженъ обладать еще однимъ качествомъ: способностью превратить свою мысль въ актъ, въ жизнь — путемъ возбужденія энергіи въ цѣлой массѣ людей. И, право, не знаю, что болѣе необходимо двигателю массъ: оригинальная идея или творческая всѣхъ заражающая воля.

Герцль обладалъ этой волей.

Но его воля была не то, что голусное еврейство привыкло называть волей. Мы привыкли — по отношенію къ еврейству — смѣшивать волю и упорство. Воля — активна, упорство — пассивно. Воля творить, упорство консервируетъ. Палестинское еврейство обладало волей, голусное — упорствомъ. Воля того еврейства создавала героевъ жизни, упорство этого еврейства — мучениковъ смерти. Воля

создала Маккавеевъ, упорство—«Шомрей Шабось». Первая диктуетъ творческую активность, второе — пассивное выжиданіе. Слишкомъ часто наши враги выдавали наше упорство за волю: это уже было плохо. Но гораздо опаснѣе, когда мы сами это дѣлаемъ.

И здѣсь Герцль былъ носителемъ древняго іудаизма: онъ былъ *геніемъ воли*. И его воля была интуитивна, — не результатъ рефлексіи и холоднаго высчитыванія. И въ этомъ отношеніи онъ былъ полнѣйшимъ отрицаніемъ голуса, лишившаго насъ воли и замѣстившаго ее упорствомъ. Герцль инстинктивно чувствовалъ, что еврейство можетъ быть возрождено сильной волей, ибо упорство должно со временемъ исчерпаться, такъ какъ оно не создаетъ ничего новаго. Но воля не массовый товаръ. Воля чеканитъ индивидуальность. Много французскихъ офицеровъ имѣли тѣ же мысли и планы, что и Наполеонъ, но лишь одинъ Наполеонъ обладалъ волей превратить свою мысль въ актъ, въ бытіе.

По отношенію къ сіонистской мысли Герцль былъ лишь носителемъ общееврейскаго мессіанскаго идеала. По отношенію къ волѣ онъ былъ рѣзко отчеканенной индивидуальностью, какихъ мало, очень мало встрѣчается. Эта воля подняла его надъ всей массой и сдѣлала его некоронованнымъ царемъ. Въ этой волѣ коренится истинный аристократизмъ, богоподобное, единственное и дѣйствительно творческое. Эта воля заражаетъ массу, т.-е., организуетъ ее. Онъ покоряетъ слабоволь-

ныхъ (безвольные могутъ быть покорены лишь за-
вершившимся фактомъ) и заставляетъ ихъ подчи-
няться сильной волѣ. И поэтому воля Герцля долж-
на была побѣдить еврейство, поскольку въ душѣ
послѣдняго существовать еще остатокъ воли —
стремленія къ собственному достоинству, къ сво-
имъ цѣнностямъ и къ независимой жизни. Это
и есть тайна организаторскаго таланта Герцля. Я
знаю много случаевъ, гдѣ евреи, совершенно отчу-
жденные отъ своего народа, сдѣлались горячими за-
щитниками еврейскаго возрожденія подъ вліяніемъ
воли Герцля, а не его идей. Вѣрно, это были люди,
которые сами обладали мыслями и сами были инди-
видуальностями. Побѣдила въ столкновеніи болѣе
сильная воля. Тѣмъ болѣе долгга была его воля
импонировать тѣмъ евреямъ, которые еще сохра-
нили въ своей душѣ, по крайней мѣрѣ, тоску по но-
воеврейской жизни.

Изъ этой воли проистекало самопожертвованіе
Герцля, которое тоже отличалось своеобразиемъ.
Есть самопожертвованіе по расчету: изъ этого ни-
чего не выходитъ. При первомъ затрудненіи оно
исчезаетъ, ибо оно внутренне безсильно. И даже
когда идутъ на самопожертвованіе для достиженія
предопредѣленной цѣли, можно сдѣлаться мучени-
комъ смерти, но нельзя создавать жизни. Творче-
ская воля стремится къ радости, жизни, торжеству.
Самопожертвованіе при этомъ не цѣль, а лишь вре-
менная отплата затрудненіямъ, встрѣтившимся по
пути къ цѣли. Это не волевое самопожертвованіе,
возведенное въ систему, въ единственное содержа-

ніе жизни — такъ поступаютъ аскеты всѣхъ вѣдовъ, — а вынужденное извнѣ и спокойно данное изнутри, данное безъ самомнѣнія и безъ высокомерія, а, просто, какъ средство для проявленія воли. Это наивное самопожертвованіе Герцля было естественнымъ слѣдствіемъ его царственной воли, его могучей индивидуальности, которая иначе вовсе не могла бы развернуться. И, просто, смѣшно, когда маленькіе люди удивляются какъ разъ этой стороной въ характеръ нашего покойнаго вождя. Имъ можно только одно сказать: *Noblesse oblige*. А Герцль былъ носителемъ *noblesse*.

Не для выясненія всего внутренняго «я» Герцля необходимо принять во вниманіе еще одну сторону его души, которая, въ сущности, является основой всей его дѣятельности. Онъ былъ воодушевленъ безграничной и непоколебимой вѣрой. Прежде всего онъ вѣрилъ въ себя, въ свою собственную силу и индивидуальность. И затѣмъ онъ вѣрилъ непоколебимо въ осуществимость своей воли, цѣлью которой было счастье его народа.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ великаномъ. Какъ мы уже указали, основная болѣзнь голуснаго еврейства — именно отсутствіе глубокой вѣры въ себя и свои силы, а современное еврейство теряетъ даже вѣру въ свою будущность. Кто потерялъ вѣру, забываетъ свое прошлое и не чаетъ будущаго, а живетъ моментомъ, злобой дня. Безъ вѣры — безъ воли и безъ цѣли. Но эта абсолютная вѣра не можетъ быть пріобрѣтена, она не создается пу-

темъ усвоенія логическихъ построений, а представляетъ собою даръ природы, твореніе подсознательной, или даже безсознательной жизни. Абсолютная вѣра — одно изъ неотъемлемыхъ свойствъ всѣхъ сильныхъ личностей, всѣхъ героевъ исторіи, какъ и всѣхъ первобытныхъ людей. Эта вѣра наивна, какъ все первичное и изначальное, какъ все богоподобное. И Герцль обладалъ наивной вѣрой, которая часто вызывала насмѣшки умныхъ бухгалтеровъ и ревизоровъ повседневной жизни. И эта вѣра была основой великой и ужасной трагедіи Герцля.

Но чтобы закончить анализъ его психологіи, намъ нужно еще указать на одну довольно извѣстную черту въ его «я», но недостаточно оцѣненную.

Герцль синтетизировалъ въ себѣ, какъ рѣдко кто среди евреевъ, расу Востока и культурные приемы Запада. Онъ былъ палестинскимъ евреемъ въ европейскомъ облаченіи. Европеизмъ не придавилъ его, какъ это обыкновенно бываетъ даже съ выдающимися евреями. Герцль былъ господиномъ, а не рабомъ западной культуры. И характерно: обладая необычайной вѣрой въ своемъ еврейскомъ мірѣ, онъ былъ скептикомъ въ европейскомъ мірѣ. Потому-то онъ для своего міра написалъ «Еврейское государство», а для чужихъ онъ писалъ фельетоны. Это и есть разгадка «фельетониста» Герцля. Но онъ пользовался Западомъ для родного Востока. И кажется, что это больше всего импонировало еврейской массѣ. Ибо наша мѣщанская масса,

прямо, преклоняется передъ европейзмомъ. Этой своей чертой Герцль указалъ еврейству методъ возрожденія. Мы не можемъ просто возвратиться къ тому, что было двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, мы не можемъ «перескочить черезъ голусъ», но мы не должны также болтать о простой механической спайкѣ Запада и Востока. Наше возрожденіе мыслимо только при химическомъ прошикновеніи сущности Востока приѣмами и орудіями Запада.

IV.

Чтобы понять всего Герцля, надо понять его трагедію. То-есть, его внутреннюю трагедію, обусловленную его внутреннимъ міромъ, а не внѣшними условіями, такъ какъ мы здѣсь не имѣемъ въ виду разобратся въ трагедіи еврейства.

Герцль, носитель историческаго идеала Израиля, великанъ желѣзной воли и абсолютной вѣры, долженъ былъ, какъ всѣ великіе люди, мыслить и дѣйствовать эгоцентрически, т.-е., безъ того, чтобы считаться со внѣшнимъ міромъ. Здѣсь кроется его трагизмъ, который его сломалъ.

Существенное различіе, существующее между мышленіемъ и активностью массы, съ одной, и великихъ личностей, съ другой стороны, состоитъ въ томъ, что масса мыслить и дѣйствуетъ всегда эволюціонно, а личность — революціонно. Столѣтія

проходятъ, пока масса создаетъ и усваиваетъ новое. Ея жизнь — суммирование маленькихъ, еле замѣтныхъ измѣненій, неуловимыхъ для посторонняго наблюдателя въ каждый отдѣльный моментъ. Это — органическій ростъ, при чемъ мы замѣчаемъ измѣненія лишь на большихъ разстояніяхъ во времени.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ личностями. Съ бурей они приходятъ, молніей они проходятъ; и, какъ лавина, изливается ихъ энергія на современниковъ и на слѣдующія поколѣнія. Они вліяютъ не органически, а механически. Все ихъ мышленіе — механическое, поскольку масса въ ихъ рукахъ превращается въ инструментъ, въ объектъ воздѣйствія. Ихъ вліяніе всегда революціонизирующее, и чѣмъ сильнѣе индивидуальность, тѣмъ болѣе сильно ея устойчиво-колеблющее вліяніе, тѣмъ болѣе скачокъ она сама дѣлаетъ и заставляетъ другихъ дѣлать, тѣмъ замѣтнѣе вызванное ими измѣненіе. Въ этомъ отношеніи между отдѣльными индивидуальностями существуютъ только количественныя, но не качественные различія. Но эти количественныя различія опредѣляютъ судьбу личности. Чѣмъ меньше разстояніе между революціей, вызванной индивидуумомъ, и эволюціей, продѣланной ею народомъ, тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе произведенное личностью измѣненіе. Чѣмъ больше разстояніе между личностью и массой, тѣмъ ужаснѣе разгромъ революціи и трагедія индивидуальности. Поэтому Гусъ и Наполеонъ погибли, а Лютеръ и Бисмаркъ побѣдили. Масса не даетъ себя дышать механи-

чески и большихъ скачковъ не умѣетъ дѣлать. Масса тяжеловѣсна и инертна.

Эту трагедію пережилъ и долженъ былъ пережить Герцль: иначе онъ не былъ бы выдающейся индивидуальностью съ эгоцентрическимъ мышленіемъ, съ могучей волей и безпредѣльной вѣрой. Его мысль — но, вѣдь, это историческая мысль народа. Онъ какъ будто не принесъ ничего новаго. Развѣ каждый еврей не понимаетъ, что гораздо слаще обладать собственнымъ достоинствомъ, творить собственные цѣнности, гордо жить равноправнымъ народомъ въ человѣческой семьѣ? Вѣдь, все такъ просто. Его воля — но его воля всеобъемлюща и всепобѣждающа. Пусть масса только повинуется и даетъ себя вести: тогда намѣченная и всѣми желанная цѣль будетъ достигнута. «Организуйтесь, объединяйтесь, собирайте ваши силы и двиньтесь впередъ по моему знаку, ибо я вѣрю въ осуществимость моего плана». Очень часто упрекали Герцля въ необоснованномъ оптимизмѣ и изумлялись его самоувѣренности. Да, но тогда мы не чимѣли бы Герцля, передъ которымъ преклоняли голову даже заклятые враги еврейства. Онъ не могъ иначе мыслить и дѣйствовать. «Да будетъ свѣтъ, и появился свѣтъ». Чисто механически, по приказу сильно хотящаго и глубоко вѣрующаго. Это не романтизмъ, какъ нѣкоторые думаютъ, а жизненная правда. Или, можетъ быть, жизненная правда сильныхъ индивидуальностей является романтизмомъ массы. Для нашей домашней птицы орелъ, навѣрное, самое романтическое суще-

ство въ мірѣ. Представимъ себѣ на моментъ, что всѣ евреи — Герцли, тогда романтизмъ сдѣлался бы жизненной правдой. Тогда планы Герцля были бы не мечтой, а дѣйствительностью, ибо 1. самый великій человѣкъ не ставитъ себѣ вообще и абсолютно невозможныхъ цѣлей. И гений мыслить и желаетъ въ рамкахъ возможностей. Но его возможности носятъ характеръ грандіознаго и абсолютнаго, безъ того, чтобы считаться съ внѣшними затрудненіями, съ инертностью массы, съ медленностью органическаго роста.

И Герцль не умѣлъ мыслить эволюціонно. Онъ былъ рожденный революціонеръ, творецъ, желавшій создать новый міръ... почти изъ ничего.

Въ этомъ заключается трагедія Герцля, впервые намѣтившаяся на шестомъ сіонистскомъ конгрессѣ, когда онъ выступилъ съ Угандскимъ проектомъ, и не оставлявшая его до конца его дней, до его неожиданной смерти.

Скоро выяснилось, какъ велико разстояніе между субъективной волей и объективной возможностью, между могуществомъ индивидуальности Герцля и неподвижностью еврейскаго народа. И если мы ясно себѣ представляемъ состояніе современнаго еврейства и орлиный полетъ Герцля, то мы можемъ понять глубину его трагизма. Умники и элигоны говорятъ о необходимомъ самоограниченіи въ постановкѣ цѣли. Это возможно и необходимо для массы и для всѣхъ маленькихъ людей, но не для личностей размѣровъ Герцля. Да, если бы

Наполеонъ удовлетворился половиной Европы! Но тогда онъ не былъ бы Наполеономъ. Эмпиризмъ массы и научность простыхъ смертныхъ, можетъ быть, и представляютъ собою ходячую правду жизни, но она не обязательна для творцовъ жизни. А, съ другой стороны, производитъ комичное впечатлѣніе, когда маленькіе люди пытаются копировать Герцля и тоже говорятъ о механическомъ творчествѣ вмѣсто органическаго роста. Герцль имѣлъ внутреннее право отвергать «мелкія дѣла», ибо онъ вѣрилъ въ свою способность механически сотворить крупную колонизацію. Но тѣ, которые его копируютъ, не имѣютъ этого права. Когда ремесленники желаютъ сдѣлать точь въ точь, какъ великій художникъ, они портятъ ремесло и губятъ искусство.

V.

Психологія Герцля — психологія внутренне здороваго древне-историческаго еврейства, которое считало себя «избраннымъ народомъ». Въ Герцлѣ мы пережили воскресеніе нашего народнаго духа той эпохи, когда онъ еще не былъ отравленъ и искалѣченъ голусомъ. Поэтому Герцль долженъ былъ воплотить въ себѣ абсолютное отрицаніе голуса. Въ этомъ его величіе. А причины его появленія коренятся въ глубинахъ нашей долгой исторіи. Поэтому Герцль не умеръ. Его легенда будетъ такъ же оплодотворять нашу жизнь, какъ и его дѣйствительность. Это удѣлъ всѣхъ великихъ людей и

народныхъ вождей. А моментъ его появленія можетъ для насъ послужить предзнаменованіемъ и утѣшеніемъ. Тотъ фактъ, что еврейство въ состояніи полнаго разложенія могло выдвинуть изъ своей среды Герцля, является лучшимъ доказательствомъ нашей жизненности. Самый фактъ появленія этого героя доказываетъ, что въ нашемъ народѣ еще скрывается опромное количество жизне-творящихъ соковъ.

Герцль — не только хвалебный гимнъ здоровому еврейству далекаго прошлаго, но и символъ возрожденія еврейства въ будущемъ.

Герцль — наша прекрасная легенда и наша счастливая дѣйствительность. Легенда прошлаго — дѣйствительность будущаго. А настоящее? Медленная, упорная и прозаическая эволюція... пока не явится новый Герцль.

Впервые, десять лѣтъ послѣ смерти творца современнаго сіонизма, выпускается въ свѣтъ сборникъ его сіонистскихъ статей въ русскомъ переводѣ. (Какъ извѣстно, сборникъ, выпущенный *Л. Паперинимъ*, содержитъ только главныя рѣчи Герцля, а не статьи его).

Герцль не былъ теоретикомъ сіонизма, да онъ и мало писалъ. Онъ былъ государственнымъ дѣятелемъ, что отражается и на его статьяхъ. Онъ не строитъ сложныхъ теорій, а реагируетъ на внутреннія и внѣшнія событія. Къ такого рода писаніямъ русско-еврейская публика менѣе всего привыкла:

она выросла на пилпулистикѣ гетто и на російской теоретичности. А между тѣмъ, въ статьяхъ Герцля содержатся *in pace* всѣ сіонистскія теоріи, понятно, въ его субъективной окраскѣ.

Нѣсколько словъ о послѣдней.

Герцль самъ указываетъ на происхождение своего сіонизма: процессъ Дрейфуса, антисемитизмъ, особенно страшный потому, что онъ появился въ освободолюбивой Франціи. Благодаря этому обстоятельству, рухнули всѣ надежды, возлагавшіяся на эмансипацію (см. его статью: «Сіонизмъ»). Таково субъективное объясненіе самого Герцля. Едва ли правильное. Здѣсь смѣшивается поводъ съ причиною. Почему процессъ Дрейфуса возымѣлъ сіонизирующее вліяніе только на Герцля, а не на многочисленныхъ другихъ еврейскихъ «фельетонистовъ и драматурговъ», къ которымъ принадлежатъ тогда и онъ самъ? Причины сіонизма Герцля — болѣе глубокія, и о нихъ мы говорили выше. Но важно слѣдующее обстоятельство: благодаря своимъ объясненіямъ совершившагося въ немъ поворота къ еврейству, онъ вызвалъ цѣлый рядъ нареканій со стороны нашихъ націоналистовъ, выросшихъ на еврейской культурѣ.

Его упрекали въ отсутствіи національнаго іудаизма. Достаточно прочесть его статью «Менора», носящую почти автобіографическій характеръ, чтобы убѣдиться, что эти упреки не заслужены. Разница между націонализмомъ Герцля и націонализмомъ его критиковъ та же, какая существовала между внутренней религіозностью далеко

неученаго въ еврейскомъ смыслѣ, основателя хасидизма, Бааль-Шема, и обрядовой религіозностью его противниковъ, раввиновъ-миснагдовъ. Націонализмъ Герця не въ томъ, что онъ говорилъ и писалъ, а въ его «добрыхъ дѣлахъ». Поэтому въ его статьяхъ нѣтъ ни теоріи еврейскаго націонализма, ни анализа еврейскихъ культурныхъ цѣнностей. Въ нихъ мы находимъ только одно: отраженіе его дѣлъ, то-есть, строительство еврейской націи. Онъ архитекторъ, а не философъ. Онъ не писалъ трактата объ эстетикѣ, а просто творилъ эстетическое зданіе. И только подходя съ этимъ критеріемъ къ статьямъ Герця, мы почувствуемъ не только ихъ красоту, но и ихъ глубину.

Статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Можетъ быть, благодаря такому расположенію статей, читатель будетъ склоненъ искать въ нихъ эволюцію сіонистскаго идеала въ душѣ самого Герця. И читатель будетъ тѣмъ болѣе склоненъ поступить такъ, что въ первой статьѣ говорится столько объ антисемитизмѣ, какъ основѣ сіонизма, а въ послѣдней сіонизмъ представляется какъ самодовлѣющій идеалъ красоты. А на самомъ дѣлѣ сіонизмъ Герця оставался одинъ и тотъ же во все это время. Уже въ первой статьѣ говорится объ идеальномъ источникѣ сіонизма: возвратъ «къ средѣ нашего духа и нашего характера», т.-е., къ національнымъ традиціямъ. Герць былъ націоналистомъ по инстинкту, интуитивно. Поэтому онъ не разсуждалъ о своемъ націонализмѣ,

а проявлялъ его въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ поступаютъ націоналисты всѣхъ нормальныхъ народовъ въ періоды творчества. Поэтому онъ говоритъ такъ просто о самыхъ сложныхъ увлеченіяхъ еврейской жизни.

Настоящій сборникъ статей даетъ ключъ и къ пониманію Герцля, какъ политика. И несмотря на то, что сіонистская жизнь пошла совершенно иначе, чѣмъ это намѣчалось Герцлемъ, нельзя утверждать, что онъ ошибся. Точнѣе говоря: онъ ошибся, но не въ своей политикѣ, а въ своей оцѣнкѣ современнаго еврейства. Если бы народъ оказался на высотѣ своего вождя, политика послѣдняго была бы вѣрна. Онъ не зналъ, до какой степени ослабѣла народная энергія. Но онъ — первый еврейскій политикъ. Политиковъ-евреевъ и даже геніальныхъ — очень много. Но еврейскихъ политиковъ мы до Герцля не имѣли: до сихъ поръ у насъ существовали только ходатаи и радѣтели. Онъ впервые выдвинулъ лозунгъ: еврейскій народъ долженъ вести свою собственную политику, какъ равноправный народъ. И несомнѣнно, что сіонизмъ, видоизмѣняя методы сообразно съ условіями времени, долженъ, оставаясь вѣрнымъ традиціямъ Герцля, вести политику. Поэтому-то статьи Герцля не устарѣли. Онѣ могли быть написаны вчера, сегодня. И еще долго, вѣроятно, мы по нимъ сможемъ учиться сіонистской практикѣ, хотя мы многія изъ его предположеній и предложеній должны будемъ видоизмѣнить.

И надо надѣяться, что предлагаемая книжка

явится не только выраженіемъ нашего преклоненія передъ памятью покойнаго, но и средствомъ пріобщенія къ еще не претворившимся въ жизнь идеямъ Герцля. Есть чему у него поучиться.

Д. С. Пасманникъ.

Статьи 2—5, 7, 10—14	переведены <i>И. Е. Дойлицкой.</i>
„ 6, 8, 9	„ <i>А. Ц. Канторомъ.</i>

Теодоръ Герцль

Статьи.

Автобіографія.

Я родився въ Будапештѣ, вблизи той синагоги, въ которой раввинъ въ самыхъ строгихъ словахъ меня недавно порицалъ за то, что я вздумалъ добиваться для евреевъ бѣльшого почета и бѣльшей свободы, чѣмъ имъ выпадаетъ на долю въ настоящее время. Но на входной двери дома на Табачной улицѣ, въ которомъ я узрѣлъ свѣтъ солнца, черезъ 20 лѣтъ будетъ прибита дощечка съ надписью: «отдается въ наемъ».

Я не могу отрицать, что я посѣщаль школу. Сперва меня посылали въ еврейскую начальную школу, гдѣ я пользовался извѣстнымъ уваженіемъ, потому что мой отецъ былъ состоятельнымъ купцомъ. Самое раннее мое воспоминаніе объ этой школѣ касается колотушекъ, которыя мнѣ достались за то, что я не зналъ подробностей исхода евреевъ изъ Египта. Въ настоящее время многіе учителя хотѣли бы меня колотить за то, что я слишкомъ много вспоминаю о томъ исходѣ изъ Египта. Въ возрастѣ 10 лѣтъ я поступилъ въ реальное училище, гдѣ, въ противоположность гимназіямъ, усматривающимъ центръ тяжести въ древнихъ классическихъ языкахъ, болѣе обращаютъ вниманія на современные знанія. Лес-

сепсь былъ тогда героемъ дня, и я задался планомъ прорыть другой перешеекъ, Панамскій. Но я вскорѣ потерялъ мою страсть къ логарифмамъ и тригонометріи, потому что въ реальномъ училищѣ тогда господствовало рѣзко-антисемитическое направление. Одинъ изъ нашихъ учителей объяснилъ значеніе слова «язычникъ», сказавъ: «къ этимъ относятся идолопоклонники, магометане и евреи». Послѣ этого удивительнаго объясненія я пресытился реальнымъ училищемъ и захотѣлъ посѣщать классическое заведеніе. Мой добрый отецъ меня никогда не стѣснялъ въ выборѣ науки, и благодаря этому я сталъ ученикомъ гимназіи. Несмотря на это, съ моимъ панамскимъ проектомъ не было еще покончено. Много лѣтъ спустя на мнѣ, какъ парижскомъ корреспондентѣ «Neue Freie Presse», лежала обязанность писать о позорныхъ событіяхъ этого скандальнаго эпизода французской исторіи.

Въ «Евангелической гимназіи» евреи составляли большинство, и потому намъ не приходилось испытывать травли евреевъ. Когда я былъ въ VII классѣ, я написалъ мою первую газетную статью, конечно, безъ подписи; иначе я бы попалъ въ карцеръ. Въ бытность мою въ послѣднемъ классѣ гимназіи, скончалась моя единственная сестра, дѣвушка 18 лѣтъ; моя добрая мать была такъ удручена горемъ, что въ 1878 г. мы переѣхали въ Вѣну.

Въ теченіе траурной недѣли насъ навѣстили раввинъ Кюнъ и спросилъ меня, какіе у меня планы для моего будущаго. Я ему сказалъ, что хочу быть писателемъ; въ отвѣтъ рабби покачалъ головой съ такимъ же неудовольствіемъ, какъ впоследствии по поводу сionизма.

— Карьера писателя это, собственно говоря, не профессія, — заключить недовольный раввинъ.

Въ Вѣнѣ я изучалъ право, участвовалъ во всѣхъ студенческихъ затѣяхъ и носилъ разноцвѣтную шапочку корпораціи до того дня, когда она рѣшила, что отнынѣ евреи не будутъ принимаемы въ качествѣ сочленовъ. Тѣ, которые уже состояли ея членами, получили любезное позволеніе остаться въ корпораціи. Я же пожелалъ всего лучшаго этимъ благороднымъ молодымъ людямъ и взялся серьезно за работу. Въ 1884 г. я былъ уже докторомъ *juris* и вступилъ въ судебную практику въ качествѣ чиновника безъ жалованья, подъ руководствомъ одного судьи. Я практиковалъ при судахъ Вѣны и Зальцбурга. Въ Зальцбургѣ эта работа казалась мнѣ привлекательнѣе: окрестности этого города, какъ извѣстно, отличаются особенной красотой. Моя канцелярія помѣщалась въ старинномъ укрѣпленномъ замкѣ, какъ разъ подъ колокольней, и трижды въ день пріятно звучалъ въ моихъ ушахъ колокольный звонъ.

Я, конечно, писалъ больше для театра, чѣмъ для суда. Въ Зальцбургѣ я провелъ нѣсколько счастливейшихъ часовъ моей жизни. Я бы охотно остался въ этомъ красивомъ городѣ; но, какъ еврею, мнѣ бы здѣсь никогда не удалось добиться судейскаго положенія. Поэтому я тогда попрощался съ Зальцбургомъ и съ юридической премудростью.

Будапештскому раввину я опять причинилъ большое огорченіе: вмѣсто того, чтобъ взяться за какую-нибудь настоящую профессію, я началъ путешествовать и писать для театра и для газетъ. Много моихъ пьесъ было поставлено въ разныхъ

театрахъ: нѣкоторыя имѣли большой успѣхъ, другія проваливались. До сего дня я еще не понимаю, почему нѣкоторыя мои вещи имѣли успѣхъ и почему другія исчезли со сцены. Однако, эта разница въ судьбѣ моихъ пьесъ меня научила не обращать вниманія, аплодируетъ ли публика моему произведенію, или освиистываетъ его. Нуженъ свой личный судъ, все остальное безразлично. Я осуждаю въ настоящее время всѣ мои пьесы, даже тѣ, которыя имѣютъ еще успѣхъ въ императорскомъ Burg-театрѣ въ Вѣнѣ, и ими больше не интересуюсь.

Въ 1889 г. я женился и имѣю трехъ дѣтей: одного мальчика и двухъ дѣвочекъ. По моему мнѣнію, мои дѣти ни уродливы, ни глупы. Но я могу, конечно, ошибаться.

Во время моего путешествія по Испаніи, въ 1891 г. вѣнская газета «Neue Freie Presse» предложила мнѣ быть ея корреспондентомъ изъ Парижа. Я принялъ этотъ постъ, хотя до того времени презиралъ политику и питалъ къ ней отвращеніе. Въ Парижѣ я имѣлъ возможность узнать, что міръ понимаетъ подъ политикой, и я высказалъ мои воззрѣнія въ небольшой книгѣ «Palais Bourbon». Въ 1895 г. Парижъ мнѣ уже надоѣлъ, и я вернулся въ Вѣну.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Парижѣ я написалъ книгу «Еврейское государство», благодаря которой вы мнѣ оказали честь, прося меня доставить вамъ нѣкоторыя біографическія данныя о моей скромной персонѣ. Не помню, чтобы я что-либо писалъ въ такомъ возвышенномъ настроеніи, какъ эту книгу. Гейне говоритъ, что въ тѣ моменты, когда онъ писалъ

нѣкоторыя изъ своихъ строфъ, онъ слышалъ надъ своей головой витаніе орла. Мнѣ также чудилось нѣчто въ родѣ шелеста надъ моей головой, когда я писалъ эту книгу. Я работалъ надъ ней ежедневно, пока я не истомился; единственное мое развлеченіе вечеромъ было слушать ватнеровскую музыку, особенно «Тангейзеръ», оперу, которую я слышалъ столько разъ, сколько ее ставили. Только въ тѣ вечера, когда не было оперы, я испытывалъ сомнѣніе въ правильности моихъ мыслей.

Сперва я думалъ, чтобъ это маленькое сочиненіе о рѣшеніи еврейскаго вопроса циркулировало только частнымъ образомъ среди моихъ друзей. Опубликованіе этихъ взглядовъ я задумалъ лишь впоследствии; я не имѣлъ въ виду лично заняться агитаціей въ пользу еврейскаго дѣла. Большинство читателей съ удивленіемъ узнаетъ объ этомъ первоначальномъ моемъ отношеніи къ дѣлу. На все это дѣло я смотрѣлъ такъ, что надо дѣйствовать, но не диспутировать. Публичная агитація должна была служить мнѣ послѣднимъ средствомъ, на случай, если бъ мой, частнымъ образомъ высказанный, совѣтъ не былъ услышанъ или исполненъ.

Когда я окончилъ свою книгу, я попросилъ одного изъ моихъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей прочесть рукопись. Во время чтенія онъ вдругъ вскрикнулъ. Мнѣ это показалось вполне естественнымъ, потому что онъ былъ евреемъ: вѣдь и я, когда писалъ, не разъ громко вскрикивалъ. Но, къ моему разочарованію, онъ далъ мнѣ совсѣмъ иное объясненіе. Онъ убѣждалъ, что я рехнулся, и, какъ другъ, онъ опечалился постигшимъ меня несчастьемъ. Онъ убѣждалъ отъ меня, не сказавъ мнѣ болѣе ни слова. Послѣ безсонной ночи онъ

вернулся и настаивалъ, чтобъ я все это бросилъ, такъ какъ я рискую, что меня сочтутъ за помѣшаннаго. Онъ былъ такъ возбужденъ, что я обѣщалъ ему все, что угодно, лишь бы его успокоить. Затѣмъ онъ мнѣ посовѣтовалъ спросить мнѣнія Макса Нордау, можно ли считать мой планъ продуктомъ нормальнаго человѣка. «Я никого не спрошу, — отвѣтилъ я ему: — разъ мои мысли производятъ такое впечатлѣніе на просвѣщеннаго человѣка и преданнаго друга, то я откажусь отъ этого плана». Послѣ этого мнѣ пришлось пережить очень тяжелый кризисъ. Я могу сравнить это только съ тѣмъ, что добѣла раскаленное тѣло бросаютъ въ холодную воду. Конечно, если это тѣло, по случайности, желѣзо, то оно превращается въ сталь. Другъ, о которомъ я здѣсь разсказываю, составлялъ однажды мой счетъ расходовъ на телеграммы. Когда онъ мнѣ далъ готовый счетъ, состоявшій изъ большого ряда разныхъ статей, я сразу замѣтилъ, что сложеніе сдѣлано невѣрно. Я обратилъ на это его вниманіе, и онъ еще разъ сосчиталъ; но только къ третьему или четвертому разу его суммы совпали съ моими. Этотъ незначительный выводъ вернулъ мнѣ мою вѣру въ себя. Я вѣдь въ состояніи былъ вѣрнѣе считать, чѣмъ онъ; и я заключилъ, что разсудокъ меня еще не совсѣмъ оставилъ.

Съ того дня начались мои заботы о еврейскомъ государствѣ. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ я пережилъ много, много грустныхъ дней, и я опасался, что еще болѣе грустные дни ожидаютъ меня въ будущемъ. Въ 1895 г. я началъ вести дневникъ; въ данный моментъ уже заполнено четыре толстыхъ тома. Если я ихъ когда-нибудь

сдѣлаю достояніемъ публики, то міръ будетъ удивленъ, когда узнаетъ, что мнѣ пришлось пережить, кто были враги моего плана и, съ другой стороны, кто мнѣ содѣйствовалъ.

Но одно я считаю несомнѣннымъ. Движеніе будетъ жизненно. Не знаю, когда я умру, но сіонизмъ не умретъ. Со времени базельскихъ дней еврейскій народъ опять имѣетъ свое народное представительство; въ послѣдствіи возникнетъ «Еврейское Государство» въ его собственной странѣ. Я теперь работаю надъ созданіемъ Банка и ожидаю, что онъ будетъ имѣть такой же большой успѣхъ, какъ и Конгрессъ.

Рѣчь въ Обществѣ „Oesterreichisch-Israeli- tische Union“.

Нѣкоторые изъ васъ слышали, конечно, что я хочу основать еврейское государство, и вы явились сюда, чтобы посмотрѣть на этого смѣшного чудака, затѣявшаго столь необыкновенное предпріятіе, о которомъ, по меньшей мѣрѣ, давно уже не говорили даже. Другіе же слышали, вѣрно, о странной идеѣ, называемой сіонизмомъ, и которая тоже, должно быть, прекуръзная штука. Достовернаго о ней, конечно, ничего неизвѣстно. Говорятъ только, что будто бы всѣ евреи должны внезапно надѣть свои сумки, оставить страны, въ которыхъ они живутъ, и пуститься въ путь, куда-то въ новую страну, чтобъ основаться тамъ.

Именно въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, какъ нѣкій довольно извѣстный членъ нашей общины передавалъ мнѣ въ прошломъ году, рисуется ему эта исторія.

Онъ слышалъ, сказалъ онъ, что я хочу повести евреевъ куда-то туда, гдѣ не было еще людей. Но, милостивые государи и государыни, столь злостный ущербъ интересамъ нашихъ антисемитовъ рѣши-

тельно не въ планахъ сіонистовъ. Можете вы себѣ представить вопль объ евреяхъ, исчезнувшихъ изъ общественной жизни? Что же останется тогда? Я намѣренъ изложить вамъ, какое, собственно, отношеніе имѣетъ онъ, этотъ вопль, къ фантастическому, оклеветанному и плохо понятому сіонизму. Обращаю ваше вниманіе на то, что я вовсе не собираюсь заявить вамъ, что я сіонистъ. Нѣтъ, всѣ вы сіонисты. Я, вѣрно, очень удивлю васъ, не рассказавъ вамъ ничего новаго, а только такія вещи, которыя вамъ извѣстны. Я укажу вамъ только на то, что вы давно привыкли видѣть. Конечно, я выведу изъ этого извѣстныя заключенія, которыя не были еще выведены, и для этого вы должны мнѣ разрѣшить сдѣлать краткій обзоръ развитія еврейства, которое я рассматриваю, какъ націю.

Вы знаете, что наша исторія, исторія діаспоры, началась въ 70 годахъ по Р. Х. Нашествіе Тита, въ которомъ Момзенъ видитъ причину распространенія христіанства, нашествіе, окончившееся уведеніемъ насъ военноплѣнными, и составляетъ настоящее начало той еврейской исторіи, которая ближе всего касается насъ, ибо мы и нынѣ еще страдаемъ отъ послѣдствій тогдашнихъ событій. Это было нѣчто такое, что мы, современные люди, едва можемъ вообразить. Мы знаемъ, что войны ведутся и бывають направлены къ тому, чтобъ привести непріятельскую силу въ состояніе безпомощности. Но чтобъ послѣ войны единичныя личности могли терпѣть столь тяжелыя послѣдствія, какъ это бывало въ древнія времена, — это намъ непонятно.

А то военное плѣненіе захватило не только современниковъ той эпохи, не только виновниковъ военныхъ дѣйствій, но цѣлыхъ шестьдесятъ поколѣній. Уже на протяженіи шестидесяти поколѣній продолжается это плѣненіе, — фактъ, который намъ кажется страннымъ, но который все же продолжаетъ вліять на наши судьбы. Я пройду мимо тѣхъ многочисленныхъ стадій, когда мы проникли въ римскія провинціи, обошли бассейнъ Средиземнаго моря и достигли той *ultima* (крайней) Оулы, которая была для римлянъ отдаленнѣйшимъ мѣстомъ. Я хотѣлъ бы показать евреевъ только въ той единственной крайне важной стадіи ихъ развитія, когда они создали себѣ новое отечество, — третье, какъ говоритъ исторіографъ Грець, то-есть, въ средневѣковой Испаніи. Въ Испаніи, какъ въ мавританской, такъ и христіанской, евреямъ было попеременно то хорошо, то плохо, какъ и вездѣ. Вы знаете, и я хотѣлъ бы въ связи съ тѣмъ, что я стану доказывать, указать на то, какой типичный рядъ слѣдствій можно отмѣтить въ нашей участи вездѣ, куда мы приходимъ.

Мы переселяемся и являемся туда, гдѣ нѣтъ еще еврейскаго страха, боязни евреевъ, или оскорбе ненависти къ евреямъ. Мы основываемся тамъ, устраиваемся, ассимилируемся, пытаемся пустить корни, и такъ какъ мы трезвы, бережливы, прилежны и не такъ ненавидимъ работу, какъ это утверждаетъ легенда, мы начинаемъ процвѣтать даже при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Мы дѣлаемъ успѣхи въ торговыхъ оборотахъ, стремимся

къ работѣ на нивѣ чести, развиваемъ науку и искусства, и на насъ начинаютъ коситься. Большинство вдругъ осматривается, что мы не таковы, какъ они, что насъ меньшинство, — и антисемитизмъ, имѣвшій уже много именъ и формъ, но въ сущности всегда одинъ и тотъ же, рождается на свѣтъ.

Если условія общественной жизни позволяютъ это, начинаются погромы, поджоги, убійства, и, наконецъ, правительство — для возстановленія спокойствія — проситъ евреевъ уйти подальше. Такую именно классическую форму это приняло въ Испаніи, гдѣ евреи играли очень большую роль. Ибо именно незадолго до преслѣдованій наступаетъ моментъ высшаго расцвѣта и благосостоянія. Такъ, при различныхъ дворахъ появлялись личности выдающихся евреевъ, которые, естественно, вызывали недовольство, и если бывало возможно приписать имъ что-нибудь, то это и дѣлалось. Если, напр., король донъ-Педро совершалъ жестокости, то въ этомъ обвиняли его любимца, дона Самуэля Альбулафіа.

Эта Испанія, въ примѣчательную эпоху послѣ изгнанія мавровъ, должна была стать свободна и отъ евреевъ. Это совершилось въ два этапа. Сначала стали преслѣдовать и изгнали настоящихъ правобѣрныхъ евреевъ, въ то время, какъ часть ихъ, назовемъ ихъ религіозными политиками, приспособилась къ другой вѣрѣ и продолжала свое существованіе, какъ марраны. Но и марраны эти впоследствии не избѣгли преслѣдованій и также были вышвырнуты.

Въ этой исторіи, которая является типической, меня интересуетъ особенно то время, когда она разыгрывалась. Это было именно тогда, когда Христофоръ Колумбъ пустился со своими кораблями для открытія новой земли — событіе, имѣвшее столь чудесныя послѣдствія для развитія человѣчества. Въ тотъ же годъ, которымъ для человѣчества началась новая эра, евреи, внезапно лишенные родины и имущества, должны были пойти въ изгнаніе, полное для нихъ ужаса.

Въ этомъ XV столѣтіи, когда началось Возрожденіе, которому мы такъ удивляемся и которое столь любимъ, жилъ еще одинъ человѣкъ, имѣвшій неизмѣримое вліяніе на развитіе человѣчества — Гуттенбергъ.

И вотъ я позволю себѣ сдѣлать довольно произвольную антитезу изъ этихъ двухъ именъ и на нихъ демонстрировать ту ошибку, которую совершили евреи съ самаго начала возникновенія новой эры.

Для евреевъ существуетъ только одна помощь, только одно освобожденіе отъ ига и униженія со всѣми его послѣдствіями: или, какъ утверждаютъ одни, слово, то-есть, просвѣщеніе умовъ, возведеніе на высшую ступень нравовъ и просвѣщенія, или же, какъ думаютъ другіе, дѣйствіе.

Слово есть тотъ путь, на который мы вступили, благодаря изобрѣтенію Гуттенберга. Дѣйствіе есть путь Колумба, — путь, который для положенія, не поддающагося разрѣшенію разсужденіемъ, хочетъ употребить не разсужденіе, а настоящее дѣйствіе.

Куда насъ привело то, что мы блуждали, какъ служители идеи просвѣщенія народовъ, еще задолго до просвѣщенія, еще до того, какъ французскіе философы своими сочиненіями вызвали ту революцію, которая была позднѣе иллюстрирована только на улицѣ, какъ сказалъ однажды Жюль Гедъ, — куда это привело насъ, вы знаете.

Что мы сдѣлали подъ давленіемъ нужды для просвѣщенія, ибо мы должны заботиться о просвѣщеніи человѣчества въ нашихъ же собственныхъ интересахъ, а многіе даже думаютъ, что въ этомъ историческая миссія еврейства, — это всѣмъ вамъ хорошо извѣстно. Вы знаете также, до какихъ философскихъ вершинъ дошли усилія Мендельсона, и знаете также, какъ послѣ эпохи просвѣщенія мы постепенно опять скатились внизъ. Намъ въ этомъ движеніи всегда приходилось, такъ сказать, пасти свиней. Евреями пользуются всегда только, пока находятся въ пути, но, разъ добравшись къ цѣли, еврею, исполнившему свою повинность, даютъ отставку. Тогда-то и происходитъ то пробужденіе отъ грезъ, которое предстоитъ еще социаль-демократамъ.

Разрѣшите мнѣ послѣ этого бѣглаго обзора одной достопримѣчательной эпохи политической исторіи сказать слово и объ исторіи развитія сношеній. Мы часто забываемъ, что живемъ въ совершенно измѣнившихся условіяхъ, и если ограниченность и жестокость, которыя, какъ кажется, являются вѣчными свойствами человѣческой натуры, опять и опять отбрасываютъ насъ къ прежнимъ

временамъ, то все же рядомъ съ этимъ существуетъ и другой настоящій прогрессъ, который излѣчиваетъ то, въ чемъ виновны первыя.

Въ 1885 году я видѣлъ въ Брюсселѣ удивительное торжественное шествіе. Это было нѣчто совершенно необыкновенное и заставлявшее призадуматься. Это было шествіе по поводу пятидесятилѣтняго юбилея желѣзныхъ дорогъ. Я припоминаю, что въ этомъ шествіи были показаны самые древніе способы передвиженія отъ первыхъ телѣгъ, колеса которыхъ были еще сплошные круги. Это телѣги, въ которыхъ жили кочевавшіе народы Европы — канатные плясуны до сихъ поръ еще являются обладателями такихъ жилищъ изъ возковъ, — затѣмъ слѣдовали постепенно усовершенствованныя повозки до прекрасныхъ экипажей и средствъ сообщенія новѣйшаго времени. Можетъ быть, и вамъ покажется любопытнымъ узнать, что князья эпохи Меровинговъ ѣздили еще на телѣгахъ, запряженныхъ быками. Карлъ Великій объѣзжалъ свои земли въ возкѣ, запряженномъ четырьмя быками. Только въ XII вѣкѣ впервые запряжена была въ телѣгу лошадь, а въ тринадцатомъ телѣга эта получила четыре колеса и вошла въ употребленіе въ европейскихъ странахъ, подѣ сквозные круги колесъ и крытая кибитка съ ея катящимися колесами составляли еще большую диковину. Первая желѣзная дорога, первый вагонъ были еще нѣчто крайне удручающее по своему неудобству. И если вы теперь посмотрите на экспрессъ или на царскій поѣздъ,

вы легко поймете огромную дистанцію отъ путешествія Карла Великаго до путешествія современнаго властителя.

Во времена преслѣдованій евреевъ на Рейнѣ въ Верхней Италіи стали вводить въ употребленіе векселя, которые такъ сильно облегчили денежное дѣло и уравнили *Differentia loci*. Акція, которая также явилась въ верхне-итальянскихъ городахъ въ XIV вѣкѣ, была еще въ зачаточномъ состояніи. Въ началѣ XVIII вѣка, когда возникли большія заморскія компаніи, она была упрощена до бумаги на предъявителя.

Всѣ эти элементы являются нынѣ важными факторами нашей жизни и нашей культуры, но все это еще ничего. Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія началось новое время. Все то, въ родѣ войнъ, мирныхъ договоровъ, браковъ царей и тому подобное, чѣмъ обременяють насъ учебники исторіи, — все это ничто передъ этимъ большимъ водораздѣломъ исторіи. Если вы представите себѣ, что мы теперь приходимъ въ нетерпѣніе изъ-за того, что не можемъ въ тотъ же день знать подробностей объ исходѣ выборовъ Макъ-Кинлея или Брайана и что наши дѣды не могли себѣ представить, чтобъ можно было получать извѣстія скорѣе, чѣмъ движется эскапажъ — не считая, конечно, безпомощнаго оптического телеграфа, — мы поймемъ, какія огромныя измѣненія произошли въ мірѣ. Вѣдь это не только праздное любопытство, когда мы хотимъ знать, что происходитъ по ту сторону юксана, въ Америкѣ. Отъ этого зависитъ несказанно много. Могли раз-

разиться чудовищные кризисы, и вы знаете, что вся Европа съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдила за исходомъ выборовъ. И если изъ этого измѣненія картины всей жизни, облегченія сношенія между людьми, можно вывести заключеніе, что страданія, которыя вытекали изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ прежнихъ временъ, теперь не ко времени, то вы окажетесь нѣкоторымъ образомъ предрасположенными къ тому, что я хочу доложить вамъ. Мы можемъ сказать нынѣ, что на землѣ, дѣйствительно, есть мѣсто для всѣхъ. Вамъ всѣмъ знакомы изображенія городовъ XII, XIII и XIV вѣковъ. Какъ малы были эти города! И мы почти постигаемъ, что ихъ узкосердечное и не вполне подвижное населеніе могло ненавидѣть и преслѣдовать хозяйственный элементъ, показывавшій большую подвижность. Но все это больше не имѣетъ смысла. Этого не должно быть. Антисемитизмъ является анахронизмомъ не въ томъ смыслѣ, какъ обычно говорятъ: «Черезъ сто лѣтъ послѣ Лессинга!» и т. д. Да, именно черезъ сто лѣтъ послѣ Лессинга существуетъ еще довольно много людей, ограниченныхъ и неспособныхъ ко всякому благородному движенію, и таковыя всегда будутъ. Но тѣмъ не менѣе вовсе не необходимо больше страдать отъ антисемитизма. Конечно, пройдетъ еще нѣкоторое время, пока придутъ къ этому заключенію, и не только мы, которые въ концѣ концовъ всѣ были и остались угнетаемыми, которымъ вовсе не подобаетъ задаваться великими мечтами, но и профессиональные политики очень поздно сдѣлали свои выводы изъ чудесъ

средствъ сообщенія. Каковъ же выводъ изъ развитія способовъ сообщенія? — Это колониальная политика. И мы видимъ, что въ тѣхъ государствахъ, которыя думаютъ о своемъ будущемъ — это бываетъ не всюду — занимаются колониальной политикой. Мы видимъ, какъ изслѣдуютъ и пересѣкаютъ черный материкъ, какъ имъ овладѣваютъ и борются за каждый кусокъ земли, ибо люди, которые направляютъ судьбы другихъ людей, знаютъ, что значить земля, и заботятся о грядущихъ временахъ.

Въ будущемъ столѣтїи обратятся къ другой части свѣта. Политика будущаго столѣтїя есть политика азіатская со времени китаѣско-японской войны и связаннаго съ ней глубокомысленнаго займа, которому мы покаместъ обязаны временнымъ миромъ, которымъ наслаждаемся.

И если теперь этотъ поворотъ къ Азіи въ колониальной политикѣ сталъ ощутителенъ, то не глупо было бы, если бъ и мы, тѣсными повседневными ощущеніями, становящимися изъ дня въ день хуже, подумали о колониальной политикѣ.

Она существуетъ не съ сегодняшняго дня, и я далекъ отъ мысли приписать тутъ что-нибудь себѣ; меня натолкнули на это счастливые и удивительные результаты, уже почти достигнутые. Эта политика существуетъ у насъ уже давно. Она началась въ сороковыхъ годахъ сэромъ Мозесомъ Монтефіоре, ведшимъ переговоры съ вице-королемъ Египта о приобрѣтеніи территоріи для евреевъ. Вы слышали, въ какой степени это развивалось далѣе и

было продолжено Гиршемъ и Эдмундомъ Ротшильдомъ.

Разнообразныя попытки колонизаціи, предпринятые отдѣльными кружками и въ различныхъ странахъ, доказываютъ прежде всего, что это колониальное движеніе возникало повсюду самопроизвольно, какъ насущная, предусмотрительная и предохранительная мысль на случай движенія, которое, будемъ надѣяться, не окажется столь плохимъ, какъ представляютъ себѣ многіе пессимисты.

Во всякомъ случаѣ эта мысль вполне благоразумна и въ дѣйствительности не заслуживаетъ тѣхъ насмѣшекъ, которымъ она подвергается; это мысль, которую можно защищать, если вы представите себѣ тѣ обстоятельства, которыя мы теперь переживаемъ, если всмотритесь, какой характеръ носить антисемитизмъ, которымъ мы наслаждаемся.

Этотъ антисемитизмъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ формъ ненависти къ евреямъ, которыя извѣстны намъ въ исторіи, и онъ долженъ быть отличенъ, ибо онъ возникъ среди полнѣйшей эмансипаціи. Колонизаціонное движеніе ни въ коемъ случаѣ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые — болѣе католики, чѣмъ самъ папа — не непатріотично, ибо оно желаетъ только создать облегченіе тамъ, гдѣ показываются признаки угнетенія.

Этотъ нынѣшній антисемитизмъ, какъ я уже повторялъ нѣсколько разъ и повторяю тѣмъ, которые еще этого не слышали, имѣетъ двѣ причины. Первая та, что мы въ теченіе долгаго періода то-

неній потеряли способность всасываться безслѣдно. Мы остаемся замѣтными, составляемъ группу, историческую группу людей, которые замѣтнымъ образомъ соединены воедино и имѣютъ общаго врага. Таково, кажется, достаточное опредѣленіе для націи. Я не требую отъ націи одинаковаго языка или совершенно общихъ признаковъ расы. Для націи хватаетъ этого вполне мирнаго опредѣленія. Мы замѣтно объединенная историческая группа людей, связанныхъ воедино общимъ врагомъ. И мы таковы, отрицаемъ ли мы это или нѣтъ, знаемъ ли мы это или нѣтъ и хотимъ ли мы этого или нѣтъ. Вторая причина антисемитизма та, что мы производимъ слишкомъ много интеллигенціи, и это зло дѣлается съ каждымъ годомъ, даже днемъ, все хуже. Они должны были бы совершенно закрыть, какъ это пробовали уже, огромные резервуары, изъ которыхъ текутъ наши силы или же отвести ихъ въ другое русло. Теперь наше перепроизводство интеллигенціи не только домашнее, но также притекающее извнѣ. Но какъ устроитесь вы хотя бы только съ домашней? Чтобъ лишить антисемитизмъ почвы, вы должны отнять у него и основанія. Не думайте, пожалуйста, что философскими доказательствами, призывами къ человѣчности вы заманите хотя бы одного антисемита. Вы не можете отнять у антисемитизма причинъ ни историческихъ, ни современныхъ. Баронъ Гиршъ думать, что надо понизить духовный уровень евреевъ. Это была хорошая мысль, но разсужденіе неправильное, ибо развитіе жизни показываетъ, что этотъ

уровень все поднимается. Этот уровень понизить рѣшительно невозможно, наоборотъ, онъ становится все выше. Каждый еврей-буржуа, каждый еврей-купецъ или ремесленникъ имѣетъ въ себѣ это благородное стремленіе учить своего сына, ибо онъ сознаетъ, что знаніе ведетъ къ свободѣ, какъ и мы знаемъ, что оно приведетъ къ свободѣ и насъ.

Обратитесь къ статистикѣ: тамъ вы можете увидѣть, что въ университетѣ и во всѣхъ отрасляхъ, гдѣ мы работаемъ, господствуетъ несоразмѣрность нашей интеллигенціи. Они не могутъ выѣстить даже и этого, а дѣло становится, какъ я уже сказалъ, все хуже. И такъ какъ мы скорѣе осваиваемся съ прогрессомъ — мы не дѣлаемъ, правда, сами всѣхъ изобрѣтеній, но мы самымъ послѣднимъ образомъ примѣняемъ ихъ, и на это мы имѣемъ право — дѣло все продолжается, и неизвѣстно, въ какой мѣрѣ все это еще увеличитъ недовольство. Какъ же дальше обстоитъ дѣло съ воспрепятствованіемъ притока зарубежной интеллигенціи? Тутъ частью со стороны отдѣльных правительствъ, частью со стороны самого еврейства были испробованы извѣстныя предохранительныя мѣры. На одной сторонѣ ничего не имѣли противъ того, чтобы евреи покидали Россію, имъ даже рекомендовали это, а на другой, гдѣ ихъ также не очоно охотно желаютъ видѣть, образовались благотворительныя общества, которые старались какъ можно скорѣе переправить этихъ людей въ другія страны, точно говоря: «уберите его съ моихъ глазъ, онъ разбиваетъ мнѣ сердце». Эти люди, такимъ

образомъ, разсѣиваются по новой діаспорѣ, далеко по земному шару. Мнѣ хотѣлось бы при этомъ привести вамъ два примѣра не совсѣмъ безразличные и для колонизаторской способности евреевъ. Одинъ изъ этихъ примѣровъ доставилъ намъ путешественникъ по Африкѣ, Юнкеръ, очутившійся однажды въ юго-западной Африкѣ передъ агентурой гамбургскаго торговца дикими звѣрями Гагенбека. Передъ домомъ ребенокъ агента игралъ съ маленькими львами и тиграми; имя агента было Конъ.

Изъ отчета объ островахъ Южнаго океана я почерпнулъ слѣдующее: приблизительно на равномъ разстояніи между Австраліей и Южной Америкой находится небольшая группа острововъ, острова Кука. Одинъ изъ этихъ острововъ называется Паротонта. Здѣсь во главѣ важнѣйшей компаніи сообщеній «Cooks-Trade-Company» стоитъ австріецъ, по имени Конъ.

Итакъ, вездѣ и повсюду мы находимъ евреевъ, и нигдѣ имъ не даютъ чувствовать себя дома. Да и не всякое мѣсто приспособлено для ихъ пріема. Такъ Еврейское Колонизаціонное Общество, наследникъ барона Гирша, озабочено уже тѣмъ, что результаты въ Южной Африкѣ оказались неблагоприятными. Евреи не процвѣтаютъ тамъ, да и тамъ уже начинается проявляться очень замѣтный анти-семитизмъ.

Что же будетъ съ евреями? Перебить всѣхъ нельзя, а тяжелыя проявленія гнета все увеличиваются. Каждый день приносятъ намъ свѣдѣнія объ

этомъ, и достаточно только читать газеты, чтобы найти краткій обзоръ происходящихъ еженедѣльно гоненій и притѣсненій евреевъ.

При такихъ обстоятельствахъ у насъ явилась мысль создать бассейнъ, который могъ бы воспринять со всѣхъ сторонъ считающихся лишними, рассматриваемыхъ, какъ вредный элементъ, евреевъ. И такимъ бассейномъ кажется друзьямъ колонизаціи старое историческое мѣсто, гдѣ жилъ народъ библейскій, и которое такъ любить широкая, еще не столь просвѣщенная масса нашего народа. Это находятъ даже смѣшнымъ. Въ странѣ, которая имѣетъ для нихъ столь непреодолимую, притягательную силу, возможно чудеснымъ образомъ вновь пустить корни. Вы знаете всѣ, что происходитъ теперь на Босфорѣ. Это то, что извѣстно подъ названіемъ «положеніе Турціи». И это положеніе Турціи довольно скверное.

Я былъ тамъ въ іюнѣ этого года, чтобъ составить себѣ представленіе обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, и уяснилъ себѣ кое-что. Положеніе, дѣйствительно, очень скверное, и это даетъ возможность использовать его для разрѣшенія еврейскаго вопроса. Вы недавно слышали или, можетъ быть, читали о попыткахъ, которыя дѣлаются для оздоровленія финансоваго положенія Турціи.

Фактически вѣдь именно финансовая сторона — корень всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Турція — страна, которая стала великой, благодаря войнѣ, которая держалась, благодаря войнѣ, и при нынѣшнемъ дорогомъ стоящемъ вооруженномъ мирѣ обре-

чена на гибель. Когда настало время, которое мы прежде признали водораздѣломъ исторіи, — время новыхъ открытій, это государство не сумѣло примѣниться и принять участіе въ нихъ и, такимъ образомъ, постепенно падало.

Культура Турціи удручающа. Пройдя болгарскую границу, вы внезапно попадаете въ дикую страну. Болгарія еще культурна, Турція же совершенно нѣтъ. Это государство совершенно не въ состояніи перенести нашего нынѣшняго мира, ибо онъ требуетъ очень много денегъ, а страна все болѣе и болѣе нищаетъ. Послѣдствія этого выказываются и въ управленіи, которое не можетъ функционировать правильно. А это ведетъ къ коррупции, которая влечетъ за собой возстанія, избіенія, а послѣднія ведутъ за собой дипломатическія ноты.

Взяться за финансы Турціи возможно только при помощи еврейскаго финансоваго міра.

Я думаю, что это дипломатически-финансовое предпріятіе для колонизаціи и, слѣдовательно, для разрѣшенія еврейскаго вопроса невыгодно, и я надѣюсь, что еврейскій финансовый міръ на это не пойдетъ.

Конечно, пожеланіе, высказываемое мной здѣсь, въ такой формѣ, не обладаетъ еще большою силою, но прошу васъ вѣрить, что мы уже въ состояніи высказывать наши пожеланія въ различныхъ мѣстахъ, городахъ и странахъ, и возможно, что окажется не совершенно безрезультатнымъ, если мы обратимъ на это вниманіе большихъ еврейскихъ финансистовъ.

Опасность, что эта финансовая интервенція можетъ имѣть мѣсто теперь же, сейчасъ, въ общемъ не столь уже велика потому, что султанъ чувствуетъ сильную антипатію ко всякому вмѣшательству постороннихъ людей въ его доходы. Есть, такимъ образомъ, надежда, что теперешнее состояніе Турціи удержится еще на долгое время.

Султанъ можетъ добиться для своихъ финансовъ помощи настоящей, искренней, только благодаря соглашенію съ евреями, и именно съ тѣми евреями, которые ведутъ политику еврейскую, а не политику по порученію какого-нибудь кабинета. Я сейчасъ разъясню вамъ это.

Колонизацію въ большомъ масштабѣ, которую мы считаемъ желательной, можно вообразить себѣ только, какъ таковую, которая стоитъ подъ своей самозащитой и имѣетъ свою автономію, иначе мы рискуемъ взрастить гдѣ-нибудь новыхъ армянъ. Разрѣшеніе массовой колонизаціи было бы со стороны турецкаго правительства большой уступкой, за которую и ему нужно бы сдѣлать большія уступки. Это можетъ произойти приблизительно такъ: за разрѣшеніе переселенія евреевъ въ Палестину въ большомъ масштабѣ, какъ это необходимо, предлагается заемъ. Этотъ заемъ базируется на налогѣ, который имѣетъ быть уплачиваемъ евреями. Такихъ примѣровъ въ исторіи множество; въ этомъ, значитъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго. Налогъ можетъ быть установленъ въ первые годы, начиная съ 100,000 фунтовъ стерлинговъ и можетъ потомъ дойти до милліона фунтовъ въ годъ. На этомъ на-

логъ будетъ основанъ заемъ. Такимъ образомъ, Турція могла бы получить все возрастающій заемъ, который начался бы двумя милліонами англ. фунтовъ и дошелъ бы до 20 милліоновъ фунтовъ. Это по меньшей мѣрѣ нѣчто, о чемъ можно уже серьезно разсуждать и не только за столикомъ въ кафе или ресторанѣ, но и съ людьми, отъ которыхъ кое-что зависитъ.

Налогъ, который долженъ лечь въ основаніе займа, можетъ быть гарантированъ имѣющими образоваться колонизаціонными обществами. Имѣется очень большой фондъ, котораго для этого вполне хватило бы. И при томъ всегда еще можно разсчитывать, если ужъ не на средства, то на содѣйствіе еврейскаго финансоваго міра.

Если даже въ ближайшее время не удалось бы придти къ такому соглашенію съ Турціей, евреи все же могли бы пока собирать для этой цѣли повсюду Національный фондъ. Фондъ этотъ, само собой, долженъ былъ бы вездѣ оставаться въ распоряженіи тѣхъ, которые его собрали. Достаточно было бы также условныхъ подписокъ.

Всѣмъ этимъ я хотѣлъ бы только сдѣлать вамъ набросокъ того, какъ можно провести колонизацію Палестины въ большемъ масштабѣ.

Я не буду вдаваться въ подробности того, что потребуется для развитія этой страны, имѣющей размѣры Бельгіи и обладающей холоднымъ, умереннымъ и теплымъ климатомъ, береговая полоса которой имѣетъ климатъ и плоды Южной Италіи и Сициліи. Какъ это можно сдѣлать, — я пока по-

дробно говорить не буду. Если мысль о колонизации Палестины станет такой популярной, какъ она этого заслуживаетъ, въ большихъ и серьезныхъ задачахъ недостатка не будетъ. Что такой фондъ собрать нужно, станетъ ясно каждому еврею. И не только тѣмъ, кто, подобно извѣстнымъ русскимъ сіонистамъ, разыгрываютъ ту землю, которую они желаютъ купить, устраивая, такимъ образомъ, родъ лоттерей. Это станетъ ясно и тѣмъ, у которыхъ нѣтъ мысли о переселеніи, потому что они сознаютъ, насколько увѣреннѣе станетъ ихъ существованіе, если удастся переселить туда массы русокаго и румынскаго еврейства.

Для руководства различными хозяйственными и техническими задачами можетъ быть употреблена въ дѣло молодежь, для которой во многихъ странахъ уже столь затруднено успѣшное устройство. Этимъ будетъ достигнуто и значительное облегченіе, которое должно стать замѣтнымъ повсюду и именно въ такой степени, чтобы стало замѣтно и то, что евреевъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ. Это приведетъ къ упадку и исчезновенію антисемитизма.

Все, что я вамъ объяснялъ, къ сожалѣнію, не вполне достаточными средствами рѣчи, есть нѣчто идеальное, слишкомъ идеальное, хотя я вамъ говорилъ и о многихъ практическихъ вещахъ, которыя вторгаются въ жизнь. Но если бъ даже это и было только чѣмъ-то идеальнымъ, то и тогда его слѣдовало бы встрѣтить съ дружелюбнымъ привѣтствіемъ. Этотъ идеалъ, конечно, былъ изъ насъ вы-

колоченъ, но онъ все же налицо и привелъ насъ опять туда, откуда мы дали себя сплавить, смыть.

Я подразумѣваю тутъ ту среду нашего характера и духа, въ которой сохранилось столько поколѣній до насъ. Если они могли сохраняться въ столь тяжелыхъ условіяхъ, значить у нихъ было много характера. И дѣйствительно, вся исторія еврейскихъ гоненій есть славная для насъ страница въ исторіи человѣчества. Ужасы среднихъ вѣковъ были чѣмъ-то чудовищнымъ, и люди, сумѣвшіе противостоятъ пыткамъ, должны были имѣть въ себѣ нѣчто чрезвычайно сильное, то внутреннее единство, которое у насъ затерялось. Поколѣніе, которое выросло въ сторонѣ отъ еврейства, не имѣетъ этого единства и столь же мало можетъ считаться съ нашимъ прошлымъ, какъ и взирать на наше будущее. Поэтому мы хотимъ вновь уйти въ еврейство и не давать себя больше вытѣснить изъ этой твердыни. Пусть нѣкоторые попытаются отдѣлаться отъ этой національной мысли улыбками, но она все же существуетъ, и мы будемъ высоко держать и развѣвать ея знамя. И послѣ того, какъ мы сдѣлали это признаніе, послѣ того, какъ мы заявили, что мы евреи, тогда мы можемъ принять участіе въ бѣдствіи другихъ.

Ничто человѣческое намъ не чуждо. Мы также хотимъ содѣйствовать улучшенію всеобщаго положенія, но какъ евреи именно, а не какъ неопредѣленные существа. И все, что мы тогда сдѣлаемъ, какъ евреи, тоже послужитъ къ нашей чести.

Насъ научатся уважать, если и у насъ, по-

добно другимъ народамъ, будетъ свой идеалъ. Многіе думаютъ, что это устарѣвшая мечта, которою теперь грезимъ и мы. Но въ дѣйствительности это есть нѣчто очень современное, настолько же современное, какъ и наши страданія и судьбы каждаго дня. Мы всегда имѣли, чѣмъ болѣть, и выдержали это, а теперь мы живемъ все-таки въ другое болѣе просвѣщенное время, когда стойкость стала возможнѣе.

Не слѣдуетъ повторять дурную шутку, что мы говоримъ въ духѣ антисемитовъ. Это ложь! Нашей мечтой увлекаются и очень серьезные, далеко не юдофобы, христіане. Подобно тому, какъ во время возстанія грековъ, человѣчеству нравилось возрожденіе Греціи, такъ и теперь крикъ удивленія пронесется по міру, когда эти придавленные евреи высоко воспрянутъ надъ издѣвательствами. И потому я вѣрю, что въ это время — пусть идеалы каждаго изъ насъ отдѣляютъ насъ другъ отъ друга, пусть идеалъ одного лежитъ немного впереди, а другого позади, — мы все же сблизимся и будемъ крѣпко держаться другъ друга, ибо и на насъ идутъ гуртомъ.

Я не знаю, доживемъ ли мы еще въ этомъ поколѣніи до освобожденія отъ позора и бѣдствія. Возможно, если мы будемъ умны и рѣшительны. Но я знаю также и то, что уже хожденіе по этому пути сдѣлаетъ изъ насъ другихъ людей. Мы пріобрѣтемъ вновь наше внутреннее единство и съ нимъ долю характера, и именно нашего собственнаго характера. Характера не марранскаго, заимствован-

наго, фальшиваго, а нашего собственнаго. И тогда только мы вступимъ со всѣми другими честными людьми на поприще справедливости, любви къ ближнему и высокой свободы духа, тогда мы займемъ мѣста на всѣхъ поприщахъ чести и подумаемъ о томъ, чтобы двигать впередъ науку и искусства. Для того, чтобы блескъ нашихъ дѣяній падалъ на ничтожнѣйшаго изъ нашего народа.

Такъ понимаю я еврейство.

„Національное еврейство“ д-ра Гюдемана.

Оберъ-раввинъ Вѣны, д-ръ Гюдеманъ, взялъ на себя трудъ написать брошюру о сіонизмѣ, или лучше сказать, противъ сіонизма. Никто такъ охотно, какъ я, не признаетъ компетентности его преподобія въ этомъ вопросѣ. Онъ знаетъ его хорошо. Онъ зналъ — по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени — все, что происходило въ нашемъ движеніи. И, можетъ быть, нѣкоторымъ покажется любопытнымъ, что я свой трудъ «Der Judenstaat» («Еврейское государство») представлялъ въ черновомъ оттискѣ его преподобію. Я зналъ, что, выпуская эту вещь, я предпринимаю нѣчто чреватое событіями, и не хотѣлъ легкомысленно пустить въ свѣтъ книгу, которая, хотя и написанная съ самыми лучшими намереніями принести пользу моимъ единоплеменникамъ, все же могла бы, пожалуй, по причинамъ, независящимъ отъ моего желанія, повредить еврейству. Поэтому я вошелъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми людьми, которыхъ считалъ серьезными и разсудительными. Къ нимъ принадлежалъ и д-ръ Гюдеманъ. Я уже изъ Парижа велъ съ нимъ переписку относительно еврейскаго вопроса, а потомъ часто обмѣнивался съ нимъ мнѣніями устно. Д-ръ Гюдеманъ зналъ мое сочиненіе «avant la

lettre», и когда онъ 2-го февраля 1896 г., по прочтеніи черноваго оттиска, написалъ мнѣ: «Я прочелъ все и не нахожу ничего, на что сдѣлать указанія», то это было успокоеніемъ для моей совѣсти. Я цитирую здѣсь только одно мѣсто изъ его писемъ, въ которыхъ заключается много воодушевленія идеею и дружественныхъ отзывовъ о моихъ намѣреніяхъ.

Этимъ упоминаніемъ я нисколько не желалъ бы отрицать право его преподобія измѣнять свои взгляды. Этимъ правомъ обладаетъ всякій. Такъ же, какъ и правомъ ошибаться. Не рѣшаюсь только судить, когда онъ наиболѣе воспользовался послѣднимъ правомъ. Мы вѣдь не вѣримъ въ непогрѣшимость людей. Достаточно, если мы стремимся къ истинѣ, а это я, конечно, предполагаю у моего почтеннаго противника. Но имѣю ли я право на борьбу? Мнѣ кажется, — да! Сіонизмъ, которому я служу по мѣрѣ своихъ силъ, задѣтъ д-ромъ Гюдеманомъ очень сильно. Правда, нападающій оперируетъ со смутными неопредѣленностями, но всѣ знаютъ, кого и что подразумѣваетъ авторъ «Національнаго еврейства».

А господинъ, который принялъ на себя заботу возвѣстить въ «Oesterreichische Wochenschrift» о выходѣ въ свѣтъ произведенія д-ра Гюдемана, ясно сказалъ: «книжка въ своихъ трехъ первыхъ отдѣлахъ посвящена прошлому, а въ четвертомъ будущему. Первая группа могла бы быть озаглавлена: «Израиль, какъ естественный врагъ національной идеи», вторую можно было бы назвать:

«Д-ръ Гюдеманъ противъ д-ра Герцля». Это указаніе вполнѣ правильно. Правда, д-ръ Гюдеманъ не первый изъ оберъ-раввиновъ, публично заявившій себя противникомъ національнаго еврейства. Почтенный chief-равви Лондона опередилъ его на нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ chief-равви, д-ръ Адлеръ — человѣкъ, явившійся въ Англію изъ Германіи и навѣрное желающій вести свое происхожденіе отъ англо-саксовъ. Но въ то же время другой chief-равви, д-ръ Гастеръ, такъ же рѣшительно высказался за сіонизмъ. Дѣло это спорное.

Но все же я только удивленъ, а не огорченъ нападеніемъ, которымъ д-ръ Гюдеманъ удостоилъ наше дѣло. Вѣдь это настоящее наслажденіе имѣть противника, который высказывается или молчитъ не изъ угожденія кому-либо. Господинъ оберъ-раввинъ занимаетъ такое независимое положеніе, что мысль о томъ, что онъ, подобно многимъ другимъ, ведетъ дѣло богатыхъ противъ бѣдныхъ — совершенно исключена. Только внутреннія побужденія могли привести его къ этому выступленію. Но почтительно констатируя это, мы все же должны выразить сожалѣніе, что онъ умолчалъ о наиболѣе сильныхъ мотивахъ своего теперешняго мнѣнія.

А тѣ мотивы, которые онъ приводитъ въ своей книжкѣ, слабы.

Не надо вчитываться долго, чтобы натолкнуться на странное противорѣчіе. Уже въ самомъ началѣ (стр. 4) авторъ, авторитетъ котораго въ этомъ пунктѣ никто отрицать не станетъ, говоритъ, что «еврейская религія никогда не имѣла ничего общаго

съ политическими обстоятельствам момента». Это утверждение онъ забываетъ, однако, уже на слѣдующей страницѣ (стр. 5) и пишетъ: «Но въ борьбѣ, которую различныя партіи ведутъ за будущія судьбы евреевъ, еврейская религія почти совершенно забыта. А ея голосъ во всѣхъ еврейскихъ вопросахъ не только долженъ быть выслушаннымъ первымъ, но и быть рѣшающимъ».

Но сіонизмъ, какъ между тѣмъ совершенно справедливо указалъ д-ръ Гюдеманъ, возникъ именно изъ политическихъ условій и стремится къ тому, чтобы создать для евреевъ другія политическія условія. Національно-еврейское движеніе является насквозь политическимъ. Итакъ, или-или! Или еврейская религія никогда не имѣетъ ничего общаго съ политическими условіями, или же ея голосъ долженъ быть выслушанъ первымъ. Но, чтобъ она въ одно и то же время и не имѣла ничего общаго и была преобладающей при рѣшеніи — это я считаю трудно совмѣстимымъ.

Допустимъ на мигъ, что правильно второе утвержденіе. Религія должна имѣть преобладающее рѣшеніе. Что же это значитъ? Это значило бы передать все дѣло на споръ теологовъ, а эти почтенные господа слишкомъ учены, чтобъ когда-нибудь придти къ согласному рѣшенію. Одинъ chief-равви скажетъ «нѣтъ», другой chief-равви скажетъ «да», не говоря уже о просто раввинахъ, которые говорятъ и «да», и «нѣтъ». Правда, д-ръ Гюдеманъ выстраиваетъ въ боевомъ порядкѣ рядъ цитатъ противъ сіонизма, но я думаю, что по меньшей

мѣрѣ столько же ихъ найдется и за сіонизмъ. Я конечно, слишкомъ не свѣдущъ, чтобы доставить ихъ, это смогъ бы сдѣлать д-ръ Гюдеманъ. Онъ сумѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это 2-го февраля 1896 г., ибо тогда онъ не нашелъ «ничего, на что сдѣлать указанія». Зато въ одной недавно появившейся брошюрѣ ученаго купца Арона Маркуса изъ Подгоржа я нахожу мѣсто, которое можетъ придти намъ на помощь:

«Колонизаціонное движеніе уже болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ было вызвано къ жизни въ самыхъ благочестивыхъ кругахъ самыми видными раввинами и съ ясно выраженной тенденціей образованія государства. Трудъ «Schibas Zion» заключаетъ въ себѣ свыше ста согласныхъ мнѣній нашихъ величайшихъ раввиновъ». Какъ можетъ д-ръ Гюдеманъ связать этотъ фактъ съ своимъ заявленіемъ (стр. 40): «но никогда ни отъ одной призванной партіи не исходилъ ко всему еврейству призывъ къ, такъ сказать, безкровному крестовому походу, къ обратному завоеванію своей національной независимости».

А тотъ же Аронъ Маркусъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «самые ортодоксальные евреи съ готовностью принимаютъ предложенія государственнаго возрожденія еврейства, которыя дѣлаются самыми современными вольнодумцами». Этому Арону Маркусу изъ Подгоржа это должно быть хорошо извѣстно, — онъ самъ «хассидъ», хотя и высоко-образованный и умный писатель, написавшій замѣчательную книгу о новѣйшей философіи. Но

по своему пражданскому положенію онъ купецъ. «Онъ не живетъ отъ еврейства», какъ говоритъ нашъ другъ Леонъ Кельнеръ, «а для еврейства».

Что послѣдовательные свободомыслящіе въ сіонизмъ могутъ идти рука объ руку съ послѣдовательными ортодоксами, не пойметъ только тотъ, кто не знаетъ, что такое сіонизмъ.

Сіонизмъ объединяетъ всѣхъ сыновъ еврейской націи. Однимъ изъ основныхъ положеній нашего сіонизма является полная свобода совѣсти. Тѣ, убѣжденія которыхъ цѣлыны, тѣ, которые высказываютъ свои убѣжденія, не взирая на враговъ и друзей, съ большой сердечностью уважаютъ другъ друга въ сіонизмѣ. Мы предоставляемъ каждому быть праведнымъ по своему. А мы, свободомыслящіе, въ особенности уважаемъ ортодоксію, которая подъ неслыханными страданіями оберегала религію безъ уклончиваго оппортунизма, безъ угодничества передъ могучими и богатыми, оберегала крѣпко, вѣрно, неуклонно.

Но развѣ это *petitio principii*, когда я говорю, что сіонизмъ охватываетъ всѣхъ сыновъ еврейской націи? Эту націю надо вѣдь доказать еще? Въ этомъ пунктѣ д-ръ Гюдеманъ набрасывается на насъ съ особенной силой. Тотъ фактъ, что евреи—народъ, я и буду доказывать сначала его собственными словами, а потомъ уже своими. Онъ говоритъ (стр. 7): «Что евреи, или, какъ они назывались первоначально, израильтяне были нѣкогда народомъ, есть фактъ историческій». Но тутъ онъ

опять забылъ то, въ чемъ упрекалъ сіонистовъ двумя страницами раньше. Тамъ (стр. 5) онъ думаетъ, «что толкованіе еврейства по масштабу требованія момента не научно».

На чемъ же мы остановимся? Исходимъ мы изъ историческаго факта, или «толкуемъ по масштабу требованія момента?» Далѣе его преподобіе говорить (стр. 7):

«Изслѣдуемъ, однако, какъ у нихъ (евреевъ) выражается то, что дѣлаетъ скопище людей народомъ, скажемъ, народную душу или національный духъ; насколько они въ этомъ отношеніи походятъ на другіе народы, или же отъ нихъ отличаются! Отъ поселенія въ Палестинѣ до втораго разрушенія храма, то-есть, въ продолженіе всего существованія израильско-іудейскаго народа, въ немъ замѣчаются всѣ тѣ явленія, которыя мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ и на которыхъ покоится народное самосознаніе: единство отечества, языка, религіи, законовъ и обычаевъ».

Но, дѣйствительно, ли народное самосознаніе покоится только на этихъ единствахъ, какъ думаетъ онъ? Оно не покоится на единствѣ отечества — это доказываютъ разсѣянные по всему свѣту части другихъ народовъ, а еще въ большемъ размѣрѣ колоніи. Ибо всѣ народы живутъ теперь нѣкоторымъ образомъ въ діаспорѣ, и только нашей *privilegium odiosum* является, что мы повсюду колонисты безъ родной земли. У насъ есть «отечества», это тѣ, гдѣ мы являемся гражданами — насколько намъ это дозволяется, — но у насъ нѣтъ

родной земли. И къ этой родной землѣ сіонизмъ стремится душой.

Но далѣе. Народное самосознаніе не покоится также на единствѣ языка — доказательство: Австрія или Швейцарія. Не на единствѣ религіи — доказательство: всѣ культурныя государства. Не на единствѣ закона — доказательство: Германія до объединенія. Не на единствѣ обычаевъ — доказательство: каждая страна, гдѣ есть классовыя различія. Народное самосознаніе вообще не покоится на этихъ явленіяхъ, а только вызываетъ ихъ послѣ того, какъ само уже стало очень сильнымъ.

На чемъ же покоится народное самосознаніе и чего д-ръ Гюдеманъ доказать не умѣетъ?

Оно покоится на сознаніи извѣстнаго числа людей, что они объединены историческими условіями и въ настоящемъ должны рассчитывать другъ на друга, если не хотятъ погибнуть.

То, насколько сознаніе пользы такого объединенія постепенно замѣняется болѣе высокими идеями и постепенно очищается отъ низменнаго, было бы прекрасной темой для изслѣдованія, но теперь это насъ завело бы слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ все это можно высказать безъ эзотерическаго важничанья и обыденными словами, ибо это есть простая вещь и можетъ быть понято самыми простыми сердцами.

Мы — нація. Кто въ противорѣчій съ исторіей? Тѣ, которые отрицаютъ, или тѣ, которые утверждаютъ это? Мое опредѣленіе націи я давалъ уже мнопократно: нація есть историческая группа лю-

дей, которые явственны связаны другъ съ другомъ и держатся вмѣстѣ, благодаря общему врагу.

Впрочемъ д-ръ Гюдеманъ (стр. 13) и самъ допускаетъ, что всякій народъ возникаетъ, благодаря врагу. Одна изъ прелестей его писанія это то, что онъ часто противорѣчитъ себѣ. Не думаетъ ли онъ, что мы больше не должны быть народомъ, хотя или потому, что мы исторически были имъ? Мы могли бы ему сказать, что мы даже безъ тѣхъ старыхъ узъ имѣли бы не подлежащее давности право создать новыя узы. Беру его слова со страницы 13: «факель войны возжегъ національное воодушевленіе, въ его пламени были выкованы узы, которыя связали массы и сдѣлали ихъ націей».

Въ дѣйствительности же эти узы древнихъ временъ еще существуютъ, и это знаетъ каждый еврей. А господину оберъ-раввину неужели это неизвѣстно? О, онъ также ссылается на общность, насколько это ему удобно, онъ говоритъ о нашихъ общихъ задачахъ и общихъ цѣляхъ, о нашей «миссіи». Ахъ, эта миссія! Подъ этимъ не слѣдуетъ подразумѣвать работу бѣдныхъ монаховъ, направляющихся къ людоѣдамъ въ дикія страны для обращенія ихъ въ христіанство. Еврейство не желаетъ прозелитовъ, это я знаю достоверно. Я самъ слышалъ это отъ д-ра Гюдемана. Еврейская «миссія» есть нѣчто сытое, удобное, хорошо устроившееся. Уже многіе дни и годы смотрю я на тѣхъ людей, которые приводятъ мнѣ въ отвѣтъ миссію, когда я имъ говорю

о возрастающей нуждѣ нашихъ бѣдняковъ. Всѣ эти миссіонеры чувствуютъ себя превосходно. Д-ръ Гюдеманъ говоритъ, однако, о евреяхъ-націоналистахъ съ ироніей превосходства: «при этомъ можетъ случиться, что при намѣреніи помочь евреямъ погибнетъ еврейство».

Какое еврейство? То, представителемъ котораго онъ является теперь, или то, которое онъ представлялъ въ февралѣ 1896 г. Похоже на то, будто онъ защищаетъ религію отъ націи. Но кто защититъ религію отъ господина оберъ-раввина? То, что онъ говоритъ на страницахъ 40 и 41, принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ самообличеніямъ, которыя только потому не падаютъ на всѣхъ раввиновъ, что именно не всѣ раввины держатся его мнѣнія. Онъ говоритъ: «Сіонъ представлялъ и представляетъ собой для евреевъ символъ ихъ собственной, но и охватывающей также и все человѣчество будущности. Въ этомъ менѣе всего національномъ смыслѣ надо понимать моленіе о возвращеніи въ Сіонъ въ нашихъ молитвахъ, въ которыхъ оно потому и занимаетъ вполне законное мѣсто».

Такъ! значитъ, когда молятся о возвращеніи въ Сіонъ, то подъ этимъ слѣдуетъ подразумѣвать нѣчто противоположное? Слова молитвы имѣютъ, значитъ, не то значеніе, которое община, твердо придерживаясь слова, придаетъ имъ? И въ тотъ моментъ, когда положеніе міровыхъ соотношеній, выступившій послѣ эмансипаціи и, слѣдовательно, безповоротный антисемитизмъ, возрождающееся національное еврейство, положеніе на Востокъ и

техническія завоеванія способствуютъ тому, чтобъ сдѣлать возвращеніе въ Сіонъ возможностью — въ этотъ моментъ оберъ-раввинъ говоритъ: «не обращайтесь на это вниманія, это былъ только «символь»!»

И послѣ этого его преподобіе хочетъ еще поучать насъ тому, что такое «истинный сіонизмъ»? «Ибо истинный сіонизмъ нельзя отдѣлить отъ будущности человѣчества» (стр. 49). Да, мы знаемъ это и такъ мыслимъ мы нашъ сіонизмъ съ его социальными реформами (семичасовой рабочій день и т. д.), съ его терпимостью и любовью къ бѣднѣйшимъ изъ отверженныхъ.

Я отказываюсь сегодня отъ дальнѣйшаго возраженія. Въ глубинѣ души я сожалею, что д-ръ Гюдеманъ вынудилъ меня на полемику, въ которой я не могъ пощадить его настолько, насколько хотѣлъ бы этого, ибо онъ человѣкъ пожилой и мы раньше поддерживали дружескія отношенія. Я думаю, что онъ по добродушію далъ себя обойти закулиснымъ совѣтчикамъ, конецъ которыхъ уже близокъ. Эти люди плохо поняли умеренность, къ которой сіонизмъ до сихъ поръ прилагалъ и будетъ прилагать всѣ старанія, если его не будутъ ожесточать и отравлять вѣроломствами. Эти люди, о которыхъ говорятъ—то по поводу скандаловъ ихъ метрессъ, то по поводу триумфовъ ихъ скаковыхъ лошадей или биржевыхъ маневровъ, которыми они превращаютъ въ бѣдняковъ среднюю биржевую публику, или же по поводу порчи, которую они распространяютъ вокругъ себя, подобно чумѣ;

эти люди, которыхъ видишь повсюду, но не тамъ, гдѣ бѣдняки-евреи стоятъ въ тяжелой борьбѣ — эти люди пусть примутъ къ свѣдѣнію, что не за ихъ спиной подымается противъ нихъ второе народное движеніе, численно меньшее, но именно потому гораздо отчаяннѣе. Ахъ да, среди нихъ есть еще такъ называемые «благотворители». Это, значить, они воспитываютъ шнореровъ, то-есть, наносятъ вредъ еврейскому народу еще и кроткими дарами изъ тѣхъ богатствъ, которыя возникли иногда самымъ компрометирующимъ образомъ. Да, эти господа достаточно ловки для того, чтобъ самимъ откупиться отъ антисемитизма: угодничествомъ, деньгами и жертвой своихъ убѣжденій — послѣднее стоитъ имъ меньше всего. Но съ сіонистами возможна только одна сдѣлка — и это Сіонъ!

«Если тѣмъ евреямъ, которымъ на ихъ прежней родинѣ борьба за существованіе слишкомъ затруднена, дать возможность поселиться въ другомъ мѣстѣ, то это въ высшей степени похвально и заслуживаетъ уваженія». Кто говоритъ это? Тотъ же самый д-ръ Гюдеманъ на страницѣ 39-ой даннаго сочиненія (у него можно найти все!). Но то, что нашъ сіонизмъ хочетъ вооружить этихъ поселенцевъ достаточной международной и государственной защитой, вѣдь, не безсмысленно же. Уже и предыдущія попытки показали, что почва въ Палестинѣ хороша, а «человѣческій матеріаль превосходенъ». А труднѣе всего вѣдь создать земледѣльческія формы жизни. То, что не удалось барону Гиршу въ

Аргентинѣ, удастся въ Палестинѣ. Почему? Потому что «національное еврейство» удобряетъ старую почву. Это можетъ показаться удивительнымъ. Но все естественное удивительно. И все произойдетъ быстро и скоро, когда проснется вся нація, которую мы, сіонисты, встряхиваемъ. Она увидитъ свою старую родину, великолѣпно расположенную на Средиземномъ морѣ, съ ея холоднымъ, умѣреннымъ и теплымъ климатомъ, страну, удобную для всякой культуры, съ долго отдыхавшими богатствами почвы, но все же малоцѣнную для другихъ, ибо тѣ не могутъ направить туда тѣ оплодотворяющіе потоки людей, которые повинуются сіонизму. И если мы теперь не смотримъ болѣе, мечтательно или заблуждаясь, въ облака, но спокойнымъ взоромъ указываемъ на тотъ пунктъ, который, дѣйствительно, обозначаетъ собой спасеніе, то это не нуждается ни въ какихъ тайныхъ искусствахъ толкованія. Тамъ именно Сіонъ бѣдныхъ, молодыхъ, а также благочестивыхъ.

Леруа-Болье объ антисемитизмъ.

Анатоль Леруа-Болье, который уже обязанъ евреямъ одной изъ своихъ лучшихъ книгъ «Израиль среди народовъ», недавно опять занялся нами. На сей разъ тонкій писатель оказался менѣе счастливымъ, чѣмъ въ своемъ первомъ произведеніи объ евреяхъ. Его книжка «Антисемитизмъ» производитъ впечатлѣніе, что объ еврейскомъ вопросѣ онъ можетъ сказать не очень много. И въ то время, какъ при чтеніи 433 страницъ «Израиля среди народовъ» чувствуешь интересъ и удовольствіе отъ легкаго изложенія учености автора, при чтеніи этого короткаго реферата въ 75 страницъ ощущаешь извѣстную пустоту.

«Антисемитизмъ» представляетъ собой именно легкій докладъ, такъ называемую «conférence», прочитанную Леруа-Болье нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ «Institut Catholique» въ Парижѣ. Мѣсто дѣйствія, личность докладчика и тотъ родъ восклицаній, которыми его прерывали, должны были, собственно, заставить большія газеты заняться этой исторіей болѣе детально. Но, какъ извѣстно, объ еврейскомъ вопросѣ говорятъ неохотно; все еще думаютъ, что молчаніемъ можно его сдѣлать не существующимъ. Есть нѣчто непріятное въ этомъ

ослѣпленіи обычно умныхъ людей. Это похоже на то, какъ будто кто-нибудь въ мѣстѣ, гдѣ не разрѣшено куреніе, спряталъ въ карманъ зажженную трубку. Онъ прожигаетъ дыру въ сюртукѣ, и все же потомъ бываетъ уличенъ.

Къ умащиваемымъ явленіямъ въ современномъ положеніи еврейскаго вопроса относится и докладъ Леруа-Болье въ Католическомъ Институтѣ. Это было странное происшествіе, окончившееся всеобщимъ недовольствомъ. Антисемисты, на которыхъ Леруа-Болье обрушился съ католической кафедры, имѣли день неудачный, но и Леруа-Болье не имѣлъ удачи. А хуже всего пришлось евреямъ, которыхъ Леруа-Болье защищалъ. Такой защитникъ — самая тяжелая неудача, которая можетъ постигнуть обвиняемаго. Господинъ Леруа-Болье говорить объ евреяхъ съ прямо уничтожающимъ благоволеніемъ, онъ посрамляетъ ихъ своей добротой, и никогда у нихъ нѣтъ столько причинъ быть подавленными, какъ когда онъ извиняетъ ихъ. Всякій еврей со здоровымъ, не нескромнымъ самолюбіемъ долженъ чувствовать себя совершенно уничтоженнымъ и отверженнымъ, прочтя до конца произведеніе любезнаго академика. Откуда же сіе? Мы вѣдь въ самомъ дѣлѣ не избалованы. Мы слышимъ изо дня въ день, какъ обсуждается этотъ, повидимому, трудный вопросъ: дѣйствительно ли мы такіе же люди, какъ другіе. Есть люди, которые на этотъ вопросъ рѣшительно отвѣчаютъ: нѣтъ; затѣмъ такіе, которые отвѣчаютъ утвердительно, но съ извѣстными ограниченіями; только у немно-

гихъ нѣтъ предразсудка къ намъ. И все это можно объяснить по человѣчески. «Возлюби своего ближняго» не есть нѣчто обыденное, ибо иначе это развѣ возбудило бы такой шумъ въ міровой исторіи? . . . Коротко говоря, мы не избалованы.

Мы позабыли уже даже жаловаться на свою судьбу. Мы переносимъ ее таковой, какъ она есть. И вотъ кто-то дотрагивается до насъ кроткой, мягкой рукой, точно желая приласкать насъ, но мы при этомъ ощущаемъ только боль. Не виновата ли въ этомъ наша болѣзненная сверхчувствительность? Нѣтъ, это добрый человѣкъ поглаживаетъ насъ по нашимъ открытымъ ранамъ. Пусть онъ жжетъ, рѣжетъ, наноситъ новыя раны, если онъ настоящій врагъ, но къ чему это поглаживаніе, если онъ и не настоящій другъ?

Въ этомъ вся суть. Объ еврейскомъ вопросѣ можно нынѣ писать только, будучи открытымъ приверженцемъ извѣстной партіи. Это значитъ: еврейскій вопросъ имѣетъ двѣ стороны — историческую и современную. Историческую можно обозрѣвать съ холоднымъ спокойствіемъ, академическая уравновѣшенность даже заслуга при этомъ. Но современный еврейскій вопросъ не терпитъ такого хладнокровнаго способа обсужденія. И тутъ, и тамъ страдаютъ и борются, тамъ больше страданій, здѣсь больше борьбы. Но если вдругъ появится кто-нибудь, желающій разсматривать эту борьбу съ неомраченнымъ душевнымъ спокойствіемъ, можно сказать, даже наслаждающійся ею, то онъ возбудитъ пнѣвъ въ обоихъ лагеряхъ. Кто хочетъ те-

перь поработать въ еврейскомъ вопросѣ, долженъ сначала заявить, гвельфъ ли онъ, или гибеллинъ. Историкамъ при этомъ положеніи вещей еще нѣтъ мѣста, развѣ только военнымъ корреспондентамъ, да и тѣ пусть будутъ осторожны, а то съ ними могутъ обойтись по законамъ военного времени.

Итакъ, господинъ Леруа-Болье поступилъ очень неосторожно, направившись 27-го февраля 1897 г. въ Католическій Институтъ, чтобы кратко разъяснить антисемитамъ, насколько онъ не вполне можетъ согласиться съ ними, а евреямъ, прислушивавшимся издали, какіе именно недостатки онъ въ нихъ порицаетъ. Мудрыя затемнѣнія, оговорки и обусловленія этой рѣчи не могутъ понравиться никому. Трудно повѣрить даже, сколько досады можетъ возбудить столь кроткое толкованіе. Докладъ господина Леруа-Болье—прекрасный примѣръ того, какъ нелѣпо можетъ дѣйствовать осторожность. И все же онъ стоитъ, какъ и прежде на точкѣ зрѣнія своей книги «Израиль среди народовъ», онъ не говоритъ ни одного слова, дѣйствіе котораго онъ бы не испробовалъ. Этотъ умный человекъ забылъ только, что книга и рѣчь, исторія и политика — двѣ различныя вещи. Философъ долженъ умѣть молчать, политикъ говорить.

Позже, послѣ своей «conférence», Леруа-Болье могъ убѣдиться въ этомъ. Доказательствомъ этому служитъ его предисловіе къ его книжкѣ. Въ ней онъ публикуетъ свой отвѣтъ «генеральному делегату антисемитской лиги во Франціи». Письмо это очень сочно. Господинъ Леруа-Болье потерялъ

тутъ свое душевное спокойствіе, которому мы такъ удивлялись въ немъ, покуда задѣтыми были евреи. Этотъ тонкій ученый также обладаетъ темпераментомъ. Онъ пишетъ генеральному делегату: «Милостивый государь, вы пригласили меня открытымъ пискомъ на диспутъ подъ покровительствомъ антисемитской лиги во Франціи. Вы были любезны заранѣе увѣрить меня въ учтивости вашихъ друзей. Съ этой учтивостью я, къ несчастью, познакомился при моемъ докладѣ въ Католическомъ Институтѣ. Если въ Парижѣ существовало мѣсто, гдѣ ваши друзья, называющіе себя христіанами и охотно выдающіе себя за передовыхъ борцовъ церкви, могли показать свою благовоспитанность и свое уваженіе къ свободѣ слова, то это, конечно, былъ только амфитеатръ Католическаго Института. Къ сожалѣнію, они этого не признали. Къ досадѣ большинства моихъ слушателей, они то и дѣло прерывали меня глупыми шутками и грубыми уличными выходками. Я сдѣлалъ тамъ одно открытіе — наивенъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы разсчитывать на искренность и благовоспитанность вашихъ друзей».

Венгерскій писатель Агай разсказываетъ въ одномъ своемъ фельетонѣ слѣдующую красивую исторію. Однажды онъ былъ въ Остенде вмѣстѣ съ какимъ-то венгерскимъ епископомъ; князь церкви носилъ длинный кафтанъ и сапоги. Но длинный кафтанъ и сапоги суть, однако, тѣ признаки, по которымъ остендскіе уличные мальчишки узнаютъ польскихъ евреевъ. И мальчишки бѣгали за епи-

скопомъ, издѣвались надъ нимъ и бросали въ него камнями, какъ они это дѣлаютъ обычно съ забредшими въ Остенде польскими евреями. Духовный сановникъ вышелъ изъ себя и сталъ разыскивать городского, чтобъ тотъ защитилъ его отъ непонятной шалости мальчишекъ. Когда онъ спросилъ у городского, что это приключилось съ мальчиками, тотъ добродушно усмѣхнулся: «они ужъ всегда такъ поступаютъ съ евреями». «Какъ съ евреями? Я — епископъ». И онъ распахнулъ свой кафтанъ, такъ что пораженный полицейскій увидѣлъ его большой золотой крестъ. Когда епископъ, все еще взволнованный этимъ приключеніемъ, встрѣтился съ своимъ землякомъ Агаемъ и рассказалъ ему объ этомъ, тотъ замѣтилъ: «Видите теперь, ваша епископская милость, какъ это пріятно быть евреемъ. Вы это испытывали только четверть часа, а мы проходимъ черезъ это уже восемнадцать вѣковъ».

Подобное тому, что произошло съ епископомъ въ Остенде, случилось и съ господиномъ Леруа-Болье въ Католическомъ Институтѣ, въ Парижѣ. И все же онъ достаточно много разъ распахивалъ кафтанъ и показывалъ крестъ на своей груди. Онъ многократно повторялъ, что онъ добрый аріецъ, христіанинъ и французъ. Такія увѣренія очень полезны въ первый разъ, но при повтореніи дѣлаются скучны. И они не защитили его отъ недоброжелательства антисемистовъ, симпатію которыхъ онъ желалъ пріобрѣсти. Его же оторчаетъ форма оппозиціи. Такъ скоро уже, господинъ Леруа-Болье?

Еще нѣсколько такихъ открытій, и вы, пожалуй, станете смотрѣть на вопросъ менѣе научно.

А онъ смотритъ на него научно, это правда. Онъ разбираетъ три стороны антисемитизма: религіозную, національную и социальную. Со всѣхъ трехъ сторонъ, говоритъ онъ, жалобы антисемитовъ отчасти основательны. Онъ пишетъ буквально такъ: «Различіе между антисемитами и мной въ этомъ тройномъ походѣ есть, главнымъ образомъ, разница въ дѣйствіи и методѣ, но это одно уже достаточно важно».

Это лояльное объясненіе нашего «защитника» мы отмѣтимъ себѣ и при случаѣ разъясимъ еврейскимъ слабымъ умамъ. Антисемитовъ это объясненіе не удовлетворило, и они слушали докладъ съ ворчаніемъ и рѣзкими возраженіями. Нужно замѣтить, что аргументація Леруа-Болье полна пріятнѣйшаго изящества. Не еврей и не антисемитъ прочтетъ ее съ удовольствіемъ, если предположить, конечно, что вопросъ сохранилъ бы при этомъ свой интересъ. Леруа-Болье обладаетъ той ученостью тонкаго вкуса, великими образцами которой во Франціи были Ренанъ и Тэнъ. Вещи, о которыхъ онъ говоритъ, основательно извѣстны ему, хотя онъ и изображаетъ ихъ легко и доступно. Онъ показываетъ столь же глубокое, сколь и жестокое знаніе еврейской сущности; онъ видитъ каждый сучокъ въ нашемъ глазу. Мы не должны были бы и не стали бы жаловаться на это, если бъ онъ былъ нашимъ противникомъ. Но онъ хочетъ, чтобъ на него смотрѣли, какъ на человѣка справедливаго,

а для этого ему не хватает жестокости и къ другимъ. Возможно, что это только нюансы, «различіе между дѣйствіемъ и методой», но ихъ вполне достаточно. Отдадимъ же ему его мѣсто, признаемъ его тѣмъ, что онъ есть — нашимъ противникомъ, — и споръ съ нимъ выиграетъ въ ясности. Онъ одинъ изъ нашихъ самыхъ любезныхъ, самыхъ ученыхъ и тонкихъ противниковъ, но все же нашъ противникъ. Антисемиты, которые считаютъ, что онъ борется съ ними, потому что онъ споритъ противъ ихъ формы враждебности къ евреямъ, не поняли его: онъ наноситъ вредъ только намъ.

Господинъ Леруа-Болье наноситъ намъ вредъ, какъ это дѣлаютъ многіе, ставшіе чуждыми нашей націи евреи, ходъ мыслей которыхъ часто является и его ходомъ мыслей. Относительно красивѣе и великодушнѣе всего разсуждаетъ онъ противъ религіознаго антисемитизма. Это составляетъ первую часть его выводовъ. Сначала онъ подтверждаетъ ошибочность того, что антихристіанское движеніе прошлаго вѣка, и именно во Франціи, исходило отъ евреевъ. «Не былъ евреемъ тотъ, кто выпустилъ лозунгъ *«Ecrasons l'infâme»*. Это былъ Вольтеръ. А онъ вмѣсто того, чтобы быть воспитанникомъ или другомъ евреевъ, скорѣе могъ бы быть провозглашенъ антисемитами ихъ предтечей.

При Людовикѣ XVI въ Парижѣ было едва нѣсколько сотенъ евреевъ, большинство изъ нихъ бѣдные и неизвѣстные, оттѣсненные въ отдаленныя предмѣстья. Они были слишкомъ слабы, чтобы

имѣть какое-нибудь вліяніе на революцію, на отдѣленіе современнаго общества отъ церкви и христіанства. Позднѣе евреи, какъ кажется, дѣятельно способствовали уходу общества отъ христіанства. Какъ они дѣлали это? Какъ единичныя личности, или въ еврейскихъ или въ объевреившихся кружкахъ?

Какъ единственныя личности, они были и суть безсилыны. Изъ еврейскихъ же союзовъ Леруа-Болье знаетъ только одинъ достойный упоминанія — это «Alliance Israélite Universelle». А какъ попавшій подъ вліяніе еврейства союзъ можно было бы назвать только франкмасонскій.

Леруа-Болье объясняетъ сущность «Alliance Israélite», основаннаго въ семидесятыхъ годахъ Кремье и долженствоваващаго обезпечивать во всѣхъ странахъ, и именно варварскихъ, интересы своихъ единовѣрцевъ, свободу вѣроисповѣданія и защиту личности. Леруа-Болье ничего не можетъ сказать противъ этого основаннаго по образцу «Evangelische Allianz» союза. Тутъ мы, сіонисты — другого мнѣнія, чѣмъ господинъ Леруа-Болье и евреи Allianz'a. Мы считаемъ это учрежденіе нелѣпымъ. Никогда еще ни одна союзническая глупость не приносила столько вреда по отношенію къ крайней возможной пользѣ, сколько этотъ наличный «Universelle Alliance», который не является ни универсальнымъ, ни альянсомъ, ни еврейскимъ. Со своимъ помпѣзнымъ и пустымъ названіемъ этотъ «Альянсъ» заставилъ нашихъ враговъ думать, что существуетъ тайное международное

братство для установленія еврейскаго господства надъ міромъ. И чѣмъ скорѣе этотъ «Альянсъ» исчезнетъ съ лица земли, тѣмъ лучше. Мы, сіонисты, самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ противъ всякаго такого интернаціональнаго объединенія евреевъ, которое, если бъ оно оказалось вліятельнымъ, представляло бы собой столь справедливо преслѣдуемое «государство въ государствѣ», а если оно безсильно и незначительно, представляетъ собой только вредъ. Здѣсь не мѣсто разъяснять подробно нашу совершенно противоположную точку зрѣнія. Слѣдуетъ только сказать, что мы для освобожденія евреевъ желаемъ не интернаціональнаго союза, а интернаціональнаго обсужденія. Это значитъ: не заключеніе союзовъ, тайные переговоры и окольные пути, но открытое обсужденіе подъ постояннымъ и полнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Г Очень интересны выводы Леруа-Болье о франкмасонствѣ. Онъ указываетъ, что евреи только поздно во многихъ странахъ даже и теперь еще не могли добраться до ложъ. Итакъ, антиклерикализмъ франкмасонства не дѣло рукъ евреевъ, хотя они постепенно и, возможно даже, страстно стали принимать въ немъ участіе. И это была, пожалуй, величайшая политическая ошибка только что освобожденныхъ евреевъ. Психологически эта ошибка, однако, объяснима. Многіе съ истиннымъ наслажденіемъ пошли на штурмъ противъ церкви, изъ среды которой евреи цѣлыя столѣтія были такъ жестоко преслѣдуемы. И въ этомъ пунктѣ наше вос-

питаніе съ тѣхъ поръ усовершенствовалось. Современный еврей, если онъ свободомыслящій, и только тогда, предоставитъ каждому быть праведнымъ по своему. Должны ли мы теперь вести религіозныя войны, мы, которые не вели такихъ войнъ и во время нашего существованія, какъ государство, мы, которые никогда не хотѣли имѣть прозелитовъ? Передъ тайнами жизни стоимъ и мы со смиреннымъ «Ignorabimus» («мы не познаемъ»). Для положенія слабыхъ, для воспитанія юношества и для послѣдняго утѣшенія стариковъ религія все еще кажется намъ незамѣнимой. Итакъ, антиклерикализмъ евреевъ былъ только слѣдствіемъ тайной злобы. А тайная злоба есть всегда глупѣйшая политика. И мы расплачиваемся за нее.

Слабъ Леруа-Болье въ разсужденіи о національномъ антисемитизмѣ. Почему — мы увидимъ въ заключеніи. Национальный антисемитизмъ онъ освѣщаетъ уклончиво. Онъ напоминаетъ только католикамъ, чтобъ они не бросали легкомысленно упрека въ космополитизмъ, ибо и церковь космополитична, и она такова прежде всего. Онъ констатируетъ то, что мы достаточно хорошо знаемъ: что евреи еще нѣсколько лѣтъ назадъ тотемы были повсюду ассимилироваться и что движеніе это было подавлено именно тѣми, которые упрекаютъ евреевъ въ томъ, что они не растворяются въ окружающихъ народностяхъ. Онъ наомѣхается далѣе надъ этнографическимъ диллетантизмомъ антисемитовъ. Евреи не объединенная раса и т. п. Точно ненавистническое антиеврейское движеніе могло бы

какъ-нибудь быть поколеблено тѣмъ, что его лозунгъ можетъ быть опроверженъ научно. Это — наивность ученаго.

Если мы могли и должны были до этого устанавливать собственными словами Леруа-Болье, что онъ не другъ евреевъ, то мы въ третьей части его разсужденій найдемъ, что онъ все же не желаетъ оказать евреямъ несправедливости. Мы были бы ему благодарны за это, если бъ онъ ошибочно не слылъ защитникомъ евреевъ. Намъ не нужно искать, кто виновенъ въ этомъ недоразумѣнн: онъ самъ, или другіе; возможно, что только его нѣжное участіе. Въ такой борьбѣ мнѣній, какая вытекаетъ изъ еврейскаго вопроса, «*contradictio in adjecto*» непонятно и, слѣдовательно, невыносимо. Нельзя быть справедливымъ къ евреямъ антисемитомъ, нельзя быть гвельфскимъ пубеллиумъ.

Въ третьей части, которая занимается экономической стороной вопроса, Леруа-Болье объясняетъ, какимъ путемъ евреи историческими причинами были приведены къ торговлѣ, къ денежнымъ дѣламъ; какъ этотъ нѣкогда земледѣльческій и воинственный народъ былъ обезсиленъ, какъ онъ все-таки не потерялъ любви къ физическому труду — доказательство условія жизни массъ въ восточной Европѣ, ужасная система Sweating (выжиманія пота) въ Англіи и Америкѣ, гдѣ евреевъ упрекаютъ не въ паразитизмъ и въ комиссіонной торговлѣ, а въ пониженіи «*Standard of life*» рабочихъ. Мы знаемъ все это очень хорошо, но онъ оказалъ это антисемитамъ. Тѣмъ это, конечно,

въ одно ухо входить, въ другое выходитъ. Они жалуются на положеніе вещей, и имъ безразлично, какъ его можно объяснить исторически. Въ своей національно-экономической сущности антисемитизмъ есть движеніе протекціонистское. Развѣ мы не видѣли этого недавно даже въ «дружественной къ евреямъ» Венгріи при достопримѣчательномъ, но слишкомъ мало отмѣченномъ, закрытіи границы для русской иммиграціи? Господинъ Леруа-Болье понимаетъ такъ много, понимаетъ такъ тонко, — онъ не понимаетъ только своего времени. Онъ все еще вѣритъ въ «laissez faire, laissez aller». Но это время прошло. Надо ли объ этомъ плакать, или радоваться, но оно прошло. Когда-нибудь, со временемъ, опять придутъ къ нему, но теперь міръ стоитъ подъ другимъ знакомъ. Господинъ Леруа-Болье не любитъ евреевъ и все же борется съ антисемитизмомъ. Вотъ, мы наконецъ и у объясненія противорѣчія. Онъ — либераль, строгій доктринеръ старой школы, лѣваго центра.

Его принципы ему дороже его антипатій. Антисемиты настроены болѣе равномернѣе; возможно потому, что они направляютъ свои принципы по своимъ антипатіямъ.

А господинъ Леруа-Болье выводитъ свои заключенія изъ своихъ предпосылокъ. Онъ за свободу, за равныя права для всѣхъ; во-первыхъ, потому что таковъ его принципъ, во-вторыхъ, потому что въ еврейскомъ вопросѣ нѣтъ другого исхода. Какое рѣшеніе предлагаютъ антисемиты? — Исключительные законы или изгнаніе евреевъ. Оба эти рѣ-

шенія Леруа-Болье признаеть неприемлемыми. Исключительные законы, которые онъ имѣлъ возможность изучить въ Россіи, не надежны. Да и то, что возможно при автократіи, трудно пересадить въ республику. Противъ изгнанія же, по его мнѣнію, говорить то, что послѣ изгнанія евреевъ послѣдовало бы изгнаніе другихъ и даже, наконецъ, іезуитовъ. Сюда присоединяется еще и то затрудненіе, что и другія страны могли бы изгнать евреевъ. Куда же имъ всѣмъ пойти? «Проблема кажется мнѣ неразрѣшимой», пишетъ онъ, и сейчасъ же прибавляетъ:

«Во всякомъ случаѣ возможенъ былъ бы еще одинъ исходъ, умолчать о которомъ запрещаетъ мнѣ моя лояльность. Это было бы возстановленіе еврейскаго государства». И онъ кратко сообщаетъ о нашемъ сіонистскомъ движеніи. Но онъ все-таки не вѣритъ, чтобъ устройство еврейскаго государства было настоящимъ рѣшеніемъ вопроса. Это не удивляетъ насъ послѣ его предположеній и въ особенности послѣ слабости его замѣчаній о національной сторонѣ еврейскаго вопроса. Онъ думаетъ также, что въ странѣ нашихъ отцовъ не будетъ для насъ больше достаточно мѣста. Но это пусть онъ предоставитъ нашимъ заботамъ. Прежде всего и не всѣ евреи пойдутъ туда. Тѣ, которые чувствуютъ себя хорошо, останутся тамъ, гдѣ они есть, пока ихъ силы не падутъ и они со своими семьями растворяются въ теперешней средѣ. Лишиться всѣхъ евреевъ было бы даже не въ интересахъ антисемитскихъ странъ. Начался бы только здоро-

вый отливъ, который продолжился бы столько, сколько продолжался бы антисемитизмъ. Въ тотъ день, въ ту минуту, когда настроеніе какой-нибудь страны повернется въ сторону евреевъ, никто больше не двинется съ мѣста, и ужъ, конечно, не тѣ, кто хорошо устроился. Сіонизмъ даетъ народамъ въ руки средство регулировать число евреевъ по своей потребности. Таково и только таково рѣшеніе еврейскаго вопроса.

А что станетъ съ нынѣшними обитателями Палестины, мусульманами и христіанами? — освѣдомляется господинъ Леруа-Болье. Что? Они, по нашему мнѣнію, отъ этого выиграютъ больше всѣхъ, ибо они заполучатъ въ свою бѣдную, одичавшую страну трудъ, культуру и средства сообщенія. А что станетъ со Святыми Мѣстами? Мы думаемъ, что послѣднія никогда больше не будутъ въ рукахъ одной только державы. Они по международному праву навсегда уже *extra commercium*. То, что принадлежитъ всѣмъ, не можетъ и не будетъ принадлежать никому. Кто можетъ себѣ представить, чтобы различныя христіанскія исповѣданія отдали обладаніе Святыми Мѣстами одному какому-либо? Все возрастающая дифференціація христіанскихъ исповѣданій зашла настолько далеко, что христіане успокоились на томъ, что ихъ святыя мѣста находятся въ рукахъ не-христіанъ. И предполагая даже, но не допуская, чтобы когда-нибудь дошло до этого, еще болѣе сомнительно, чтобъ именно официально иррелигіозной Франціи были переданы *res sacrae* культурнаго міра.

Ибо такова именно мысль господина Леруа-Болье, когда онъ, забывая, что книги расходятся по міру, сознается «такъ — какъ мы здѣсь между нами, французами». Онъ хотѣлъ бы — *partant pour la Syrie* — послѣ раздѣла Турціи пріобрѣсти страну евреевъ для Франціи. Ну, а съ раздѣломъ Турціи еще можно подождать. Съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Леруа-Болье читалъ свой докладъ, Турція дала очень хорошо удавшіяся доказательства своей жизненной силы. О раздѣлѣ Турціи въ настоящее время не думаетъ больше ни одинъ серьезный политикъ. Правда, Турція болѣе, чѣмъ когда-либо, настоятельно нуждается теперь въ финансовой помощи, послѣдняя же можетъ быть получена только черезъ евреевъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы отнять у султана провинцію, а только о томъ, чтобъ создать защищенное правовое убѣжище для тѣхъ евреевъ, которые не могутъ существовать въ другихъ мѣстахъ.

Мы часто уже говорили это и будемъ неустанно говорить до тѣхъ поръ, пока насъ поймутъ. Мы, сіонисты, продолжаемъ идти по нашему пути, не склоняя головы, не сердясь на насмѣшки и недоброжелательства, не взирая на интриги и низости, пока насъ поймутъ. Но если торговцы, эгоисты и низкіе люди понимаютъ насъ ложно, то приверженцы великихъ и прекрасныхъ идей должны подарить намъ свои симпатіи. Вѣдь, это не малость: возрожденіе несчастнаго, гибнущаго народа. Какой-нибудь Леруа-Болье будущаго, возможно, съ благово-

леніємъ станетъ описывать наше движеніе — побѣдитъ ли оно, или будетъ побѣждено.

Для нынѣшняго же Леруа-Болье — онъ прочтетъ, вѣроятно, эти строки — мы приведемъ здѣсь благоуханіе и музыку стиховъ Беранже, которые онъ, пожалуй, не помнитъ больше, и которыми въ раздумьѣ онъ, вѣрно, насладится.

Combien de temps une pensée,
Vierge obscure attend son époux!
Les sots la traitent d'insensée,
Le sage lui dit: Cachez-vous.
Mais la rencontrant loin du monde,
Un fou, qui croit au lendemain,
L'épouse: elle devient féconde
Pour le bonheur du genre humain.

Буквальный переводъ ихъ слѣдующій:

Какъ долго идея,
Подобно сумрачной не свѣстѣ, ждетъ своего жениха,
Глупцы считают ее безумной,
Мудрецъ говоритъ ей: Скройся!
Тогда встрѣчаетъ ее вдали отъ всѣхъ людей
Безумецъ, еще вѣрящій въ будущее,
Обручается съ ней: и она приноситъ плодъ
На счастье всего человѣчества.

Раввины-протестанты.

Самымъ новымъ въ еврейскомъ движеніи являются раввины-протестанты. Максъ Нордау заклеилъ уже этотъ типъ словомъ, которое не исчезнетъ: это люди, которые сидятъ въ безопасной лодкѣ и бьютъ веслами по головамъ утопающихъ, хватающихся за края ихъ лодки. Таковъ обычный агрессивный еврейскій врагъ сіонизма. Но если къ этому еще занимаешь мѣсто «пастыря душъ» большой еврейской общины, то типъ раввина-протестанта готовъ. Пять такихъ раввиновъ-протестантовъ напечатали въ «Berliner Tageblatt» и въ другихъ мѣстахъ слѣдующее заявленіе:

«Завѣдующее дѣлами Правленіе Союза раввиновъ въ Германіи: д-ръ Майбаумъ (Берлинъ), д-ръ Горовицъ (Франкфуртъ), д-ръ Гутманнъ (Бреславль), д-ръ Ауэрбахъ (Гальберштатъ), д-ръ Вернеръ (Мюнхенъ) публикуетъ слѣдующее объясненіе: «Благодря созыву еврейскаго сіонистскаго конгресса и опубликованію предмета его замятій, распространились столь ошибочныя представленія о сущности ученія еврейства и о стремленіяхъ исповѣдующихъ его, что нижеподписанное Правленіе

Союза раввиновъ въ Германіи считаетъ нужнымъ дать слѣдующее объясненіе:

1. Стремленія такъ называемыхъ сіонистовъ основать въ Палестинѣ національно-еврейское государство противорѣчатъ мессіанскимъ обѣщаніямъ еврейства, таковымъ, какъ они содержатся въ Св. Писаніи и въ позднѣйшихъ религіозныхъ источникахъ.

2. Еврейство обязываетъ исповѣдующихъ его служить со всей преданностью отечеству, къ которому они принадлежатъ и способствовать его интересамъ всѣмъ сердцемъ и всѣми силами.

3. Съ этой обязанностью не стоятъ, однако, въ противорѣчіи тѣ благородныя стремленія, которыя хотятъ колонизировать Палестину еврейскими земледѣльцами, ибо они не имѣютъ никакого отношенія къ основанію національнаго государства.

Любовь къ религіи и отечеству въ равной степени возлагаютъ поэтому на насъ обязанность просить всѣхъ, сердцу которыхъ близко благо еврейства, чтобъ они держались вдали отъ вышеупомянутыхъ сіонистскихъ стремлений и въ особенности отъ все еще проектируемаго, несмотрѣ на всѣ отговариванія, конгресса».

Это замѣчательный документъ. Первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на насъ, было то, что онъ не особенно будетъ способствовать уваже-

нію евреевъ. Все объясненіе, вѣдь, какъ это видить съ перваго взгляда каждый еврей, обращено наружу. Это одно изъ тѣхъ презрѣнныхъ и презираемыхъ признаній, которыя виляютъ хвостомъ, выпрашивая благоволенія враговъ.

Къ счастью, не всѣ раввины таковы. Такія имена, какъ Мопилевъ въ Бѣлостокѣ, Цадокъ Канъ въ Парижѣ, Рюльфъ въ Мемелѣ, Гастеръ въ Лондонѣ и многія, многія другія мы можемъ произносить только съ искреннимъ почтеніемъ. И мы дѣлаемъ это не какъ партійные люди. Сіонизмъ не партія. Къ нему можно придти ото всѣхъ партій, подобно тому, какъ и онъ объемлетъ всѣ партіи народной жизни. Сіонизмъ есть еврейскій народъ въ пути. И потому поведеніе раввиновъ-протестантовъ есть нѣчто чудовищное.

Если кто-либо хочетъ уйти отъ еврейскаго народа, отъ котораго онъ происходитъ, и перейти къ другому народу, пусть онъ сдѣлаетъ это. Мы, сіонисты, не станемъ его удерживать. Но онъ чужой для насъ. Его новыя національныя условія не касаются насъ больше, но зато и наши не касаются его. Онъ не имѣетъ у насъ права вмѣшиваться и, если онъ не глупъ, пусть онъ даже не пробуетъ этого, ибо это можетъ только сдѣлать его подозрительнымъ у тевтоновъ, галловъ, англо-саксовъ, если онъ все еще заботится о внутреннихъ еврейскихъ дѣлахъ. Если же онъ хочетъ вербовать единомышленниковъ для своего ассимиляторскаго рѣшенія еврейскаго вопроса, то лучшее средство для этого, — чтобы онъ показалъ, какъ хорошо его принима-

ютъ, какъ всецѣло его признаютъ, какъ хорошо онъ себя чувствуетъ.

Но принадлежитъ къ еврейству, такъ сказать, исповѣдывать еврейство по должности и въ то же время бороться съ нимъ, это нѣчто, противъ чего должно возстать всякое чувство справедливости.

Разсмотримъ теперь пунктъ за пунктомъ «объясненіе» пяти господъ. Оно поконится на основательной лжи. Эти пять господъ утверждаютъ, что «созывъ сіонистскаго конгресса распространилъ ложныя свѣдѣнія о сущности ученія еврейства и о стремленіи исповѣдующихъ его». Гдѣ эти пять господъ прочли въ «Воззваніи» или въ Tagesordnung конгресса какое-нибудь указаніе «на сущность ученія еврейства»? Объ этомъ тамъ нѣтъ ни слова и даже ни отдаленнѣйшаго намека въ разъясненіяхъ авторовъ воззванія. Слѣдовательно, въ этихъ «столь ошибочныхъ представленіяхъ о содержаніи ученія», которое такъ хорошо знаютъ, какъ они указываютъ, эти пять господъ, виною и кое-что другое, кромѣ призыва къ конгрессу. Эти пять господъ, должно быть, не мало смѣялись сами, когда избрали предлогомъ «столь ошибочныя представленія о сущности ученія и т. п.». Но вотъ они переходятъ къ первому пункту. «Стремленія такъ называемыхъ сіонистовъ» и т. д. «Такъ называемыхъ» — это хорошо, это даже очень хорошо. Въ этомъ заключается иронія. Позднѣйшіе комментаторы называютъ этотъ первый пунктъ ироническимъ. Но что за лицо, должно быть, было у этихъ пяти господъ, когда они пустили въ ходъ «мессіанскія

обѣщанія еврейства». Мы вѣдь знаемъ уже, какъ они все поворачиваютъ и перетолковываютъ. Когда они говорятъ о Сіонѣ, подъ этимъ можно понимать все, но только, Бога ради, не Сіонъ.

Однимъ столь же истинно-благочестивымъ, сколько и ученымъ человѣкомъ, въ наше распоряженіе предоставлено основательное возраженіе на этотъ первый пунктъ. Именно на основаніи Св. Писанія и позднѣйшихъ религіозныхъ источниковъ нашъ другъ доказываетъ правильность сіонистскихъ стремленій. Но мы отказываемся пустить въ ходъ эти доказательства, ибо рѣчь идетъ не о богословской дискуссіи.

И вотъ мы переходимъ ко второму пункту. Что это значитъ: «еврейство обязываетъ исповѣдующихъ его служить со всей преданностью отечеству, которому мы принадлежимъ» и т. п.? Вѣдь это же имѣетъ просто смыслъ доноса. Замѣтно, впрочемъ, что колыбель господина Майбаума стояла не въ Германіи. Раввины-протестанты Франкфурта, Бреславля, Гальберштата и Мюнхена могли бы поручить составленіе этого акта писателю, лучше владѣющему нѣмецкимъ языкомъ. Нѣмецъ никогда не написалъ бы: «отечество, которому я принадлежу», а «мое отечество», «твое отечество», «ея отечество». Отечеству не принадлежатъ, а оно принадлежитъ; каждому отдѣльному лицу принадлежитъ все его отчество. А кому его отчество не принадлежитъ, тому въ немъ нехорошо. Онъ любить его, ибо онъ не можетъ перестать любить его, и эта любовь выражается не въ пустой декла-

маціи, она заключаетъ въ себѣ готовность ко всякимъ жертвамъ, но не исключаетъ и того, чтобы энергичные помнили и о себѣ и искали пути, который могъ бы создать облегченіе. Въ этомъ толкованіи сіонистовъ нѣтъ никакого лукавства: пусть каждый служитъ своему отечеству такъ же, какъ и націи, которой онъ принадлежитъ — и здѣсь это слово какъ разъ у мѣста, — если онъ думаетъ содѣйствовать спокойствію гражданъ разумнымъ и современнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ.

Пятеро господъ преклоняются, впрочемъ,, въ третьемъ пунктѣ, который можно было бы назвать уклончивымъ, передъ «благородными стремленіями» развить въ Палестинѣ еврейское земледѣліе. Это представляетъ собой легкое, но очень попутное угодничество передъ извѣстными благостоятельными единовѣрцами, которые хотятъ принести большія жертвы въ пользу колонизаціи. Мы, сіонисты, считаемъ, конечно, это поселеніе земледѣльцевъ болѣе безразсуднымъ, чѣмъ благороднымъ. Мы хотимъ не только наскоро избавиться отъ нашихъ придавленныхъ игомъ и преслѣдуемыхъ братьевъ, но хотимъ и обезпечить имъ будущее. А зато, что мы хотимъ создать гарантіи, насъ осмѣиваютъ, насъ подозрѣваютъ, на насъ нападаютъ.

Пятеро господъ кончаютъ настоятельнымъ требованіемъ, чтобъ держались вдали отъ этого «несмотря на всѣ отговариванія, все еще проектируемаго конгресса». Эти господа могутъ отговаривать, сколько хотятъ, конгрессъ все же будетъ имѣть мѣсто, ибо онъ долженъ осуществиться, ибо

разсѣянный народъ ждетъ его съ тоской и надеждой. Безпримѣрно тяжело положеніе евреевъ, и неужели намъ могутъ запретить совѣщаться о немъ спокойно и въ согласіи съ закономъ, на глазахъ всего міра? Какой честный христіанинъ найдетъ здѣсь что-нибудь достойное порицанія? Если наши стремленія не возбуждаютъ симпатій, то сильныя міра сего просто не поддержать насъ, то народы не помогутъ намъ въ дѣль освобожденія — и горе наше будетъ продолжаться. Чье положеніе ухудшаемъ мы этимъ? Существуетъ ли еще хоть одинъ упрекъ, который намъ бы не бросили уже заранѣе? Зажига- тельныя и подстрекающія рѣчи, которыя говорились противъ насъ девяносто девять разъ, будутъ повторены и въ сотый. Но мы не вѣримъ этому. У насъ есть ясныя доказательства того, что наша лояльность и откровенность не можетъ не понравиться даже нашимъ противникамъ, передъ которыми мы спокойно выступаемъ. Въ концѣ концовъ нашимъ движеніемъ говоритъ огромное страданіе, а все человѣческое всегда находитъ дорогу къ сердцу людей. Кто упрекнетъ насъ въ томъ, что мы, по большей части не непосредственно задѣтые, не можемъ холодно пройти мимо безпраничнаго несчастья нашихъ братьевъ?

Гдѣ были, однако, раввины-протестанты со своимъ протестомъ, когда этихъ несчастныхъ евреевъ, несчастныхъ только потому, что они евреи, позорили, грабили и убивали? Сегодня въ Алжирѣ, завтра въ Россіи; то въ Персіи, то въ Галиціи — вездѣ и повсюду жалобныя вопли. А раввины-проте-

станты бормочутъ, люжалуй, только въ часы пріятнаго перевариванія пищи нѣчто о миссіи; о миссіи, которая была бы дерзкимъ высокомеріемъ, если бы она, вообще, что-нибудь обозначала собой, либо культурные народы запретили бы и должны были бы рѣшительно запретить намъ миссіонизировать себя. Если и существовала еврейская миссія, то это было христіанство, а оно больше не зависитъ отъ господъ раввиновъ-протестантовъ.

Сіонизмъ же, это мы видимъ все явственнѣе, станеть исцѣляющимъ кризисомъ еврейства. Споры, которые возникаютъ, должны привести къ проясненію нездоровыхъ отношеній и, наконецъ, къ просвѣтленію народнаго характера. Все къ лучшему! Къ лучшему и то, что нѣкоторые раввины заняли такое положеніе противъ собственнаго народа. И если бы это привело только къ тому, что этимъ добились бы только новаго клейма для этихъ господъ, то и это уже имѣло бы извѣстную цѣну. Мошелеверъ, Рюльфъ — благородные, достойные удивленія люди, которые въ сердцахъ своихъ страдаютъ каждому страданію своихъ единовѣрцевъ, которые стоятъ среди народа, тамъ, гдѣ онъ наиболѣе преслѣдуемъ — они носили то же названіе, что и первый попавшійся свадебный или погребальный проповѣдникъ. Теперь у насъ есть различіе. Для этого, чтобъ ихъ впредь не смѣшивать съ добрыми раввинами, мы будемъ служителей синагоги, которые противятся освобожденію своего народа, называть раввинами-протестантами.

„Минувшія“ времена.

Г Когда мы, сіонисты, съ тяжелымъ сердцемъ указываемъ на бѣдственное положеніе евреевъ въ той или иной странѣ и пытаемся расшевелить разумъ и совѣсть болѣе счастливыхъ евреевъ, насъ обычно обвиняютъ въ сгущеніи красокъ. Не такъ ужъ все это худо, мы, дескать, преувеличиваемъ бѣдствія, да и замѣчаемъ мы лишь то, что подходитъ для нашей политической лавочки — таковы эти и многія другія дешевыя рѣчи. Мы вовсе не намѣрены изслѣдовать, кто такіе тѣ люди, которые намъ такъ возражаютъ, о какихъ удобствахъ они заботятся, какое дѣльце они хотятъ сдѣлать, или какое мѣстечко залолучить. Вокругъ сіонизма сгруппировались люди, серьезно озабоченные судьбой своихъ единоплеменниковъ. Они хотѣли бы оказать долгожданную и съ каждымъ днемъ все болѣе становящуюся помощь и спокойно проходятъ мимо непониманія, которымъ ихъ по тлупости или злонамѣренно окружаютъ.

Во всякомъ случаѣ по отношенію къ Австріи мы послѣднее время нѣсколько сдерживали свои замѣчанія, которыя напрашивались изо дня въ день. Здѣсь евреи положительно непостижимымъ образомъ приняли участіе въ политическихъ распряхъ

національностей, въ особенности, въ Богеміи. Съ близорукостью, заслуживающей, собственно, болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, разсчитывали они добиться постоянной признательности борющихся народностей, если они примутъ участіе въ борьбѣ. Мы были и остаемся, конечно, при томъ мнѣніи, что ассимиляторы лишь тогда заслуживаютъ уваженія, когда они соглашаются принять на себя справедливую долю опасностей, грозящихъ тому народу, къ которому они хотятъ примкнуть. Однако, это прискорбно: евреи даже въ такихъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до крайности, пренебрежительно разсматриваются своими союзниками, какъ нѣчто въ родѣ иностраннаго легіона. Къ побѣднымъ торжествамъ они не допускаются, какъ полноправные участники, а понесенныя пораженія вымещаютъ на нихъ и съ той и съ другой стороны. Чѣмъ бы дѣло ни кончилось, побитыми всегда являются они.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы на этихъ страницахъ говорили о положеніи чешскихъ евреевъ. Не нужно было обладать большой проницательностью, чтобы предсказать развитіе вещей такъ, какъ это нынѣ въ дѣйствительности имѣло мѣсто. Напротивъ, нужно было быть пораженнымъ слѣпотой, чтобы ожидать чего-нибудь другого. Не будемъ же оцѣнивать наши предсказанія, что настоящее положеніе завершится ужасами, выше, чѣмъ они того заслуживаютъ. Только то, что это такъ скоро стало истиной, наполняетъ насъ . . . печалью. Да, такіе ужъ мы плохіе политики, что

не испытываемъ никакого удовлетворенія отъ наступленія событій, которыя должны подтвердить нашу правоту и, безъ сомнѣнія, увеличить число нашихъ единомышленниковъ. Окончательное торжество нашей идеи хотѣли бы мы праздновать не на развалинахъ храмовъ. И если еврей, стоявшій до того вдали отъ нашего движенія, пускается по міру, то нашу скорбь о его несчастіи не можетъ утѣшить то обстоятельство, что отнынѣ онъ сталъ убѣжденнымъ другомъ Сіона. Почему это, однако, такъ трудно, почти даже невозможно, заставить людей оцѣнить доводы естественнаго разума? Они не хотятъ слушать, они должны это непременно почувствовать.

Сами по себѣ эксцессы надъ евреями въ Богеміи едва ли замѣтно отличаются отъ эксцессовъ въ Персіи, Россіи и Румыніи. И мы, которые видимъ въ евреяхъ всѣхъ странъ воегда только своихъ братьевъ, будемъ не менѣе скорбѣть объ антисемитскомъ ревѣ въ Тегеранѣ, чѣмъ о подобномъ же грабежѣ въ Прагѣ. Однако, при обозрѣніи этихъ печальныхъ событій нельзя не обратить вниманія на то, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ могли они разыгратъ. Когда намъ, напримѣръ, приходилось извлекать кой-какой историческій аргументъ изъ временъ средневѣковья, въ частности, изъ Испаніи до великаго изгнанія евреевъ; когда мы указывали на то обстоятельство, что всегда передъ проявленіемъ юдофобскихъ народныхъ страстей на долю евреевъ выпадалъ періодъ особеннаго благополучія; что, слѣдовательно, не слѣдуетъ недооцѣнивать

эпизоды равноправія — то сверхъ-умники, съ чувствомъ превосходства, прямо въ глаза смѣялись надъ нами. То, вѣдь, были нынѣ уже давно пройденныя стадіи народнаго невѣжества, безвозвратно минувшія времена. А теперь предъ нами лежитъ письмо одного образованнаго, спокойнаго человѣка, датированное изъ современнаго города Праги 3-мъ декабря 1897 г. Письмо это гласить, между прочимъ, слѣдующее:

«Я не стану давать вамъ описаніе пражскихъ событій. Это была, вѣдь, только старая двухтысячелѣтняя еврейская пѣсня, которую здѣсь вновь затянули. *Ty kluku zidovsky* — звучалъ припѣвъ, и подъ аккомпаниментъ трабежа, поджоговъ и звѣрскихъ истязаній повторяли его. Не хватало только убійства для полноты картины «минувшихъ» временъ средневѣковья. Были также разгромлены разнаго рода нѣмецкія школы, которыя здѣсь посѣщаются преимущественно евреями. Дома выдающихся нѣмцемъ бомбардировались камнями. Послѣдніе, однако, достаточно состоятельны, чтобы преодолѣть убытокъ нѣсколькихъ разбитыхъ оконныхъ стеколъ. Мелкій же еврейскій торговый людъ, все имущество котораго разграблено или уничтожено, доведенъ до суммы».

Все это звучить весьма просто, въ письмѣ нѣтъ никакихъ преувеличеній, никакой декламации. Отчеты ежедневныхъ газетъ содержатъ гораздо больше волнующихъ подробностей и картинокъ настроенія. А что и газеты также далеки отъ прикрасъ, это слѣдуетъ съ официальной ясностью изъ

введенія военнаго положенія въ бушующемъ вслѣдствіе возмущенія городѣ. И что военное положеніе было провозглашено въ минуту кровавой серьезности, это мы можемъ заключить по бѣгству многихъ, которые, къ своему счастью, оказались такъ же состоятельны, какъ и трусливы. Они переполнили поѣзда и, благодаря изобрѣтенію новаго времени, лоспѣшно удалились за предѣлы выстрѣла. Только бѣдняки остались тамъ. У этихъ, конечно, было болѣе настоящее дѣло. Они должны были оставаться въ своихъ квартирахъ и лавкахъ, ибо двери и окна были сорваны грабящей чернью. Впрочемъ, въ опустошенныхъ помѣщеніяхъ не особенно ужъ много было, что и охранять. Для этихъ людей это, дѣйствительно, были «минувшія» времена, какъ печально и справедливо замѣчаетъ нашъ корреспондентъ.

Что же собственно сдѣлалъ этотъ мелкій еврейскій людъ Праги, эти честные торговцы средняго сословія, эти тишайшіе изъ всѣхъ мирныхъ гражданъ? Чѣмъ заслужили они грабежи, поджоги и насилія? Въ Прагѣ ихъ обвиняли въ томъ, что они — не чехи, въ Заацѣ и Эгерѣ, что они — не нѣмцы. Бѣдные евреи, за что же имъ ухватиться? Были среди нихъ такіе, которые старались быть чехами — этимъ влетѣло отъ нѣмцевъ. Были и такіе, которые хотѣли быть нѣмцами — этимъ досталось отъ чеховъ и... отъ нѣмцевъ. Здѣсь положительно можно потерять разсудокъ... или, наконецъ, пріобрѣсть его.

Мы сдѣлали сводку всѣхъ эксцессовъ. Въ

Прагъ свирѣпствовала чернь, главнымъ образомъ, въ округахъ Weiberge и Zizkow. Въ Іозефштадтѣ разгромлены три синагоги настолько, что, какъ сообщаетъ «Nagodni Politika», представляютъ собою зрѣлище «предназначенныхъ къ снесенію балагановъ». Одинъ профессоръ нѣмецкаго университета въ Прагѣ рассказываетъ: «Вначалѣ носили демонстраціи національный характеръ, но потомъ все вопило: «Pojdme na zidil» — «Пойдемъ на жидовъ!» Христіане выставили въ своихъ окнахъ распятія... Грабежи и избіенія евреевъ были совершены чехами еще въ Хрудимѣ, Находѣ, Крамутѣ, Мельникѣ, Нейбидшовѣ, Таборѣ, Кенитгретцѣ, Гичинѣ и Лаунѣ, гдѣ начиненная порохомъ ракета была взорвана передъ магазиномъ одного еврея. Но если были такъ озлоблены чехи, то почему же въ Эгерѣ и Заатцѣ буйствовали противъ евреевъ нѣмцы! Вотъ гдѣ загадка.

И, однако, здѣсь нѣтъ ничего загадочнаго. Если разсмотрѣть совершенно ложное поведеніе чешскихъ евреевъ, то становится понятнымъ, почему за свою службу они были вознаграждены побоями. Обѣ опорящія народности въ Богеміи придумали новый своеобразный варіантъ къ старой исторіи о почталіонахъ. Въ этомъ анекдотѣ встрѣчаются двѣ почтовые кареты на узкой дорогѣ. Ни тотъ, ни другой почталіонъ не хочетъ свернуть, а въ каждой каретѣ сидитъ по еврею. Тогда каждый изъ возницъ начинаетъ стегать своимъ длиннымъ кнутомъ по сѣдоку своего противника: «разъ ты бьешь моего еврея, то я побью твоего еврея».

Впрочемъ, въ Богеміи добавили: «а также и моего», такъ что чешскіе евреи за одну поѣздку получили двойную взбучку. Правда, была ими сдѣлана попытка прошмыгнуть, какъ слѣпые пассажиры, мимо національныхъ раздоровъ. Этотъ номеръ, однако, не прошелъ. Здѣсь была сдѣлана ошибка, на которую мы часто указывали, не будучи, къ сожалѣнію, услышанными. Занятіе открытой, разумной позиціи по отношенію къ нѣмецко-чешской распрѣ было бы единственно правильнымъ. Евреи должны были просто сослаться на свою еврейскую національность, и обращеніе съ ними обѣихъ сторонъ сразу бы измѣнилось. Они не являлись бы болѣе комичными или презрѣнными *Mitläufer*'ами во время раздоровъ и козлами отпущенія за каждое пораженіе той и другой стороны.

Евреи въ Богеміи въ своемъ подавляющемъ большинствѣ приобщены къ нѣмецкой культурѣ. И ихъ бы поэтому не осудили даже приличные чехи, если бы они, при всей своей сдержанности, отдали свои симпатіи болѣе близкой по культурѣ народности. Нѣмцы же, со своей стороны, были бы, конечно, гораздо болѣе благодарны евреямъ, если бы тѣ проявили свое участіе въ борьбѣ за существованіе германства, сохраняя и подчеркивая свою особую еврейскую національность. Выдавая же себя за нѣмцевъ Моисеева закона, они должны были развить свой тевтонскій шовинизмъ до чрезмерныхъ размѣровъ, чтобы заставить въ него хоть немножко повѣрить. Добились же они только того, что чехи считаютъ ихъ за нѣмцевъ. Для

нѣмцевъ же они стались тѣмъ, чѣмъ были до того; доказательство — Эгеръ и Заатцъ.

Но если бы они выдавали себя за то, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ являются: за евреевъ нѣмецкой культуры, то все было бы иначе. Чехи не считали бы ихъ отвѣтственными болѣе, чѣмъ они того заслужили. Нѣмцы должны были бы быть имъ за эту болѣе скромную помощь гораздо преданнѣе. И въ политикѣ честность рано или поздно должна свое взять, хотя бы различными увертками и можно было достигнуть преходящихъ успѣховъ дня. Когда поймутъ это евреи?

Пока они будутъ пугливо и неискренне перекидываться отъ партіи къ партіи, отъ націи къ націи только для того, чтобы заручиться ничтожнымъ покровительствомъ тому, въ чемъ они не считаютъ возможнымъ признаться, т.-е., ихъ еврейству, — до тѣхъ поръ ихъ не будутъ ни уважать, ни любить, ни даже просто терпѣть. Кто выдастъ себя за другое, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, тотъ возбуждаетъ недовѣріе. И это темное чувство, постепенно переходя въ массы, превращается въ акты насилія.

Это — тѣ «минувшія времена», къ возвращенію которыхъ, къ сожалѣнію, даже въ цивилизованныхъ странахъ евреи должны быть нынѣ такъ же готовы, какъ и много сотенъ лѣтъ тому назадъ.

Менора.

Жилъ былъ человѣкъ, который несчастье быть евреемъ затаилъ глубоко въ своей душѣ. Его внѣшнія обстоятельства были не неблагопріятны. У него было достаточно средствъ и также счастливое призваніе, ибо онъ могъ творить то, къ чему влекло его его сердце. — Онъ былъ художникомъ. О своемъ еврейскомъ происхожденіи и вѣрѣ своихъ отцовъ онъ не заботился уже давно, пока старая ненависть не проявилась вновь подъ новымъ названіемъ. Вмѣстѣ со многими другими и нашъ человѣкъ думалъ, что это теченіе вскорѣ уляжется. Но становилось не лучше, а все хуже, и нападки терзали его все съ новой силой, хотя онѣ и не задѣвали его непосредственно. Такъ что мало-по-малу вся его душа стала одной сочащейся кровью раной. И вотъ случилось съ нимъ то, что эти внутреннія и молчаливыя терзанія направили его къ своему первоисточнику, то-есть, къ еврейству, и — что онъ не могъ бы сдѣлать въ хорошія времена, ибо онъ былъ уже далекъ отъ этого — онъ полюбилъ его съ большой искренностью. Но и въ этомъ странномъ влеченіи онъ не сразу отдалъ себѣ ясный отчетъ, пока оно, наконецъ, не стало такимъ могу-

чимъ, что изъ смутнаго чувства выросло въ ясную мысль, которую онъ и высказалъ тогда.

Когда объ этомъ узнать его лучшіе друзья, находившіеся въ подобномъ же положеніи, какъ и онъ самъ, они стали покачивать на него головами и рѣшили, что онъ помрачился въ духъ своемъ. Ибо какъ можетъ быть исходомъ то, что есть только обостреніе и углубленіе зла. Онъ же думалъ, что моральная нужда такъ чувствительна потому, что новые евреи лишены того противовѣса, который наши сильные отцы носили внутри себя. Надъ нимъ издѣвались, многіе даже беззастѣнчиво смѣялись ему въ лицо, но онъ не далъ себя смутить мелочными замѣчаніями людей, благоразуміе которыхъ онъ и прежде никогда не имѣлъ случая ставить высоко, и спокойно переносилъ и злыя и добродушныя шутки.

И такъ какъ онъ во всемъ прочемъ велъ себя не неблагоразумно, то ему предоставили отдаться своей причудѣ, которую нѣкоторые, конечно, обозначали и болѣе сильнымъ словомъ, чѣмъ *idée-fixe*.

Человѣкъ этотъ, однако, терпѣливо выводилъ одно заключеніе за другимъ изъ своего разъ созданнаго мнѣнія. При этомъ имѣла мѣсто и масса переходныхъ состояній, которыя и ему самому давались не легко, хотя изъ упрямства онъ и не давалъ замѣтить этого. Какъ человѣкъ и художникъ современныхъ воззрѣній, онъ сросся со многими нееврейскими привычками и воспринялъ въ себя многое трудно вытравимое изъ культуръ народовъ, черезъ которыя проходилъ путь его образованія.

Какъ можно было примирить это съ его возвратомъ къ еврейству? Изъ этого для него самого возникали многія сомнѣнія въ правильности его руководящей мысли, его *idée maîtresse*, какъ это называютъ французскіе мыслители. Можетъ быть, возвращеніе подъ вліяніемъ другихъ культуръ поколѣніе не способно болѣе къ тому возвращенію, которое онъ считалъ исходомъ. Но зато ближайшее поколѣніе окажется способнымъ къ этому, если дать ему во-время направленіе. И онъ заботился о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ дѣти его вышли на вѣрный путь. Ихъ онъ хотѣлъ съ дѣтства воспитать евреями.

Прежде онъ давалъ пройти, не ознаменовывая его, празднику, который на протяженіи столыкихъ вѣковъ озарялъ блескомъ своихъ маленькихъ свѣчекъ чудесное явленіе Маккавеевъ. Но тутъ онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобъ подготовить своимъ дѣтямъ прекрасное воспоминаніе на будущіе дни. Въ эти юныя души рано должна была быть посѣяна привязанность къ своему народу. Была приобрѣтена менора, и когда въ первый разъ взялъ въ руки этотъ девятисвѣчникъ, онъ почувствовалъ въ душѣ нѣчто очень странное. И въ его отцовскомъ домѣ горѣли эти огоньки въ отдаленныя уже теперь времена юности, и въ этомъ было что-то интимное, вызывавшее воспоминаніе о родинѣ. Традиція не казалась холодной и мертвой. Она переходила черезъ всѣ времена, зажигая одну свѣчу о другую. И старинная форма меноры также наводила на размышленія. Когда была создана при-

мгновенная форма этого подсвѣчника? Этотъ образъ, видимо, былъ заимствованъ нѣкогда у дерева. Въ серединѣ болѣе крѣпкій стволъ, направо и налѣво по четыре вѣтви, одна подъ другой, лежащія въ одной плоскости и всѣ восемь одинаковой высоты. Позднѣйшая символика привела съ собою девятый короткій отростокъ, отходящій впередъ и называемый служкой. Что за тайну вложили поколѣнія, слѣдовавшія другъ за другомъ, въ эту первобытно-простую, взятую изъ природы художественную форму? И нашъ человѣкъ, который былъ художникомъ, при этомъ подумалъ про себя, нельзя ли вновь оживить застывшую форму меноры, напоить ея корни, какъ корни дерева. И звукъ этого слова, которое онъ въ тотъ вечеръ произнесъ передъ своими дѣтьми, понравился ему. Въ немъ звучалъ тонъ, особенно милый, когда это слово сходило съ устъ дѣтей.

Была зажжена первая свѣчка и при этомъ рассказано происхожденіе праздника. — Чудесное происшествіе съ лампадой, которая свѣтила такъ неожиданно долго, и при этомъ возвращеніе изъ вавилонскаго плѣна, второй храмъ, Маккавей. Другъ нашъ рассказалъ дѣтямъ все, что онъ зналъ. Это было не особенно много, но для нихъ это было достаточно. При второй свѣчкѣ они пересказали ему это, и когда они рассказывали, все то, что они слышали отъ него же, показалось ему совершенно новымъ и прекраснымъ. Съ этого времени онъ каждый день радовался вечеру, который становился все свѣтлѣе. Свѣчка за свѣчкой уста-

навливалась на менорѣ, и вмѣстѣ съ дѣтьми грезила, глядя на маленькіе огоньки, и отецъ. И, наконецъ, это стало чѣмъ-то больше того, что онъ могъ и хотѣлъ сказать имъ, ибо это было уже выше ихъ пониманія.

Когда онъ рѣшился вернуться къ старому племени и открыто исповѣдать свое возвращеніе, онъ думалъ совершить этимъ только нѣчто честное и разумное. Но что на этомъ пути найдется и удовлетвореніе его стремленію къ красотѣ — этого онъ не подозрѣвалъ. Случилось же именно это. Менора съ ея возрастающимъ пламенемъ свѣчей была чѣмъ-то очень красивымъ; при этомъ можно было думать о возвышенныхъ вещахъ. И онъ пошелъ и набросилъ своей привычной рукой рисунокъ для меноры, которую ему захотѣлось подарить на будущій годъ своимъ дѣтямъ. Онъ свободно создалъ мотивъ восьми высоко взбѣгающихъ вѣтвей, лежащихъ направо и налево въ плоскости разрѣза ствола. Онъ не сталъ при этомъ придерживаться застывшей формы, но создалъ вновь по природѣ, не заботясь о другихъ указаніяхъ, которыя при этомъ также могли бы сохранить свое право. Онъ стоялъ за красоту жизненную. Но и внося въ застывшую форму новое движеніе, онъ придерживался ея вѣлній, благородно-стариннаго стиля ея распредѣленія. Это было дерево со стройными вѣтвями, концы которыхъ замыкались чашечками; въ этихъ цвѣточныхъ чашечкахъ должны были стоять свѣчи.

Въ этихъ вдумчивыхъ занятіяхъ прошла вся не-

дѣля. Насталъ восьмой вечеръ, когда зажигается весь рядъ, также и вѣрный служба, девятая свѣчка, служащая обычно для возжиганія друтихъ. Яркій свѣтъ изливался отъ меноры. Глаза дѣтей блестѣли. Нашему же человѣку все это стало символомъ воспламененія націи. Сначала одна свѣчка, тогда еще темно, и одинокій огонекъ имѣетъ еще очень грустный видъ. Но вотъ онъ находитъ товарища; еще одного, еще больше. Мракъ долженъ исчезнуть. Просвѣтаетъ сначала у юныхъ и у бѣдныхъ, затѣмъ къ нимъ примыкаютъ и всѣ другіе, любящіе справедливость, правду, свободу, прогрессъ, человечество, красоту. И когда загорятся всѣ свѣчи, можно возрадоваться и любоваться содѣяннымъ. И нѣтъ на свѣтѣ службы болѣе осчастливающей, чѣмъ служба служителя свѣта.

Взгляды мистера Клода Монтефіоре.

Въ «American Hebrew» г. Клодъ Монтефіоре высказывается противъ сіонизма. Статья весьма достойна вниманія, какъ благодаря личности автора, такъ и по изяществу формы и непримиримоясному содержанію. По этимъ причинамъ мы намѣрены заняться противникомъ основательнѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлаемъ, когда намъ преподносятъ уже давно знакомые, много, много разъ опровергнутые аргументы противъ еврейскаго народнаго движенія.

Мы можемъ уже нынѣ, послѣ почти трехъ лѣтъ этого спора, признать, что общая дискуссія о значеніи сіонизма исчерпана. По сю и по ту сторону проявились самые различные оттѣнки пониманія. Партіи также заняли свои окончательныя позиціи. Для не принявшихъ еще окончательнаго рѣшенія, или плохо освѣдомленныхъ нынѣ можетъ идти рѣчь лишь о томъ, къ какому изъ двухъ лагерей имъ примкнуть. Такимъ образомъ, мистеръ Клодъ Монтефіоре является передъ нами, какъ-бы въ родѣ Generalredner'a противной стороны, который еще разъ съ непревзойденной ясностью и въ дѣйстви-тельно высокомъ стилѣ резюмируетъ все, что можно привести противъ нашихъ стремленій. Онъ до-

статочно корректенъ, чтобы съ самаго начала заявить, что является рѣшительнымъ противникомъ сіонизма, разъяснить который онъ хочетъ читателямъ «American Hebrew». Онъ никого не хотѣлъ бы застигнуть врасплохъ, онъ не вскидываетъ лицемѣрно очами, онъ не извращаетъ также сущности дѣла. Онъ говоритъ: такъ и такъ обстоитъ дѣло объективно, то и то думаю я о немъ субъективно, я — Клодъ Монтефіоре. Шапку прочь предъ такимъ врагомъ! Но послѣ привѣтствія намъ должно быть позволено побороться съ нимъ.

О, мистеръ Клодъ Монтефіоре — превосходная, представительная фигура для нашихъ противниковъ. Онъ — свободенъ, гордъ, образованъ и, насколько этимъ можно быть, благодаря внѣшнимъ дарамъ судьбы, счастливецъ на семь свѣтъ. Онъ живетъ въ странѣ, которая еще понынѣ является блаженнымъ островомъ въ великомъ морѣ ненависти къ евреямъ. Онъ — что, впрочемъ, при произнесеніи его романскаго имени не сразу можно узнать — виолнѣ англичанинъ. Онъ происходитъ изъ фамиліи, которая — какъ это можетъ быть доказано — уже продолжительное время, какъ пріобрѣла осѣдлость въ Британіи и достигла тамъ богатства и уваженія. Мнѣ не знакомъ болѣе подробно его жизненный путь, но, какъ мнѣ показалось во время той бесѣды, о которой онъ самъ упоминаетъ въ «American Hebrew», ему, должно быть, пришлось продѣлать развитіе недюжиннаго англичанина изъ самостоятельной семьи. Ему нынѣ лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, такъ что его юность

совпадаетъ съ тѣмъ славнымъ временемъ, когда Веньяминъ Дизраели подопрѣвалъ — не сказать ли: смягчалъ? — своихъ чопорныхъ и упрямыхъ земляковъ въ пользу соціального равноправія евреевъ. Молодые люди изъ поколѣнія Клода Монтефіоре очень многимъ обязаны Дизраелевской романтикѣ. Подготовляясь въ Етон'ѣ или Наггюу'ѣ вмѣстѣ съ сыновьями англійскаго дворянства къ крокетному матчу, занимаясь въ Оксфордѣ или Кембриджѣ гребнымъ спортомъ или науками, они едва ли сильно замѣчали, что находятся на чужбинѣ. Невольно наворачиваются воспоминанія объ этихъ славныхъ англійскихъ спортивныхъ состязаніяхъ и ихъ воспитательномъ значеніи, когда наблюдаешь новое поколѣніе, которое такъ блестяще представлено Клодомъ Монтефіоре. Эти сильныя состязанія представляются намъ подражаніемъ и замѣной той жизненной борьбы, въ которой обычно развивается энергія менѣе состоятельныхъ людей. Борьба и состязаніе — въ этомъ вѣдь вся жизнь. И такъ какъ оскудѣніе энергіи прозило именно высшимъ общественнымъ классамъ, если бы мужская молодежь не боролась и состязалась физически, то англійское воспитаніе, руководствуясь великолѣпной политикой, создало подобныя игры. Для молодыхъ евреевъ въ Англіи школа скрывала, конечно, наряду съ этимъ, также еще много горечи и печали. Веньяминъ Дизраели убѣдительно изобразилъ душевныя муки «чужихъ» мальчиковъ, и дѣйствіе этого не замедлило сказаться. Поколѣніе Клода Монтефіоре уже находилось въ лучшемъ положе-

ніи. Какъ странна и забавна мысль о томъ, что подрастающіе еврейскіе юноши стали болѣе чужды своей истинной народности вслѣдствіе того, что имъ пришлось переносить менѣе моральныхъ страданій, благодаря трогательной *oratio pro domo* еврейскаго поэта. Вотъ тутъ-то мы имѣемъ случай, когда солидарность евреевъ проявила свои хорошія стороны и по отношенію также къ англо-саксамъ Моисеева Закона и итальянскаго имени. Они извлекаютъ пользу отъ уничтоженія предразсудка, которое было осуществлено однимъ изъ ихъ среды. За партіей въ крокетъ въ Eton'ѣ и Harrow'ѣ, во время оксфордскихъ или кембриджскихъ гребныхъ состязаній, они были одѣты въ тѣ же самыя цвѣта, что и ихъ коллеги. Желтое пятно исчезло.

И это поколѣніе, выросшее уже въ хорошемъ и веселомъ самочувствіи и знакомое съ жизненной борьбой еще лишь по равенству въ игрѣ, наталкивается вдругъ на движеніе отчаявшихся людей. Это — евреи, слѣдовательно, члены того народа, изъ котораго произошелъ Веньяминъ Дизраели, а также въ приличномъ отдаленіи отъ этого великана и Клодъ Монтефіоре. Чего хотятъ эти евреи съ бурно несущимся изъ глубины души призывомъ въ Сіонъ? Развѣ мы не живемъ въ лучшемъ изъ всѣхъ мыслимыхъ міровъ? Развѣ мы не играемъ въ крокетъ съ сынами знатныхъ англійскихъ фамилій? Развѣ есть на насъ еще желтое пятно? Развѣ не засѣдаемъ мы въ нижней палатѣ въ качествѣ виговъ и тори? Развѣ, наконецъ, мы не достигаемъ никогда даже до званія пэра? Или тор-

говья дѣла наши идутъ не важно? А если наши наклонности не влекутъ насъ къ приобрѣтенію земныхъ благъ, потому ли, что мы лишсны потребностей или достаточно состоятельны, развѣ мы не можемъ отдаться научнымъ изслѣдованіямъ?

Мистеръ Клодъ Монтефіоре — ученый господинъ. Онъ занимается, какъ кажется, преимущественно еврейской наукой, читаетъ лекціи для своего собственнаго удовлетворенія и онъ, вѣроятно, никогда не замаралъ своихъ рукъ денежной наживой. Онъ также благотворительный чловѣкъ — благотворитель стараго склада. Его имя можно найти во всякомъ списокѣ жертвователей, онъ стоитъ во главѣ различныхъ благотворительныхъ учрежденій и, когда леди такая-то присылаетъ ему подписной листъ, онъ, навѣрно, заноситъ въ него самую крупную сумму. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего достойнаго порицанія. И отзывъ такого безукоризненнаго джентльмена будетъ, конечно, имѣть значеніе для всякаго дѣла — за исключеніемъ сіонизма, если джентльменъ противъ него. Ибо съ сіонизмомъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Чѣмъ болѣе высокое положеніе занимаетъ кто-либо, чѣмъ лучше обстоятъ его дѣла, тѣмъ меньше доказываетъ что-либо его отрицательное отношеніе. Въ то время, какъ, наоборотъ, присоединеніе менѣе зажиточнаго къ движенію является очень сильнымъ доказательствомъ. Мы можемъ на основаніи этого уже теперь формулировать положеніе: значеніе приверженности или враждебности по отношенію къ сіонизму находится

въ обратной пропорціи къ имущественному положенію соотвѣтствующаго лица.

Господинъ Монтефіоре чувствуетъ себя великолѣпно и не желаетъ никакого измѣненія въ своемъ настоящемъ положеніи? Это очень мило и, можетъ быть, ему вполне дозволено. Но нормально устроенному уму трудно понять, на какой авторитетъ онъ претендуетъ на основаніи этого, чтобы судить о страданіяхъ и нуждахъ громадной массы, бѣдственное положеніе которой настолько неоспоримо, что даже онъ самъ его не отрицаетъ.

Субъективное мнѣніе мистера Клода Монтефіоре не имѣетъ, слѣдовательно, рѣшающаго значенія. Въ крайнемъ случаѣ, можно сожалѣть о томъ, что онъ своимъ примѣромъ повліяетъ на нѣсколько ограниченныхъ умовъ, или поведетъ за собою тѣхъ малодушныхъ, которымъ лестно оказаться въ такомъ хорошемъ обществѣ. Такое сильное народное движеніе, какъ наше, въ состояніи перенести подобныя потери.

Эти заблудшіеся, всѣ безъ исключенія, примкнутъ къ намъ, едва мы окажемся правыми, и мы будемъ ихъ тогда привѣтствовать улыбкой.

Но какъ обстоитъ дѣло съ объективными доводами Клода Монтефіоре?

Онъ очень толково разъясняетъ, вслѣдствіе какихъ причинъ становятся сіонистами. Онъ подтверждаетъ, что къ сіонизму принадлежатъ, какъ ортодоксы, такъ и еврей-реформаторы, и свободомыслящіе. Мы, въ свою очередь, охотно подтверждаемъ, что изъ этихъ же категорій рекрути-

руется и враждебный намъ станъ. Отсюда уже вытекаетъ, что религіозная точка зрѣнія должна быть разумнымъ образомъ оставлена въ сторонѣ. Каждый думаетъ и вѣритъ, хотя бы онъ былъ сіонистомъ, во что и какъ ему угодно. Свобода совѣсти, полная и разная, слишкомъ драгоцѣнное достояніе современнаго культурнаго человѣчества, чтобы мы могли позволить въ нашемъ движеніи о ней хотя бы только дискутировать. Эти соображенія мистера Монтефіоре, слѣдовательно, совершенно праздны, мы не будемъ на нихъ вовсе останавливаться.

Самая суть его изложенія заключается въ слѣдующемъ:

«Еврейское государство, говорятъ, является единственнымъ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса. Допустимъ на мгновеніе, что это вѣрно, но вѣдь много зависитъ отъ того, какимъ образомъ приходятъ къ этому рѣшенію. Является ли это печальнымъ рѣшеніемъ, или радостнымъ? Есть ли это суровая необходимость, или славный идеалъ?».

Поставивъ себѣ вопросъ въ формѣ такой дилеммы, мистеръ Монтефіоре разрѣшаетъ его къ своему удовольствію. При чтеніи этой его дилеммы и его вынужденныхъ отвѣтовъ, становится все веселѣе и веселѣе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи много смѣялись надъ тогдашнимъ министромъ-президентомъ Дюпюи, который однажды воскликнулъ по адресу социалистовъ: «Je vous enferme dans un dilemme». Но заключенные въ дилемму его логики совершенно свободно и бодро по-

двигались впередъ, и они продолжаютъ это дѣлать, въ то время какъ г. Дюпюи уже давно пересталъ управлять и заключать людей въ дилеммы.

Итакъ, первый рогъ дилеммы Монтефіоре: «славный идеаль». Если кто-либо смотритъ на Сіонъ, какъ на таковой, то онъ болѣе не можетъ быть гражданиномъ своего теперешняго государства. Боже милосердый, почему же нѣтъ? Неужели выборъ между настоящимъ и будущимъ такъ мраченъ? Развѣ нельзя пользоваться правами и выполнять обязанности настоящаго, стремясь и подготавливая лучшія времена? Да какъ, наконецъ, возникла вся культура человѣчества? Логикъ Монтефіоре скажетъ — и докажетъ также, ибо онъ все доказываетъ, — что человѣкъ не можетъ жить въ двухъ домахъ.

Какъ справедливо! Но развѣ нельзя строить новый домъ, продолжая еще жить въ старомъ?

Нѣтъ, — скажетъ онъ, — не слѣдуетъ, — ибо онъ — методическій духъ, считающій такіе скачки нелогичными и опасными. Конечно, люди продолжали бы и понынѣ жить въ свайныхъ постройкахъ и въ пещерахъ, если бы никогда не было другихъ головъ, кромѣ такихъ, какъ у него.

Но Сіонъ въ качествѣ «славнаго идеала» имѣетъ еще другіе недостатки: онъ долженъ вызвать антисемитизмъ. Однако, мы имѣемъ уже позади себя трехлѣтній опытъ въ самыхъ различныхъ странахъ. Правильно какъ разъ противоположное. Самые злостные антисемиты признаютъ, что идеалистическое направленіе новаго еврейства заслу-

живается уваженія. Если бы мистеръ Монтефіоре не былъ такъ боязливо озабоченъ сохраненіемъ своего нынѣшняго хорошаго самочувствія, если бы онъ также вынужденъ былъ принимать участіе въ борьбѣ за существованіе, какъ промадное большинство его единоплеменниковъ, ему, конечно, не пришла бы въ голову мысль объ ухудшеніи положенія.

Нѣтъ, этого нечего опасаться; напротивъ, можно ясно предвидѣть, что въ каждой странѣ повысится значеніе и уваженіе къ евреямъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ числа. И когда, наконецъ, останутся лишь ассимилированные, съ ними будутъ обращаться, какъ съ рѣдкостью, какой они и являются. Однако, допустимъ, что онъ правъ; что для господина Монтефіоре и ему подобныхъ возникнутъ, вслѣдствіе сіонистскаго движенія, непріятности — по какому праву требуетъ онъ отъ насъ, чтобы мы, еврейскій народъ, отказались отъ своего желанія улучшить наше положеніе, чтобы мы подавили въ себѣ крикъ о помощи, чтобы мы замалчивали всѣ тѣ моральныя и матеріальныя бѣдствія, которыя не даютъ намъ покоя? Подобное предложеніе — дикость. Кто осмѣлился бы его высказать, тотъ выдалъ бы самъ себѣ свидѣтельство о бѣдности. Къ сожалѣнію, есть много людей, которые такъ думаютъ, но большинству изъ нихъ благоразуміе запрещаетъ такъ говорить.

Затѣмъ, разбираетъ мистеръ Клодъ вторую часть своей дилеммы: «печальную необходимость», и опять «онъ кое-что допускаетъ».

Что же онъ допускаетъ? «Что антисемитизмъ

завтра прекращается, что евреи въ Россіи и Румыніи внезапно и вполнѣ эмансипируются, что социальный остракизмъ и ненависть, отъ которыхъ страдаютъ евреи въ Австріи, Германіи и — *mirabile dictu* — даже въ Соединенныхъ Штатахъ, внезапно смягчаются и исчезаютъ». Тогда тотчасъ же прекратился бы и сіонизмъ, какъ «печальная необходимость». Но если онъ ужъ занялся предположеніями, то почему бы ему заодно не предположить, что мы живемъ на лунѣ, или въ 23 вѣкѣ по Р. Х. Поистинѣ, если бы мы не знали, что мистеръ Монтефіоре хорошо воспитанный и благотворительный господинъ, то могли бы подумать, что онъ презрительно подшучиваетъ надъ бѣдственнымъ состояніемъ еврейства.

Для всѣхъ этихъ остроумныхъ предположеній, которыя мистеръ Монтефіоре измышляетъ въ типш своего рабочаго кабинета, у насъ не хватаетъ терпѣнія. Опытъ, полный глубочайшей горечи, убѣдилъ насъ, современныхъ «эмансипированныхъ» евреевъ, что антисемитизмъ не исчезаетъ и не можетъ исчезнуть, такъ какъ не устранены его причины. Мы это часто высказывали. Каждый новый день доставляетъ тому новыя доказательства — увы — во всемъ мірѣ. Отливъ сильно тѣснимыхъ еврейскихъ массъ, являющихся обузой для себя и для своихъ окружающихъ, былъ бы съ благодарнымъ вздохомъ облетченія привѣтствуемъ христіанами и евреями. И мы, какъ серьезные люди, хорошо сознающіе свою великую отвѣтственность, хотимъ позаботиться о томъ, чтобы этотъ отливъ

совершался обезпеченнымъ съ правовой точки зрѣнія путемъ. У насъ нѣтъ того легкомыслія, съ которымъ нѣкоторые милостивые радѣтели посылаютъ бѣдныхъ еврейскихъ эмигрантовъ куда угодно за море, только бы подальше съ глазъ. Отсутствіе какой-либо цѣнности этихъ опытовъ, даже когда они предпринимаются съ крупнѣйшими средствами, все явственнѣй обнаруживаются. Каждый отчетъ этихъ «благотворительныхъ» обществъ содержитъ болѣе или менѣе замаскированное признаніе, что усилія покровителей остались безплодными. Пока эти господа не имѣли никакого представленія о вновь пробудившемся народномъ сознаніи Израиля, ихъ филантропическія затѣи были не только извинительны, но даже достойны похвалы. Это постепенно измѣнилось.

— Является ли сіонизмъ необходимою? — спрашиваетъ еще Монтефіоре. У кого нѣтъ замка въ Англіи, тотъ не будетъ въ этомъ сомнѣваться.

Но не является ли сіонизмъ «испанскимъ замкомъ», призрачной картиной, утопіей, лелѣемой мечтателями? Мы не станемъ на это больше отвѣчать доводами разума, которые очевидны, вѣдь, только для разумныхъ, для неограниченныхъ умовъ. Наши сіонисты въ Болгаріи, въ Южной Африкѣ даютъ бурно-ликующій отвѣтъ. Въ Болгаріи они видѣли, какъ совершается въ наше время образованіе государства. Въ Южной Африкѣ они принимали участіе въ бурномъ ростѣ колоніи за послѣднее десятилѣтіе. Сіонисты Балканъ, сіонисты «Chartered Company» — вотъ наши лучшіе аргументы. А къ

этому также и всѣ явленія международнаго сообщенія, кабель въ морѣ, паръ локомобиля, сѣялка, вѣялка и косилка, индійскій хлопокъ, американская пшеница, передача силы по тонкой проволоцѣ — коротко говоря, всѣ чудеса, которыя совершаются въ нашей повседневности, — неужели ничего не говорятъ они замкнутому уму образованнаго мистера Клода Монтефіоре? Наши доказательства отъ сегодняшняго дня, его же — отъ вчерашняго и отъ третьяго дня. Онъ съ сознаніемъ собственнаго превосходства и самодовольно цитируетъ древняго еврейскаго философа Филона. Неужели ни разу не появилась у ученаго мистера Клода мысль, что древніе могли быть мудры лишь для своего времени, и что другія условія жизни вызываютъ и новую мировую мудрость? Всякое время имѣетъ свою мудрость, своихъ мудрецовъ.

И не можетъ ли мистеръ Клодъ Монтефіоре представить себѣ, каково на душѣ у тѣхъ, кто не думаетъ о своемъ собственномъ удобствѣ, а служить идеѣ наперекоръ цѣлому міру противниковъ? Въ теченіе короткаго времени нашей борьбы мы уже преодолѣли большія затрудненія, чѣмъ тягостныя дилеммы мистера Монтефіоре. Такими простыми, какъ этотъ англо-еврейскій мыслитель представляетъ себѣ вещи, онѣ въ дѣйствительности не бываютъ. «Печальная необходимость» или «славный идеаль»? Да это—и то, и другое. Побужденія людей такъ же различны, какъ и они сами. Вмѣстѣ онѣ образуютъ чащу націи. Но у кого нѣтъ свободнаго взора, тотъ, какъ обычно говорятъ, не видитъ лѣса

за деревьями. И такой хочет насъ обучать? Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте. Мы видимъ лѣсъ, мы вѣримъ въ этотъ лѣсъ. И сіонизмъ, какъ очищающій ураганъ, проносится черезъ все еврейство. Засохшія вѣтви хрустятъ, на макушкахъ должно быть достаточно мѣста для вѣчно-молодыхъ побѣговъ, которые стремятся въ высь къ солнечному свѣту.

Пожаръ въ Галиціи.

Патеръ Стояловскій¹ плохо обучилъ своихъ людей. Въ современномъ правовомъ государствѣ не дозволено поджигать, убивать и грабить. Яслоскій окружной начальникъ называетъ эти слухи «смѣшными и вздорными», «слухи, что будто бы разрѣшается кѣмъ-либо учинять наказуемая дѣйствія, какъ грабежъ, насилія и т. п.».

Извѣстіе это было, собственно, пущено кружкомъ подстрекателей, главной и центральной фигурой котораго общественное мнѣніе единодушно считаетъ патера Стояловскаго. Въ Санокскомъ округѣ предстоятъ выборы, и вотъ, чтобы создать соотвѣтствующее настроеніе въ пользу кандидатуры партійнаго единомышленника Стояловскаго, чтобы дать острастку евреямъ, чтобы заполучить крестьянъ, и была искусно инсценирована эта травля. Темныхъ и жестокихъ крестьянъ морочили, будто правительство разрѣшило

¹ Патеръ Стояловскій выступилъ на политическую арену Галиціи лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ проповѣдовалъ „демократическій антисемитизмъ“ и имѣлъ большой успѣхъ среди польскихъ крестьянъ. Благодаря его проповѣди, возникли въ Галиціи анти-еврейскіе погромы въ 1898 г., потребовавшіе вмѣшательства военной силы.

время отъ времени грабить и избивать евреевъ. Однимъ казалось, что для этого развлеченія установленъ двухъ-недѣльный срокъ. Другіе утверждали, что это празднество должно быть съ перерывами: три раза въ недѣлю въ теченіе одного мѣсяца. Пришлось, наконецъ, послать довольно значительныя военныя отряды на налитанную кровью арену этихъ слуховъ, справедливо названныхъ яслоскимъ окружнымъ начальникомъ смѣшными и вздорными, чтобы возстановить спокойствіе. Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ быть разрѣшено учиненіе грабежей, насилій и т. п. надъ кѣмъ бы то ни было. Даже надъ евреями.

Мы съ самаго начала не сомнѣвались въ подобномъ исходѣ этой не только смѣшной, но и ужасной авантюры. Можно было предвидѣть, что старый бунтовщическій духъ славянскихъ крестьянъ, порою переходящихъ отъ своего тупого раздумья къ звѣрскимъ насиліямъ, будетъ обузданъ. Соображенія человѣчности и государственная необходимость предписывали это въ одинаковой мѣрѣ. Для близорукихъ и живущихъ интересами дня политиковъ инцидентъ этотъ, такимъ образомъ, исчерпанъ. Самое большое, если нѣкоторые поторжествуютъ надъ тѣмъ, что при этомъ случаѣ еще разъ была обнаружена таящаяся въ антисемитизмѣ опасность для существующаго порядка. Ибо стоитъ только вспыхнуть пожару у еврейскихъ хижинъ и шинковъ, чтобы онъ перебросился также и на крыши замковъ. Дворяне и прочіе бабе должны будутъ поэтому подумать о мѣрахъ противъ того, какъ

бы ихъ не навѣстить одичавшій крестьянинъ, который сперва отточить свою косу объ евреевъ, чтобы затѣмъ покосить среди господъ. Получается, такимъ образомъ, такое явленіе, что извѣстнаго рода еврейскіе политики, находящіеся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія, какъ разъ на подобныхъ беспорядкахъ основываютъ свою безопасность. Кто хочетъ оберечь государство и сохранить существующій порядокъ, долженъ рано или поздно выступить противъ юдофобіи. Израиль можетъ спокойно спать. Если вспыхнетъ пожаръ, то пожарная команда ужъ явится. Каски и насосы властей будутъ видны на пожарахъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній дымокъ не разсѣется съ почернѣвшихъ развалинъ.

Но какое мнѣніе можно составить о человѣкѣ или о цѣломъ обществѣ, которые бы всю свою безопасность въ пожарномъ отношеніи основывали на прибытіи пожарныхъ? Пожарные могутъ однажды опоздать, они могутъ одновременно понадобится въ нѣсколькихъ мѣстахъ и при всемъ своемъ желаніи не прибыть во-время. Что тогда? Разореніе. Мы въ своихъ надежныхъ домахъ, окруженные культурой, заботливо охраняемъ, согласно наставленію ночныхъ сторожей, «огонь и свѣтъ, чтобы съ кѣмъ-либо чего-нибудь не случилось!» Къ тому же мы аккуратно уплачиваемъ свои взносы по страхованію отъ огня. Это, вѣдь, представляетъ собою минимумъ тѣхъ предосторожностей, которыя могутъ быть примѣнены всякимъ разумнымъ семьяниномъ. Для этого требуется не

многимъ болѣе, чѣмъ мудрость ночного сторожа. А Израиль — народъ, который въ теченіе своей долгой славной и мучительной исторіи далъ столько мыслителей, — Израиль не обладаетъ даже мудростью ночного сторожа. Мы не думаемъ заранее о томъ, какъ предотвратить опасность пожара, а когда ущербъ уже причиненъ, то никто не знаетъ, къ кому ему слѣдуетъ обратиться за возмѣщеніемъ потеряннаго. А тотъ, кто заранее напоминаетъ неразумнымъ о необходимости учредить взаимное страхование отъ огня — того осмѣиваютъ, съ тѣмъ борются.

Однако, мы намѣрены здѣсь говорить не только объ этой матеріальной сторонѣ нашего сіонизма. Пожаръ въ Галиціи, который успѣли уже вновь потушить, даетъ намъ кой-какой иной матеріалъ для размышленія. Раньше всего: кого именно постигло это несчастіе? Опять тѣхъ, кому и безъ того дано много перенести. Бѣдныхъ, нищихъ и убогихъ среди евреевъ. Говорятъ, что шинкари, шинки которыхъ разграблены и сожжены, являются ростовщиками и эксплоататорами бѣднаго сельскаго населенія. Судя по этому, можно было бы подумать, что это легкое пропитаніе — отпускать въ кредитъ вино пьянствующимъ мужикамъ, которые на просьбу о платежѣ отвѣчаютъ угрозою или насиліемъ. Намъ, стоящимъ въ центрѣ сіонистскаго движенія, приходится, къ сожалѣнію, ежедневно слышать о галиційскомъ пролетаріатѣ и видѣть его въ печальныхъ образахъ. Для этихъ людей никакой трудъ не бываетъ слишкомъ тяжелымъ и — съ болью и

состраданіемъ говоримъ мы это — для нѣкоторыхъ изъ нихъ никакое занятіе — слишкомъ позорнымъ. *Tout comprendre, c'est tout pardonner*. Жить хотятъ эти несчастные бѣдняки, и не хотятъ они, чтобы голодной смертью погибли ихъ скорбныя жены, ихъ больныя, хилыя дѣти. Кто осмѣлится бросить въ нихъ камень за то, что они въ коробейной торговлѣ и въ корчемствѣ не выступаютъ въ моральномъ нарядѣ безукоризненнаго джентльмена? Когда имъ случится нарушить законъ, то послѣдній ужъ ихъ основательно хватаетъ за шиворотъ. А моральная красота, кто же обладаетъ ею? Ужъ не тѣ ли чванливые выскочки, которые холодно говорятъ объ этихъ галиційскихъ бѣдствіяхъ, какъ о чемъ-то далекомъ, внѣ ихъ сферы разырывающемся, и которые не считаютъ себя обязанными присоединиться къ великому акту солидарной помощи ихъ физически и нравственно вырождающимся единоплеменникамъ?

Здѣсь глубокій корень всѣхъ бѣдствій, которыя постигаютъ евреевъ. Извнѣ предполагается наша солидарность, исообразно съ этимъ дѣйствуютъ наши враги. За ошибки и проступки отдѣльных лицъ среди насъ отвѣтственность возлагается на всѣхъ насъ, но въ еврейскомъ народѣ чувства солидарности нѣтъ — еще нѣтъ.

И, однако, такія событія, какъ, напримѣръ, послѣднія въ Галиціи, кажется, горячо призываютъ къ солидарности. Здѣсь вовсе не приходится говорить о состраданіи къ незаслуженно преслѣдуемымъ злымъ рокомъ. Горе, котораго мы не ви-

димъ собственными глазами, и рыданія, которыхъ мы непосредственно не слышимъ, обычно не особенно сильно волнуютъ насъ. Но галиційскіе евреи съ ихъ нищетою представляютъ собою громадную опасность. Подумать только, что въ Галиціи почти цѣлый милліонъ евреевъ живетъ въ ужасныхъ условіяхъ! Это вовсе не крестьяне съ ихъ слабо развитымъ интеллектомъ; имъ не хватаетъ, сказалъ бы я, счастливой нечувствительности и безсознательности. У бѣднѣйшаго и послѣдняго среди нихъ пробуждено, благодаря элементарнымъ познаніямъ, пониманіе. И эти люди при условіяхъ, положительно ниже человѣческихъ, влечать жизнь, которая врядъ ли достойна такого названія. Можно ли удивляться, если неслыханная нужда совращаетъ ихъ съ пути истиннаго? Нѣкоторыя явленія, наблюдаемая среди этой страдающей массы, говорятъ намъ потрясающія вещи. Между прочимъ, было замѣчено, что въ послѣдніе годы галиційскія еврейки даютъ поразительно большое количество проститутокъ. Въ качествѣ товара поступаютъ онѣ во всѣ страны міра для ужаснѣйшей торговли. Стоитъ вспомнить древнюю чистоту еврейской семейной жизни, какъ сердце сжимается отъ подобнаго факта. И эти люди, столь ослабленные въ ихъ моральной устойчивости, не только подвержены самымъ суровымъ лишеніямъ, но и предоставлены преслѣдованіямъ и насиліямъ черни. Такимъ образомъ, поистинѣ у нихъ достаточно поводовъ, чтобы покинуть свою «родину». Но куда бы они ни кинулись, ихъ всюду

отталкиваютъ назадъ. На всемъ широкомъ свѣтѣ нѣтъ нынѣ, быть можетъ, болѣе отчаявшихся людей, чѣмъ бѣдные галиційскіе евреи. Они въ буквальному смыслѣ слова не знаютъ болѣе, куда имъ дѣваться. И когда они обращаютъ свои тревожные взоры къ ихъ болѣе счастливымъ единоплеменникамъ, имъ отказываютъ, или, что еще хуже, имъ даютъ милостыню. Такъ воспитываются угрожающіе и трусливые попрошайки.

Въ работѣ нуждаются они. Только трудовая помощь можетъ ихъ спасти. Но трудъ лишь тогда мыслимъ, когда плоды труда обезпечены. Обезпеченность владѣнія служитъ великой поддержкой крестьянину въ его поистинѣ суровой борьбѣ съ землей. У еврея же въ Галиціи, а можетъ быть, и кое-гдѣ еще, отсутствуетъ надежда на то, что его владѣніе не будетъ нарушено когда-либо въ будущемъ. При болѣе продолжительномъ періодѣ спокойствія постепенно и робко пробуждается обыкновенно эта надежда и у евреевъ. Примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить евреи въ Венгріи. Но враждебныя выходки согражданъ разсѣиваютъ эту зарождающуюся надежду, а съ ней и охоту къ труду. Въ этомъ мы видимъ значеніе всѣхъ антиеврейскихъ эксцессовъ, въ томъ числѣ и послѣднихъ галиційскихъ. Были ли они послѣдними? Во всякомъ случаѣ они на многіе годы деморализовали даже трудолюбивыхъ, не говоря уже объ еще глубже на дно опустившихся пролетаріяхъ.

Однако, имѣются неунывающіе еврейскіе чело-вѣколюбцы, которые читаютъ газетные отчеты о

беспорядкахъ за утренимъ кофе и констатируютъ, что въ какой-нибудь парѣ дюжинъ мѣстечекъ разрушены дома, разграблены лавки и ранены нѣсколько евреевъ. Бываетъ-де и у другихъ несчастные случаи, когда гибнуть люди и имущество; только наши такъ чувствительны, что сейчасъ же начинаютъ кричать, будто весь міръ погибаетъ. Да, имѣются евреи, занимающіе хорошее положеніе, которые такъ спокойно резонерствуютъ; конечно, это — отбросы нашего народа, и каждый честный сіонистъ можетъ говорить о нихъ только съ отвращеніемъ и презрѣніемъ.

Къ такимъ молодцамъ, которые иногда весьма сомнительными способами добились своего обезпеченнаго положенія, мы не обращаемся со своими рѣчами. Только съ серьезными и честными членами еврейскаго народа обсуждаемъ мы эти чрезвычайно серьезные вопросы. Мы хотимъ указать на связь между эксцессами и моральнымъ вырожденіемъ. Эти беспорядки въ Галиціи, быть можетъ, на цѣлое десятилѣтіе нарушили равновѣсіе широкихъ массъ нашихъ тамошнихъ братьевъ. Для сколькихъ еврейскихъ дѣтей въ Галиціи самымъ глубокимъ впечатлѣніемъ ихъ юности останутся на всю жизнь незабвенныя картины ужасовъ, разыгравшихся въ Санокъ-Яслоскомъ округѣ? Смертность среди этихъ дѣтей нищеты велика; но если они останутся въ живыхъ, то смогутъ ли они когда-нибудь внутренне освободиться отъ своихъ раннихъ жестокихъ испытаній?

Эти размысленія вовсе не имѣютъ цѣлью за-

щищать галиційскихъ евреевъ. Они ни въ чемъ не провинились, за что бы слѣдовало пустить имъ краснаго пѣтуха на крышу. Они совершили лишь одно преступленіе: они живутъ, живутъ, съ трудомъ перебиваясь и обремененные заботами. И именно поэтому должны эти ничѣмъ необоснованныя и непонятныя нападенія прямо-таки опустошительно дѣйствовать въ моральномъ отношеніи на наши массы. Среднее сословіе нашихъ галиційскихъ евреевъ, адвокаты, врачи, инженеры, фабриканты и болѣе состоятельные купцы, хотя бы благодаря своему образованію, способны сохранить въ себѣ чувство права и чувство чести, несмотря на эксцессы, и даже наперекоръ имъ. Чувство же права и чести въ низшихъ слояхъ должно уничтожиться. Соціальный психологъ не можетъ пройти безъ вниманія мимо подобныхъ явленій.

Израиль! Другіе народы также подвергаются тяжкимъ испытаніямъ, но для нихъ всякій разъ вновь наступаетъ безоблачная пора... За каждой войной слѣдуетъ миръ. Только разсѣянный Израиль постоянно побѣждается и послѣ пораженій не находитъ себѣ покоя. Но матеріальная безопасность есть основа моральнаго здоровья, а поэтому мы горячо желаемъ и всѣми нашими силами стремимся добиться для нашего народа матеріальной безопасности, которая можетъ быть имъ обрѣтена лишь на его собственной землѣ. Моральное же здоровье фактически по всему міру разсѣяннаго народнаго элемента весьма важно для всего міра.

„Докторъ Конъ“ Нордау.

Эта драма, которую они теперь не осмѣливаются играть, все же останется. Она изъ тѣхъ крѣпкаго сложенія произведеній, которыя живутъ. Грильпарцеръ сказалъ:

Mag unsre Zeit mich bestreiten,
Ich lass'es ruhig geschehen —
Ich komme aus anderen Zeiten
Und hoffe in and're zu geh'n.

(«Пусть мое время несогласно со мной, я смотрю на это спокойно, — я иду не изъ этихъ временъ и надѣюсь перейти въ другія»).

То же можно сказать и о новой пьесѣ Макса Нордау. Онъ можетъ спокойно смотрѣть на то, что одни его бранятъ, а другіе замалчиваютъ. Его «Докторъ Конъ» перейдетъ въ позднѣйшія времена и возвѣститъ, чѣмъ были наши дни. Къ оклеветанному произведенію присоединятся также его судьбы въ обществѣ. Въ будущемъ станутъ поражаться и ужасаться тѣмъ проявленіемъ лживости и трусости, съ которыми это великолѣпное произведеніе поэзіи должно было бороться, и все это еще болѣе увеличить славу искренняго писателя. Пусть пресмыкающіеся искатели успѣха кланяются

и изживаются передъ имѣющимъ значеніе общественнымъ мнѣніемъ; человѣкъ найдетъ свою высшую радость въ томъ, чтобы быть самимъ собой. Что за жалкое занятіе было бы писаніе книгъ и пьесъ, если бъ въ нихъ передавали только господствующія мнѣнія толпы! Многіе цѣнные и сверхтошкіе поэты находятъ ловкій исходъ для уклоненія отъ борьбы съ мнѣніями. Они просто-на-просто спасаются изъ огня вопросовъ дня въ кусты. Они поютъ, какъ поетъ птица. Искусство пусть существуетъ только ради искусства, и тому подобная чепуха. Мы же думаемъ, что искусство прежде всего должно имѣть смыслъ, и этотъ смыслъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ смысломъ дѣйствительной жизни, которую мы переживаемъ, смѣясь и плача. Разсужденіе же о той сторонѣ жизни, которая намъ ближе всего, о нашемъ собственномъ существованіи, которое не состоитъ вѣдь только изъ обрученій и измѣнъ, поэтому не можетъ быть непоэтическимъ. Въ послѣдніе годы всѣ находили очень похвальнымъ, что литературныя драматическія произведенія воспроизводили мѣстную окраску городовъ и областей, даже діалектъ. Но изображеніе современныхъ движеній воспрещается. А вѣдь это только хронологическая мѣстная окраска человѣческихъ судебъ.

Правда, социалисты постепенно завоевали своей современной драмѣ уваженіе гражданъ. Но если социальный вопросъ уже можетъ служить темой для литературы и сцены, то это еще не указъ другимъ вопросамъ. Напримѣръ, нашъ, еврейскій во-

прось не смѣть забираться въ высокую литературу. Во-первыхъ, потому что онъ уже окончательно разработанъ въ лессинговскомъ «Натанѣ»; во-вторыхъ, потому что еврейскаго вопроса вообще не существуетъ; въ-третьихъ, потому что этотъ вопросъ обладаетъ свойствомъ страшно возбуждать всѣхъ людей. Это, очевидно, приблизительно то же извѣстное разсужденіе о разбитомъ горшкѣ, который занявшій его, во-первыхъ, вернулъ совершенно цѣлымъ; во-вторыхъ, онъ былъ разбитъ уже тогда, когда онъ его взялъ, и въ-третьихъ, его вообще никто не бралъ.

Люди, которые считаютъ лессинговскаго «Натана» послѣднимъ словомъ въ литературной обработкѣ еврейскаго вопроса, приблизительно такъ же умны, какъ тѣ, которые видятъ въ «Журналистахъ» Фрейтага окончательное произведеніе о журналистикѣ. Да, конечно, это были замѣчательныя произведенія для своего времени, но время перемѣнилось. Для мендельсонизма — если допустить подобное выраженіе — «Натанъ» былъ послѣднимъ словомъ, и никому изъ насъ не придетъ въ голову — отнестись съ недостаточнымъ уваженіемъ къ этому слову и соотвѣтствующему ему движенію въ еврействѣ. Но исторія евреевъ ушла дальше, — не безъ новыхъ большихъ страданій.. . Времена, которыя для автора «Натана» были позднѣйшими, уже прошли. Еврейскій вопросъ ищетъ другого литературнаго воплощенія; и въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ развиваются теперь судьбы нашего народа, сами евреи берутся за поэтическое слово для разрѣше-

нія еврейскаго вопроса уже не въ тетто и не въ до-
вѣрчивомъ тихомъ тонѣ жаргонной литературы, а
передъ всѣмъ міромъ. Подобно тому, какъ мы,
сіонисты, въ Базелѣ воздвигли въ Европѣ полити-
ческую трибуну, съ которой мы можемъ сказать
все, что у насъ на сердцѣ, такъ стремимся мы со-
здать для этой цѣли и литературную возможность.
Засѣданіе продолжается! — какъ сказалъ извѣст-
ный французскій президентъ палаты. Слово за Мак-
сомъ Нордау.

И такъ же, какъ въ Базелѣ, когда этотъ вели-
колѣпный ораторъ поднимается на трибуну, чтобъ
прекрасными чертами описать положеніе разсѣян-
наго еврейства въ истекшемъ году — это торже-
ственный моментъ для читателя его драмы.

«Докторъ Конъ» — трагедія ассимиляціи. Раз-
личныя мелкія личности, писавшія о ней въ стыд-
ливо-еврейскихъ газетахъ, конечно, совершенно
не поняли смысла этой вещи. Или же типъ
стыдливо-еврейскихъ газетъ — это тѣ, которыя пи-
шутся и читаются, главнымъ образомъ, евреями —
требуется, чтобы они не понимали этой вещи? Они
думали, что для автора рѣчь шла о томъ, чтобы въ
лицѣ и судьбѣ доктора Кона показать, какъ не-
пріятно въ концѣ девятнадцатаго вѣка быть евре-
емъ. Совершенно невѣрно. Авторъ хотѣлъ ско-
рѣе показать, насколько это непріятно — не го-
воря уже о бесполезности, — если отрицаешь свое
еврейство. Пьеса называется «мѣщанской траге-
діей». Такъ вотъ мѣщанской въ ней является
исторія Юліуса Христіана Мозера, тогда какъ раз-

вертывающаяся рядомъ трагедія д-ра Кона есть собственно романтическая.

Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ средне-германскомъ университетскомъ городѣ. Тамъ живетъ Юліусъ Христіанъ Мозеръ, тайный коммерціи-совѣтникъ и капитанъ ополченія. Онъ очень видный господинъ, очень уважаемый, богатый; находится въ родствѣ съ дворянской офицерской семьей фонъ-Квинке. Его жена, рожденная фонъ-Квинке; его сыновья дюжіе антисемиты; первый — лейтенантъ въ гвардейскомъ полку, младшій — буршъ шижарной корпораціи Франко-Тюринглія. Короче, господинъ Мозеръ забрался такъ далеко, какъ только могъ; всякій слѣдъ неизгладимаго пятна его происхожденія, кажется, исчезъ. Ибо господинъ Мозеръ сдѣлалъ въ своемъ имени очень удачную перестановку буквъ — онъ назывался нѣкогда Мозесъ. Онъ крещеный еврей, но такъ великолѣпно ассимилированный, что никто, кто не знаетъ этого, не могъ бы нанести ему позора принять его за сына презираемаго народа. Еврейскій дичокъ покрылся нѣмецкими и благородными отростками, и отпрыски, произведенные имъ, ни въ чемъ не напоминаютъ ему стараго ствола; они и не хотятъ, чтобы имъ что-нибудь напоминало объ этомъ. Но господинъ Мозеръ, рожденный Мозесъ, имѣетъ и дочь, Христіну, и именно съ этой стороны врывается горе.

Въ маленькомъ средне-германскомъ университетскомъ городѣ основался приватъ-доцентъ по математикѣ, нѣкій д-ръ Лео Конъ. Д-ръ Конъ знако-

мится съ Христиной и начинаетъ ее любить, она его также. Онъ не рѣшается свататься за нее, будучи только приватъ-доцентомъ, а профессуры ему не хотятъ дать потому, что онъ еврей и называется Кономъ. Но при присужденіи премій въ стокгольмской академіи онъ получаетъ первую премию по математикѣ, и такъ какъ теперь профессура, хотя бы и не при этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, ему обезпечена, онъ рѣшается выступить въ роли жениха. До этого благомыслящій ректоръ университета сообщилъ ему, впрочемъ, что совѣтъ отклонилъ просьбу Кона о назначеніи его экстраординарнымъ профессоромъ, такъ какъ по статутамъ университета это заведеніе христіанско-евангелическое. Д-ръ Конъ въ отвѣтъ на это напрасно ссылается на конституцію, устанавливающую равноправіе. Онъ высказываетъ мысль, что это обнаруженіе истинной окраски тоже стоитъ чего-нибудь. «Ложь равноправія открыта для всѣхъ взоровъ: офиціально заявляется, что конституція—клочокъ бумали, къ которому никто не долженъ обращаться».

«Ректоръ Кильгольтъ. Не волнуйтесь понапрасну, добрый д-ръ Конъ. Я думаю, вы не должны бы такъ хотѣть этого обнаруженія истинной окраски. Руководящія лица, которыя дѣлаютъ нынѣ видъ, что признаютъ равноправіе по крайней мѣрѣ теоретически и принципіально, все же заслуживаютъ за это благодарности. Ибо они внимательны къ вамъ во вредъ себѣ. Они отказываются отъ вѣрной популярности, когда стараются увернуться

вмѣсто того, чтобъ ясно заявить: «Евреямъ нечего требовать и нечего ожидать».

Конъ. Ну да. Это, по крайней мѣрѣ, ясная точка зрѣнія. Я предпочитаю ее двусмысленности».

И дальше... «Кильгольтъ. Если вы выступите въ бой и обнажите шпату во имя равноправія, то это будетъ величайшей ошибкой. Я хотѣлъ бы быть въ состояніи объяснить это всѣмъ вашимъ единоплеменникамъ. Вы дѣлаете видъ, что можете требовать чего-нибудь. Въ концѣ концовъ вы же не завоевали у насъ равноправія съ оружіемъ въ рукахъ. Оно вѣдь не обоюдное соглашеніе. Мы добровольно дали вамъ его; это даръ, а размѣры дара можетъ опредѣлить только дарующій».

Конъ. Это трагическое недоразумѣніе между нами. Мы воображаемъ себѣ, что въ качествѣ людей имѣемъ полное право на всѣ человѣческія права, вы же убѣждены, что оказываете намъ милость, признавая евреевъ людьми. Ваше молчаливое предположеніе, что еврей не обладаетъ по природѣ человѣческимъ достоинствомъ, а только достигаетъ его, когда ваша милость ему это опредѣленно разрѣшаетъ. До тѣхъ поръ, пока такъ будутъ чувствовать самые справедливые и благосклонные христіане, пропасть между нами, конечно, останется безъ моста».

Итакъ, д-ръ Конъ на основаніи заслуженной преміи, которая обѣщаетъ ему положеніе въ обществѣ, сватается за Христину. Господина Мозера это не особенно пріятно настраиваетъ, но въ длинной бесѣдѣ, которая является скорѣе борьбой,

чѣмъ разговоромъ, Конъ завоевываетъ его уваженіе и согласіе. Тутъ-то начинается борьба внутри семьи. Госпожа Мозеръ, рожденная фонъ Квинке, возмущена, потому что ея дочь хочетъ сдѣлать то, что она сдѣлала нѣкогда сама — выйти замужъ за еврея! Правда, еврей Конъ, который есть еврей нынѣшній и въ своемъ боевомъ разговорѣ съ Мозеромъ развертываетъ сіонистскій идеалъ, какъ знамя, не хочетъ гнаться, тогда какъ еврей Мозеръ готовъ былъ на всѣ жертвы, чтобъ жениться на фрейлейнъ фонъ-Квинке. Фрау Мозеръ призываетъ на помощь своего брата, суперъ-интенданта фонъ-Квинке. Тотъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобъ удержать Мозера отъ вступленія въ родство съ евреемъ Кономъ. Но тутъ наступаетъ самое достопримѣчательное. Каждый мотивъ, который приводитъ это духовное лицо противъ Кона, заставляетъ Мозера чувствовать себя лично задѣтымъ. Конъ чужой, да, тогда и онъ Мозеръ, рожденный Мозесъ, тоже чужой. Кона не слѣдуетъ принимать въ семью, тогда, вѣдь, и Мозесъ здѣсь тоже не у себя. Обмѣнъ мнѣній переходитъ въ борьбу, приводитъ къ разрыву между людьми, которые воображали, что они заключили компромиссъ на всю жизнь. Мозеръ въ величайшемъ гнѣвѣ указываетъ своему шурину и противнику дверь. Дѣло Кона стало его собственнымъ дѣломъ. Тогда передъ нимъ встаютъ противники въ лицѣ его сыновей, и тутъ-то трагедія ассимиляція достигаетъ своего алогей. Оба молодыхъ человѣка возстаютъ противъ отца, потому что онъ хочетъ взять въ зятя еврея. Сту-

дентъ ведетъ себя при этомъ непристойно, и отецъ угрожаетъ ему тѣлеснымъ наказаніемъ. Карлъ, офицеръ, возмущается въ болѣе приличной, холодной, но зато еще болѣе невыносимой формѣ.

«Карлъ. Если мы хотимъ жить въ какомъ-либо обществѣ, мы должны подчиниться его понятіямъ о чести. Понятіе о чести нашего общества не допускаетъ родства съ евреями.

Мозеръ. Это говоришь ты, который самъ еврей?»

Карлъ (съ крикомъ). Я?

Мозеръ. Я думаю.

Карлъ (овладѣвая собой). Ты хочешь унижить меня, отецъ.

Мозеръ. Твой отецъ еврей, и ты достаточно еврей, чтобъ постыдиться повторять подобныя рѣчи.

Карлъ (мрачно). Этого ты мнѣ никогда не говорилъ.

Мозеръ. Это была неправда моей жизни.»

Такъ далеко зашелъ тайный совѣтникъ и капитанъ ополченія, что онъ самъ вызываетъ свое отвергнутое забытое еврейство и бросаетъ его въ лицо своему отпрыску. Понятно, тотъ не хочетъ сдаться. Когда является Конъ, лейтенантъ оскорбляетъ его. Дуэль неизбежна. И Конъ сраженъ пулей лейтенанта.

Родители смертельно раненаго являются въ домъ Мозера, гдѣ онъ лежитъ. Онъ умираетъ. Когда Мозеръ видитъ обоихъ стариковъ застывшихъ, отупѣвшихъ въ старыхъ еврейскихъ, ставшихъ ему самому чуждыми, обычаяхъ, онъ рѣшаетъ, что они

являются оправданіемъ его отпаденія отъ еврейства. Съ этими людьми у него нѣтъ ничего общаго. Это тотъ пунктъ, въ которомъ дѣлается труднымъ согласиться съ авторомъ. Мозеръ, съ которымъ мы познакомились въ все возрастающемъ трагическомъ просвѣтлѣніи, не долженъ быть приведенъ къ такому конечному выводу. Съ бѣдняками изъ крупа жизни четы Конъ тайный совѣтникъ и тогда не имѣлъ бы общности мыслей и интересовъ, если бъ они и не были евреями. Ихъ ограниченность, бѣдность, даже ихъ смѣшная сторона и даже ихъ пусность не можетъ уничтожить историческаго факта народнаго родства. Въ одномъ и томъ же народѣ встрѣчаются люди съ различными привычками, мыслями, добродѣтелями и пороками. Общность отдѣльныхъ личностей въ народѣ не такъ уже велика, чтобъ можно было требовать полнѣйшаго или хотя приблизительнаго согласованія. Можно отречься отъ партіи, которой принадлежалъ, но не отъ своего народа, по крайней мѣрѣ, тогда, когда онъ притѣсняемъ. Тогда скорѣе каждый долженъ спѣшить подъ свои знамена, какъ бы далеко ни отдалился. И то, что господинъ Мозеръ успокаиваетъ себя подъ конецъ этой отговоркой о различіи между его и религіозно-еврейскими воззрѣніями, показываетъ его болѣе слабымъ, чѣмъ онъ рисовался въ продолженіе всего дѣйствія. И энергичному нравуученію пьесы въ самый послѣдній моментъ отрѣзано его остріе.

И все же мы можемъ радоваться этой сильной драмѣ. Людямъ внѣ нынѣшняго гетто она ска-

жетъ, что еврейство не умерло, ибо оно въ состояніи еще въ пору наиболѣе тяжелаго моральнаго страданія давать ростки, которые можетъ дать только безстрашный, несокрушимый народъ: національныя художественныя произведенія. Д-ръ Конъ говоритъ въ этой пьесѣ прежде, чѣмъ умереть: «Возможно, что я только потому нахожусь въ этомъ несчастномъ положеніи, что не всегда каждый отдѣльный еврей держалъ себя по-настоящему, что ненависть враговъ навязываетъ ему достоинство законнаго представителя цѣлаго рода. То, что сегодня столкнулось въ этой комнатѣ, были тысячелѣтнія старыя теченія міровой исторіи»...

Нельзя лучше обозначить могучее содержаніе этой сіонистской драмы. То, что происходитъ на пространствѣ ея дѣйствія, это — тысячелѣтнія старыя стремленія. Это полно исторіи и современности и такъ же захватывающе, какъ истина.

Милліоны ЕКО.

Когда спорять между собой честныя мнѣнія, имѣетъ мѣсто и великодушіе побѣжденныхъ. Если бываешь побѣжденъ лояльнымъ оружіемъ, сдаешься и даже уважаешь самого себя, протягивая руку болѣе счастливому въ борьбѣ противнику. Рукопожатіе послѣ дуэли есть, пожалуй, наиболѣе мужественное во всемъ поединкѣ. Къ сожалѣнію, у нашихъ еврейскихъ противниковъ мы часто не замѣчаемъ этого хорошаго побужденія.

Поводомъ къ этому разсужденію служитъ одно происшествіе послѣдняго времени. Въ еврейскихъ газетахъ другого направленія, чѣмъ наше, съ извѣстной преднамѣренностью сообщается, что милліоны такъ называемаго ЕКО также предоставлены въ распоряженіе колонизаціи Палестины. Посвященные знаютъ дѣйствительныя обстоятельства. Поэтому нужно себя спросить, почему эти вещи публикуются теперь и такъ нарочито? Какая цѣль преслѣдуется при этомъ?

Милліоны ЕКО (между 260 и 270 милліоновъ франковъ) должны показать, что Еврейскій Колоніальный Банкъ излишенъ. Если для этой цѣли имѣется уже столько денегъ, то зачѣмъ же нуженъ банкъ съ капиталомъ только въ пятьдесятъ мил-

ліоновъ франковъ? Отъ этого простого соображенія, что банкъ излишенъ, ибо денегъ уже есть достаточно, до заключенія, что сіонисты и всѣ еще имѣющіе довѣріе къ этому дѣлу, не должны подписываться на акціи — только одинъ шагъ. Этимъ столь нелюбимый уже теперь извѣстными еврейскими банковыми дѣятелями Еврейскій Колоніальный Банкъ можетъ быть счастливо похороненъ. Подписывающемуся внушается сомнѣніе, и онъ долженъ сказать себѣ: да, если тутъ и безъ того имѣются миллионы ЕКО, зачѣмъ же мнѣ еще давать на это фунтъ, десять или тысячу фунтовъ? Въ концѣ концовъ это только предлогъ для основанія еще одного такого банка, которыхъ и такъ много.

Такое разсужденіе будетъ, однако, покониться на недоразумѣніи. Мы хотимъ спокойно объяснить это. Наши противники опять оказали намъ услугу, несмотря на несомнѣнныя дурныя намѣренія. Мы, можетъ, никогда и не подумали бы сказать кое-что о томъ, что воспослѣдуетъ теперь, — настолько мы считали это само собой подразумевающимся.

Прежде всего нельзя упускать изъ виду различіе между деньгами благотворительности и деньгами банка. И тѣ, и другія текучи, какъ вода, но первыя неподвижны, вторыя же текутъ. Это та же разница, что между прудомъ и ручьемъ. Вода пруда не заставитъ двигаться мельницу, вода ручья сдѣлаетъ это. Этотъ образъ вполне замѣнитъ намъ перечисленіе всѣхъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ

разнятся между собой банкъ и пожертвованный капиталъ. Существованіе пруда не дѣлаетъ, вѣдь, излишнимъ и ручья.

Да, но чьи же мельницы должны быть приведены въ движеніе? Развѣ мельницы основателей Банка? Это грязное подозрѣніе ни на одну минуту не можетъ удержаться, если прочесть статуты и проспектъ Еврейскаго Колоніальнаго Банка. Первое и неизмѣнное положеніе — это то, что основатели или владѣльцы учредительскихъ акцій не могутъ имѣть никакихъ имущественныхъ предпочтеній. Никогда еще ни одинъ банкъ не былъ созданъ съ такими условіями. И мы, которые хотимъ доставить еврейскому имени новый почетъ, ставимъ по-этому прилагательное «еврейскій» съ особенной радостью во главѣ предпріятія, которое является для насъ политическимъ. Да, мы утверждаемъ, что это учрежденіе не то, къ которому финансовый міръ приучилъ свѣтъ. Если банковые дѣятели объединяются для какого-нибудь предпріятія и ставятъ подъ проспектомъ свои подписи, то они сейчасъ же получаютъ за это плату. Если не смотрѣть на это дѣло сквозь розовые и въ золото оправленные очки профессиональных защитниковъ, то надо охарактеризовать его такъ: финансисты заставляютъ себя оплачивать за свои подписи изъ тѣхъ денегъ, которыя должны быть доставлены подпиской. Они продаютъ, значить, свой кредитъ у публики той же публикѣ, которая не умѣетъ видѣть этой сдѣлки. Объ этомъ можно было бы сказать еще очень много, но мы не хотимъ дольше остано-

вливаться на этомъ. Констатируемъ только, что учредители Еврейскаго Колоніальнаго Банка не оплачиваются за свои подписи подъ проспектомъ, но что они, напротивъ, платятъ за это. Всѣ они, какъ они подписаны, одинъ за другимъ, почли за часть и удовольствіе присоединить къ значительнымъ денежнымъ затратамъ при основаніи Банка и свое *à fonds perdu*, и совершенно исключено, что они изъ этой затраты получаютъ когда-либо что-нибудь для себя. Только въ той мѣрѣ, какъ они, подобно другимъ акціонерамъ, подпишутся на акціи, они смогутъ получить и получаютъ законные дивиденды. И въ то время, какъ финансисты несомнѣнно извлекаютъ непосредственную пользу изъ своихъ подписей на проспектахъ, сами же не держать выпускаемыхъ бумагъ и объ этомъ фактѣ умалчиваютъ, — не оплаченные учредители Еврейскаго Колоніальнаго Банка сами пріобрѣли акціи — нѣкоторые до двухъ тысячъ штукъ — и сдѣлали это употребленіе своихъ денегъ извѣстнымъ въ очень приличной формѣ. Это опубликованіе воспослѣдовало для того, чтобы въ случаѣ значительнаго искусственнаго повышенія учредителямъ банка нельзя было сдѣлать упрека, что они, зная детальнѣе обстоятельства, извлекли изъ этого преимущество, недоступное всякому другому. Съ другой же стороны должно было быть показано, что то довѣріе къ популярному предпріятію, которое они предполагаютъ въ другихъ, они чувствуютъ и сами. Не будетъ вредно, если ясно освѣтимъ эту разницу въ способѣ и образѣ дѣйствій именно въ

ту минуту, когда мы какъ будто блуждаемъ по пути финансистовъ.

Нѣкоторыя части нашей всѣмъ знакомой задачи могутъ быть разрѣшены деньгами. Но это ошибка маленькихъ людей думать, что этого достаточно. А многіе остаются маленькими даже на горѣ изъ денежныхъ мѣшковъ. «Практичные» люди, которые не хотятъ, или не могутъ этого понять своими недостаточными мозгами, совершаютъ ту ошибку, что разрѣшаютъ дѣло ариѳметически. Если поселеніе одной семьи обходится въ 5243 фр. и $27\frac{1}{2}$ сантимовъ, то во что обойдется переселеніе 17,626 семействъ? Къ этому прибавляется еще масса условій, безпрестанно занимающихъ ограниченную проницательность. У этихъ 17,626 семействъ имѣется, по меньшей мѣрѣ, 17,626 различныхъ условій. Сколько дунамовъ земли, сколько сѣмянъ или лозъ, сколько лошадей, ословъ, коровъ и быковъ понадобится имъ? Но такъ по-дѣтски нельзя рѣшать этого примѣра.

Если бъ въ такой формѣ хотѣть высчитать, сколько денегъ потребуется для переселенія еврейскаго народа, можно было бы придти къ фантастичнѣйшему итогу. Во всякомъ случаѣ, для этого не хватило бы ни акціонернаго капитала Еврейскаго Колоніальнаго Банка, ни состоянія ЕКО, ни денегъ всѣхъ многочисленныхъ колонизаціонныхъ обществъ, ни всѣхъ денежныхъ бароновъ.

Дѣйствительное переселеніе еврейскихъ массъ, стремящихся къ этому, на той почвѣ, какъ они этого хотятъ, надо оцѣнить во много милліардовъ.

«Практичные» счетчики со своими тлупокомысленнѣйшими улыбкамп скажутъ, что эти милліарды должны сначала быть выложены на столъ такъ же безспорно, какъ, напрымѣръ, три съ половиной сотни милліоновъ ЕКО. И люди съ такимъ горизонтомъ хотятъ имѣть вліяніе на такое огромное народное дѣло! Развѣ имъ совершенно не дано понять самыя примитивныя явленія въ народномъ хозяйствѣ? Нѣтъ столько денегъ, чтобъ транспортировать и поселить цѣлый народъ. Напротивъ, для этого достаточно одной простой всеобщей мысли, таковой, какъ наша народная. Не знаю, приходили ли къ богатому мыслями барону Гиршу или Эдмонду Ротшильду когда-нибудь, какъ ко мнѣ, люди, заявлявшіе себя обладателями большихъ или меньшихъ состояній и спрашивавшіе совѣта, какъ имъ переселиться «туда». Между ними были люди, имѣвшіе до двухсотъ тысячъ франковъ и болѣе; приходили и группы, каждый членъ который долженъ былъ располагать десятио тысячами рублей. Въ такихъ случаяхъ «практичные люди» не могутъ сдѣлать ничего, ибо рѣчь идетъ уже не объ упряжкѣ быковъ, которой они только и занимались. Но эти поселенцы на собственный страхъ и рискъ хотятъ зато законныхъ гарантій, доставленіе которыхъ мы, «политики», сдѣлали своей задачей. Мы не стоимъ при этомъ съ благосклонной миной и оказываемъ благодаренія парѣ семействъ, благодаренія, ограничивающіяся только помощью случайно удостоеннымъ, оставляя при этомъ въ прежней ихъ нуждѣ ихъ родныхъ и близкихъ. Мы смотримъ

на себя, какъ на добровольныхъ и бесплатныхъ слугъ всего народа, которому мы хотимъ подготовить новыя условія существованія. Потому наша арифметическая формула совершенно не та, и кто поумѣетъ опровергнуть ея правильность? А именно, мы говоримъ: «нужно столько денегъ, сколько людей придетъ». «Практичные» же люди говорятъ наоборотъ: можетъ придти только столько людей, сколько есть въ наличности денегъ для ихъ переселенія.

По нашему разсчету, имѣющей быть истраченнымъ на устройство капиталъ стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ числомъ переселенцевъ. Для малаго количества переселенцевъ — мало, для большаго — много денегъ.

Развитіе этого дѣла должно быть естественнымъ, органическимъ. Развѣ наши противники никогда не слышали объ исторіи великихъ переселеній? Отъ элическаго времени великаго переселенія народовъ до нашихъ трансваальскихъ дней основная черта одна и та же. Переоеленца отрываетъ отъ почвы экономическая или моральная нужда въ одиночку или цѣлыми массами. Онъ ищетъ другаго клочка земли и осядетъ тамъ, гдѣ ему предложены лучшія условія, гдѣ онъ найдетъ работу и безопасность для своего имущества, гдѣ найдется больше свободы, права и почета, чѣмъ въ покинутой имъ странѣ. Мы поэтому не видимъ нашей задачи въ переселеніи людей. Наша задача слѣдующая: создать для нихъ тамъ лучшія условія. Тогда пусть приходитъ всякій, кто захочетъ. Пусть

приходить тотъ, кто ищетъ работы и безопасности для своего имущества, кто хочетъ наслаждаться немного большей свободой, правомъ и почетомъ, чѣмъ онъ имѣетъ теперь.

Банкъ же будетъ оказывать финансовыя услуги турецкому правительству, постольку и насколько оно представитъ за это равноцѣнность въ формѣ достаточныхъ правовыхъ уступокъ для переселенцевъ.

Введеніе въ дѣло рабочей силы и соотвѣтствующаго основнаго капитала должно развертываться постепенно, направляемое Колоніальнымъ Банкомъ, и, во всякомъ случаѣ, не пренебрегая помощью колонизаціонныхъ обществъ, обладающихъ милліонами.

Таковъ весь планъ, который исполнѣ ясенъ и практиченъ.

Но вокругъ Банка создалось уже столько сказокъ, что приходится опровергать и всякое глупое представленіе, хотя уже само опроверженіе дѣйствуетъ комично.

Акціонерный капиталъ Банка никоимъ образомъ не будетъ распредѣленъ между колонистами, также, какъ онъ и не предназначенъ потечь въ турецкое казначейство. Это учрежденіе должно только доставлять самыя лучшія условія для займовъ и для способствованія развитію предпріятій сельско-хозяйственныхъ, техническихъ, коммерческихъ. Вотъ мельницы, которыя должны приводить въ движеніе нашъ ручей. Что самая широко практикуемая благотворительность не исклю-

чаетъ экономической помощи Банка, можно видѣть изъ примѣра, сообщеннаго намъ на дняхъ изъ Палестины.

Поселенные тамъ при помощи благотворительности колонисты страдаютъ отъ тяжелыхъ условий кредита. Проценты доходятъ отъ 24 до 30 на сто въ годъ. Банкъ, который войдетъ въ эти обстоятельства, конечно, является потребностью, и тѣмъ большей, чѣмъ больше денегъ имѣется для практической колонизаціи.

Если колонизаціонныя общества не захотятъ употребить свои суммы въ томъ направленіи, которое соотвѣтствуетъ желаніямъ народа, то этотъ Банкъ является необходимостью, именно, какъ замѣна. Если же различныя большія и маленькія ЕКО пойдутъ по тому же направленію, то и тогда Банкъ необходимость, и именно, какъ дополненіе.

Аргументація нашихъ противниковъ обращается противъ нихъ же самихъ. Чѣмъ больше милліоновъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи колонизаціонныя общества, тѣмъ необходимѣе становится Банкъ для колонизаціи въ большемъ размѣрѣ.

Кто этого не пойметъ?

Сіонизмъ.

У насъ состоялся въ этомъ году въ Базелѣ третій сіонистскій конгрессъ. Въ городѣ на берегу юнаго Рейна собралось около тысячи двухсотъ группъ изъ всего міра, представленныхъ своими делегатами. Большая часть изъ насъ обладала множественными мандатами, въ среднемъ каждый представлялъ пять избирательныхъ округовъ. Для непосвященныхъ еще въ наше движеніе замѣчу, что право выбора покоится на взносѣ шекелей. «Шекель» старый еврейскій денежный знакъ; это сумма приблизительно въ одинъ франкъ и вносится она на расходы по агитаціи.

Присутствовали делегаты изъ всѣхъ частей свѣта. Самыми отдаленными были оба делегата изъ Трансвааля. Болѣе виднымъ, чѣмъ въ первые годы, было и представительство отъ Сѣверной Америки. Горскіе евреи съ Кавказа, численностью въ нѣсколько тысячъ, послали на конгрессъ своего собственнаго делегата съ воодушевленнымъ адресомъ. Только для того, чтобы дать бѣглое представленіе о размѣрахъ нашего движенія, я упоминаю о томъ, что я получилъ мандаты отъ избирательныхъ округовъ въ Аргентинѣ и Египтѣ. Я имѣлъ также счастье предсѣдательствовать на конгрессѣ.

И въ то время, какъ я съ возвышенія руководилъ занятіями еврейскаго національнаго собранія, мои мысли, побужденныя къ этому словами одного оратора, вернулись назадъ, къ началу нашего движенія, которое еще юно, но уже могуче. Конечно, это было дерзновеніе, когда мои друзья и я созвали въ 1897 г. первый конгрессъ. Мы подвергались страшному риску, который могъ бы испугать всякаго мужественнаго человѣка: риску быть смѣшными. Со времени Сигнедріона, созваннаго Наполеономъ I въ 1806 г., да и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такой попытки еще не было сдѣлано. За девяносто лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, способность евреевъ къ національнымъ собраніямъ значительно уменьшилась. Надо согласиться, что еврейская нація, несмотря на безмѣрные преслѣдованія или, возможно, благодаря имъ, сохранилась до конца восемнадцатаго вѣка разбросанной, но не сломленной. Около этого времени еврейскій народъ, пережившій столь долгое время разрушеніе своего государства, перенесъ два потрясенія, — одно внутри, другое извнѣ. Толчокъ внутри былъ данъ ему Мозесомъ Мендельсономъ, толчокъ извнѣ — французской революціей. Благородный прусскій философъ, другъ Лессинга, хотѣлъ оставить еврейство существовать только, какъ религіозное исповѣданіе, а великая французская революція дала и бѣднымъ евреямъ человѣческія права.

Еврейская эмансипація была затѣмъ проведена и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Эмансипація взрыхлила почву, на которой потомъ велико-

лѣтно возшелъ посѣвъ Мендельсона. И чего не могли сдѣлать убійства, погромы, гоненія изъ страны въ страну, костры, присужденіе къ опалѣ въ ужасные вѣка — то произошло отъ одного только солнечнаго взгляда любви: народное сознаніе евреевъ исчезло. Что такое нація? Историческая группа людей, — людей, видимо, связанныхъ другъ съ другомъ, которыхъ объединяетъ общій врагъ. Если бѣ евреи, какъ этого хотѣлъ Мендельсонъ, встрѣчались только за богослуженіемъ, а во всемъ остальномъ примѣнялись къ народу, среди котораго они жили, то они были бы не болѣе родственны между собой, чѣмъ различные народы христіанскаго исповѣданія. Исторія группы должна была бы быть окончена, ея связанность другъ съ другомъ должна была стать незамѣтной, и эмансипація должна была освободить ее отъ внѣшнихъ враговъ. Но врагъ является желѣзнымъ обручомъ, сковывающимъ націю. Это звучитъ, какъ тавтологія, какъ вздорный трюизмъ, если сказать: націи будутъ существовать такъ долго, покуда онѣ враждебны другъ другу. Но такова истина. Путь къ всечеловѣчеству еще далекъ, если не безнадеженъ. И мы хотимъ вступить на него, но другимъ образомъ, чѣмъ дѣлалъ это великодушный Мендельсонъ. Мы не хотимъ отказаться отъ собственной національности, но возвращать ее, и именно не агрессивно, а оборонительно. Къ этому мы хотимъ еще питать дружжелюбныя чувства къ другимъ народамъ и способствовать тому, чтобъ смягчать раздоры, которые происходятъ между ними. Къ этому дѣлу еврейскій

народъ, быть можетъ, особенно приспособленъ, ибо онъ былъ такъ долго разсѣянъ среди народовъ.

Таково идеальное основаніе нашего сіонизма. Конечно, мы нашли его не только изъ чистаго идеализма. Правда о томъ, какъ мы добрались до него, къ сожалѣнію, не столь славна, но мы спокойно сознаемся въ этомъ. Мы были къ этому приведены новымъ врагомъ, напавшимъ на насъ, когда мы были уже почти растворены, — антисемитизмомъ. Я помню еще, какое впечатлѣніе произвело на меня, когда я въ 1882 году двадцатидвухлѣтнимъ юношей прочелъ книгу Дюринга о еврейскомъ вопросѣ, книгу столь же полную ненависти, сколько и ума. Мнѣ кажется, я до этого не зналъ уже почти, что я еврей. Книга Дюринга подѣйствовала на меня такъ, точно я получилъ ударъ по головѣ. И такъ произошло, вѣроятно, не съ однимъ западнымъ евреемъ, уже совершенно забывшимъ о своей народности: антисемиты вновь разбудили его въ немъ. Конечно, отъ этого потрясенія до извѣстнаго рѣшенія, которое выражается въ теперешнемъ сіонистскомъ движеніи, было еще очень далеко. Я со своей стороны употребилъ на это двѣнадцать или тринадцать лѣтъ; прошу извинить меня, если я расскажу объ этомъ. Я, быть можетъ, долженъ одѣлать это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что мы все человѣческое надежнѣе всего изучаемъ на самихъ себѣ, а во-вторыхъ, потому что здѣсь имѣется кусочекъ современности. Сіонистомъ сдѣлалъ меня процессъ Дрейфуса. Не теперешній въ Реннѣ, а первоначальный въ Парижѣ, свидѣтелемъ котораго

я былъ въ 1894 г. Я жилъ тогда въ Парижѣ въ качествѣ корреспондента газеты и присутствовалъ на засѣданіяхъ военнаго суда, пока они не были объявлены закрытыми. Я вижу еще передъ собой обвиняемаго, входящаго въ залъ въ своей темной, обшитой шнурами, артиллерійской формѣ, я слышу, какъ онъ дастъ свое показаніе: «Альфредъ Дрейфусъ, капитанъ артиллеріи» изысканнымъ носовымъ голосомъ. Также и крикъ ярости толпы на улицѣ передъ Ecole Militaire, гдѣ онъ былъ разжалованъ, еще звучитъ незабываемо въ моихъ ушахъ: «A mort, á mort les juifs». Смерть всѣмъ евреямъ, потому что одинъ этотъ былъ измѣнникомъ. Но былъ ли онъ дѣйствительно измѣнникомъ? У меня былъ тогда разговоръ съ однимъ военнымъ атташе, о которомъ такъ много упоминаютъ въ послѣднее время. Полковникъ зналъ объ этомъ дѣлѣ не болѣе того, что писалось въ газетахъ, но онъ все же вѣрилъ въ вину Дрейфуса, ибо ему казалось невозможнымъ, чтобы семь офицеровъ осудили товарища безъ отягчающихъ доказательствъ. Я же вѣрилъ въ его невинность, ибо считалъ еврея-офицера неспособнымъ на измѣну отечеству. Не потому, чтобъ я вообще считалъ евреевъ лучшими, чѣмъ другіе люди. Но именно при особыхъ обстоятельствахъ капитана Дрейфуса, который на меня лично не произвелъ даже симпатичнаго впечатлѣнія, эта вещь казалась мнѣ невозможной. Еврей, который въ качествѣ офицера генеральнаго штаба имѣетъ передъ собой дорогу чести, не можетъ совершить подобнаго преступленія, сказалъ я полковнику. Въ

болѣе низкомъ слоѣ общества я сталъ бы отрицать эту возможность у евреевъ такъ же мало, какъ и у христіанъ. У Альфреда же Дрейфуса тутъ была психологическая невозможность. Состоятельный человѣкъ, избравшій эту карьеру только изъ честолюбія, не могъ совершить именно этого позорнѣйшаго преступленія. Евреи вслѣдствіе столь долгаго лишенія гражданскаго почета обладаютъ часто болѣзненной жаждой почета, а еврейскій офицеръ въ этомъ отношеніи еврей въ повышенной степени. Мое тогдашнее разсужденіе раздѣляли тогда всѣ единоплеменники съ самаго начала дѣла. Именно потому, что намъ сама собой ясна была эта психологическая невозможность, евреи повсюду предчувствовали невинность Дрейфуса еще до того, какъ начался памятный походъ за истину. Изъ этого настроенія евреевъ были сдѣланы самые неблагопріятные выводы о нашей солидарности во всемъ, даже въ наихудшихъ вещахъ. Я, конечно, не отрицаюсь отъ національной солидарности евреевъ, но въ этомъ случаѣ было кое-что другое. Евреи, просто, были первыми, которые поняли судебную ошибку, ибо преступленіе казалось имъ невозможнымъ и потому, что имъ приходилось въ продолженіе столѣтій оплакивать безчисленныя жертвы ложныхъ обвиненій. Но слѣдуетъ остерегаться сантиментальнаго или мелодраматическаго толкованія дѣла Дрейфуса. Это болѣе чѣмъ абстрактное происшествіе, хотя оно и связано съ мучимымъ и содрогающимся человѣкомъ. Можно сказать, что судьба бѣднаго капитана есть только для болѣе прубаго воспріятія

служащая иллюстрація того движенія умовъ, которое разыгрывается въ странѣ французовъ. Для наблюдателя-философа рѣчь давно уже идетъ не о винѣ или невинности еврейскаго артиллерійскаго офицера. Вопросъ о судебной ошибкѣ заслуживаетъ всеобщаго интереса, но мы не должны принять по отношенію къ ней другого положенія, какъ если бъ дѣло шло о страдающемъ членѣ другого народа.

Какъ долго люди будутъ судить, такъ долго будутъ существовать и судебныя ошибки, и справедливые люди всѣхъ націй и религій сойдутся на желаніи исправить ихъ. Но дѣло Дрейфуса заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ судебную ошибку; оно заключаетъ въ себѣ желаніе огромнаго большинства Франціи осудить еврея, и въ немъ осудить всѣхъ евреевъ. Смерть евреямъ! — рычала толпа, когда у кашигана срывали съ мундира шитье. И съ тѣхъ поръ это «долой евреевъ» стало военнымъ кличемъ. И гдѣ? Во Франціи, въ республиканской, современной, цивилизованной Франціи, сто лѣтъ спустя послѣ деклараціи правъ человѣка! Дѣло Дрейфуса въ исторіи можетъ быть только сравниваемо съ отмѣной нантскаго эдикта. И послѣдній явился только послѣ долгаго промежутка времени. Больше девяносто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ IV издалъ этотъ эдиктъ, когда Людовикъ XIV отнялъ у гугенотовъ свободу. Правда, государство теперь уже больше не собственность короля-солнца; государство совпадаетъ съ волей народа, но выводъ тотъ же. Народъ, по крайней мѣрѣ,

большая часть его, не желаетъ больше человѣческихъ правъ для евреевъ. Эдиктъ великой революціи отмѣняется.

И вотъ мы дошли до нашей цѣли, до историческаго нравоученія, которое человѣкъ безъ предубѣжденій долженъ извлечь изъ дѣла Дрейфуса. До сихъ поръ многіе изъ насъ думали, что рѣшенія еврейскаго вопроса надо ожидать отъ постепеннаго развитія человѣчества въ сторону терпимости. Но если во всемъ остальномъ прогрессирующій, несомнѣнно высокоцивилизованный народъ могъ попасть на этотъ путь, что же ожидать отъ другихъ народовъ, которые еще и нынѣ не на той высотѣ, на какой французы стояли сто лѣтъ назадъ?

Для евреевъ нѣтъ другой помощи и спасенія, кромѣ возвращенія къ своей націи и поселенія на своей собственной землѣ. Это писалъ я въ своей книгѣ «Der Judenstaat» въ 1895 г. подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ процесса Дрейфуса. Когда я пришелъ къ этимъ выводамъ, я былъ еще чужой моему народу. Зналъ я мало о положеніи нашихъ бѣдныхъ массъ и ничего о новѣйшихъ движеніяхъ въ еврействѣ. Только благодаря моему произведенію, попалъ я въ этотъ кругъ, узналъ о тѣхъ людяхъ, которые задолго или незадолго до меня писали о томъ же. Кто знаетъ, осмѣлился ли бы я написать свою книгу, если бъ мнѣ были извѣстны болѣе значительныя работы нѣмца Гесса и русскаго Пинскера. Когда я рискнулъ на это, я считалъ себя одинокомъ, выпускающимъ старій и совершенно забытый призывъ.

А между тѣмъ, сіонизмъ уже былъ налицо и раньше. Онъ существовалъ въ мысляхъ, словѣ и дѣйствіяхъ. Что такое сіонизмъ? Стремленіе создать правоохраненное убѣжище для еврейскаго народа въ Палестинѣ (Базельская программа, 1897 г.). Желаніе вернуться на историческую родину въ дѣйствительности дремало въ народной душѣ уже съ самаго разрушенія нашего царства. Страстный кличъ «Черезъ годъ въ Іерусалимъ» передавался изъ одного поколѣнія въ другое, и только въ послѣднія десятилѣтія народнаго упадка у многихъ раввиновъ стало обычнымъ безвкусное толкованіе, что «Іерусалимъ» въ этой фразѣ долженъ, собственно, обозначать собой Лондонъ, Берлинъ или Чикаго.. Если такъ толковать еврейскія преданія, то, конечно, отъ еврейства не останется ничего больше, кромѣ ежегоднаго жалованья, которое получаютъ эти посюда. Но противъ этихъ приспособляющихся и неискреннихъ комментаторовъ возникло въ послѣднія двадцать лѣтъ подѣ давленіемъ антисемитизма болѣе бодрое поколѣніе. Идеи Гесса, мужественныя предложенія Пинскера, Рюльфа, Бирнбаума и другихъ много способствовали воспитанію нашей молодежи на Востокъ. Послѣдніе еврейскіе погромы въ Россіи и Румыніи внушили единичнымъ богатымъ благотворителямъ мысль, что надо что-нибудь сдѣлать для вспугнутой толпы несчастныхъ единоплеменниковъ. Баронъ Гиршъ пытался поселить безпріютныхъ въ Аргентинѣ, баронъ Эдмундъ Ротшильдъ предпринялъ то же самое въ Палестинѣ. Кромѣ того, въ различныхъ городахъ

образовались колонизаціонные кружки; ихъ называютъ красивымъ общимъ именемъ Choveve-Zion — любящіе Сіонъ. Въ Англіи ихъ вожакомъ былъ полковникъ Гольдсмитъ. Но эти разрозненные, независимо другъ отъ друга и нелланомѣрно работающія группы не могли достигнуть цѣли, хотя и дали очень важное, для нашей исключительной дѣятельности необходимое доказательство: а именно, что евреи способны къ сельскому хозяйству. Еврей хочетъ удобрить почву своимъ потомъ и кровью — во всякомъ случаѣ одну почву, — почву Палестины. Баронъ Гиршъ упустилъ изъ виду этотъ идеальный моментъ, поэтому его предпріятіе въ Аргентинѣ не удалось, и, какъ уже было упомянуто раньше, его колонисты посылаютъ делегатовъ на конгрессъ. Попытки же въ Палестинѣ удалась. Тамъ въ цвѣтушихъ колоніяхъ есть евреи-земледѣльцы. Къ сожалѣнію, ихъ немного, и любящіе Сіонъ не могутъ туда переселяться, такъ какъ страна принадлежитъ турецкому правительству, которое стало относиться подозрительно къ болѣе значительному переселенію евреевъ и, наконецъ, въ 1891 г. закрыло границу.

Когда мои друзья и я узнали объ этомъ положеніи вещей, мы рѣшили начать работать въ двухъ направленіяхъ. Сначала мы хотѣли объединить всѣ разрозненные стремленія въ одну и возвѣстить объ этомъ міру. Во-вторыхъ, хотѣли мы вступить съ турецкимъ правительствомъ въ лояльные переговоры, чтобъ добиться правовыхъ гарантій для массовой колонизаціи. Ибо ясно, что ничего не было бы сдѣлано, если бы колонисты были предоставлены

произволу низшихъ чиновъ управленія и послѣ короткаго отдыха, послѣ героической работы, могли бы, пожалуй, опять быть прогнаны оттуда.

Эти соображенія привели насъ къ тому, чтобъ въ 1897 году созвать въ Базель первый сіонистскій конгрессъ. Успѣхъ былъ поразителенъ. Не знаю, сколько судьба разрѣшитъ мнѣ еще увидѣть изъ осуществленія нашей идеи, буду ли я при томъ, какъ еврейскій народъ начнетъ дѣлать страну нашихъ отцовъ обработанной и здоровой, начнетъ строить дорожки, гавани, желѣзнодорожные пути, каналы, водопроводы, дома, прекрасные города и храмъ. Но я знаю одно, что я въ то августовское воскресенье 1897 г. въ Базель пережилъ нѣчто великое, величайшее, быть можетъ, изъ всего, что можетъ дать все движеніе. Еврейскій народъ вновь обрѣлъ себя въ этотъ день. Двѣсти представителей кружковъ со всего міра собрались въ Базель, и объявили, рыдая и ликуя, что еврейскій народъ все еще существуетъ, что этотъ народъ не погибъ и не хочетъ погибнуть. Это главное. Разъ имѣется налицо народное самосознаніе и народная воля, тогда стоитъ только найти благоразумные пути и средства для выполненія. Народъ неистощимъ въ своихъ силахъ такъ же, какъ онъ неограниченъ временными границами индивидуума. Конечно, выполненіе дѣла не должно быть понапрасну затягиваемо, иначе самыя опредѣленныя стремленія станутъ блѣдными и недѣйствительными мечтами. Итакъ, мы не задержались чрезмѣрно на сантиментальностяхъ свиданія и постарались пойти впередъ.

Позднѣе, когда мы сами или другіе станутъ писать исторію этого движенія, на отдаленіи, все будетъ, конечно, казаться иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Многое, надъ чѣмъ мы отъ напряженія почти истекали кровью, покажется легкой работой, а другое опять-таки, что намъ досталось легко, какъ даръ, покажется плодомъ великолѣпныхъ усилій.

Недѣли и мѣсяцы должны были мы мучиться надъ малыми до смѣшного препятствіями, а потомъ мы пролетали, точно на воздушномъ кораблѣ, надъ цѣлой горой. Мы должны были при этомъ бороться съ тайной враждой, въ существованіе которой никто не повѣрилъ бы, такъ она противоестественно. Но мы при этомъ имѣли и имѣемъ тайныхъ друзей и покровителей, въ существованіе которыхъ также никто не повѣрилъ бы. Среди нихъ есть одинъ, которому сіонистское движеніе безконечно обязано, мудрый, добрый, очень высоко стоящій человѣкъ, не желающій, однако, чтобы его имя было названо. И точно такъ существуетъ еще многое, и какъ разъ самое лучшее, что нельзя высказать, если принимаешь отвѣтственное участіе въ подобномъ движеніи.

Логическій ходъ нашей задачи требуетъ, чтобы мы разъясняли правительствамъ и общественному мнѣнію наше дѣло. Это происходитъ различнымъ путемъ. Еврейскій вопросъ имѣется вѣдь въ большей или меньшей степени въ каждой странѣ. Въ этомъ дѣлѣ заинтересованы и Соединенные Штаты, и именно Нью-Йоркъ со своимъ внезапно возрос-

шимъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ населеніемъ евреевъ-пролетаріевъ. Для Соединенныхъ Штатовъ сіонистскій исходъ обозначаетъ отклоненіе, вѣроятно, нежелательной иммиграціи. Въ восточно-европейскихъ массовыхъ пристанищахъ нищеты ютятся еще милліоны евреевъ, которые въ противномъ случаѣ направятся за океанъ, своимъ голодомъ понизятъ тамошнюю рабочую плату и ринутся вообще съ мужествомъ отчаянія въ экономическую борьбу. Можно, конечно, защитить себя отъ этого притока затрудненіями при высадкѣ и тому подобнымъ, не немного, не совсѣмъ. Но болѣе похвально и болѣе по-американски будетъ, если самый свободный народъ на землѣ поддержитъ стремленія къ свободѣ еврейскаго народа и, вмѣсто того, чтобы затруднять ему путь въ Америку, постарается облегчить ему путь въ Сіонъ. Къ голосу Соединенныхъ Штатовъ прислушиваются и въ Европѣ, и на Востокѣ.

Тому, кто знакомъ съ нынѣшнимъ политическимъ движеніемъ, было съ самаго начала ясно, что мы должны были постараться овладѣть благоволеніемъ къ нашему движенію могущественнаго нѣмецкаго императора. Я съ перваго же дня нисколько не сомнѣвался, что это удастся. Все, что я зналъ о геніальной личности Вильгельма II, позволяло мнѣ съ опредѣленностью ожидать, что мы въ немъ найдемъ понимающаго и оказывающаго помощь. Маленькимъ людямъ, торгашескимъ душамъ, политикамъ съ ограниченнымъ кругозоромъ, нашъ планъ могъ показаться слишкомъ гигантскимъ, а потому невыполнимымъ. Но не ему!

Этотъ замѣчательный монархъ еще не виденъ во всю свою величину. Злорѣчивая оппозиція искажаетъ поразительныя иногда изъясненія могучаго высокаго ума. Но кто можетъ отрицать, что онъ ведетъ своеобразную великолѣпную политику, что онъ расширяетъ и укрѣпляетъ условія жизни молодой германской имперіи и что онъ при всей смѣлости своихъ концепцій поступаетъ съ мудрѣйшей осмотрительностью. Мнѣ рассказывали какъ-то, что у него есть привычка отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ при помощи записокъ, провѣряя, соотвѣтствуетъ ли то, что онъ хочетъ сдѣлать, тѣмъ принципамъ, которые онъ составилъ себѣ еще принцемъ для управленія государствомъ. Не знаю, обстоитъ ли это совершенно такъ, но на него это похоже.

Мнѣ не неизвѣстно, что въ Америкѣ кое-гдѣ въ послѣднее время господствовало не особенно хорошее настроеніе по отношенію къ Вильгельму II.

Тѣмъ не менѣе, да будетъ мнѣ разрѣшено разсказать о томъ впечатлѣніи, которое производитъ императоръ вблизи. Незабвенной останется для меня именно бесѣда въ Константинополѣ. Въ продолженіе одного часа были затронуты всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ сionизму. Его Величество велъ разговоръ въ чрезвычайно располагающемъ простомъ и живомъ тонѣ, и я могу только сказать, хотя бы это и звучало, пожалуй, по-придворному, что я былъ преисполненъ изумленія передъ богатствомъ его познаній и поистину всеобъемлющимъ пониманіемъ вещей. Отъ этого монарха можно

еще ожидать много великаго. Время покажетъ, было ли мое сужденіе ошибочно или чрезмѣрно. Нѣсколько недѣль спустя я представилъ императору въ шатрахъ Іерусалима сіонистскую депутацію, привезенную мной туда, въ торжественной аудіенціи. На мою офиціальную рѣчь Его Величество отвѣтилъ, что онъ удѣляетъ сіонизму свое благосклонное вниманіе.

Во время этого путешествія мы впервые узнали Палестину собственными глазами. Мы были очень растроганы, когда въ одно солнечное утро передъ нашимъ кораблемъ встали блѣдные берега страны. Этотъ мигъ относится къ тѣмъ моментамъ высшей поэзіи, которые бываютъ не часто и въ очень богатой жизни. Были еще и другіе волнующіе и трогательные моменты, какъ, напримѣръ, прибытіе лунной ночью въ святой городъ Іерусалимъ. Передъ нами встали въ небѣ серебряной дымкой окутанныя очертанія старыхъ стѣнъ. И сразу стало понятно, что, кромѣ мистическаго стремленія, въ старыхъ молитвахъ сиреевъ о возвращеніи въ Іерусалимъ было еще и земное желаніе. Это былъ прекрасный городъ, высоко и гордо лежащій въ горахъ. А когда мы позднѣе стояли днемъ на Масличной горѣ, видя подъ собой всю панораму города такъ, какъ видишь съ Джіаникуло Римъ, тогда мы сказали себѣ въ душѣ, что Іерусалимъ еще тоже можетъ стать величественнымъ и прекраснымъ въ тѣ времена, которыя мы подготовляемъ.

Теперь страна бѣдна и заброшена, склоны холмовъ обезлѣсены, мѣста съ громко звучащими име-

нами печально лежатъ въ развалинахъ, поля не воздѣланы. Святая земля превратилась въ пустыню. Но есть и оазы. Эти оазы наши еврейскія колоніи. Сіонизмъ, эта мечта, эта утопія, вызвалъ уже къ жизни видимыя, осязательныя деревни и насажденія. Въ нарядныхъ домикахъ живутъ правовѣрные еврейскіе земледѣльцы, которые съ радостью обрабатываютъ любимую землю. И надо было видѣть этихъ двадцать парней изъ Реховота, которые взвились намъ навстрѣчу на арабскихъ коняхъ, когда мы явились посѣтить ихъ колонію. Самыя рискованныя наѣздническія штуки показывали они на своихъ скакунахъ, распѣвая при этомъ еврейскія пѣсни необыкновенной силы. Если могли возникнуть одна-двѣ дюжины такихъ деревень, то могутъ возникнуть еще сотни и тысячи поселеній. Кто можетъ сомнѣваться въ этомъ, разъ мы можемъ доставить человѣческія силы и матеріальныя средства.

Вопросъ только въ томъ, какъ мы создадимъ правовую почву для такого большого переселенія. Базельскіе конгрессы подробно занимались этимъ вопросомъ. На второмъ конгрессѣ было рѣшено основаніе Еврейскаго Колоніальнаго Банка, который долженъ служить финансовымъ орудіемъ нашего дѣла.

Воззваніе къ подпискѣ на акціи подписали политическіе вожди движенія, которые никогда не имѣли ничего общаго съ дѣлами, и, вообще, никто изъ основателей этого предпріятія не хочетъ и не можетъ имѣть никакого денежнаго преимущества. Сто тысячъ подписавшихся объявилось во всѣхъ

частяхъ земли на нашъ зовъ, и мы могли третьему конгрессу сдѣлать сообщеніе о томъ, что Еврейскій Колоніальный Банкъ (The Jewish Colonial Trust) съ мѣстопробываніемъ въ Лондонѣ уже основанъ. Теперь же мы должны постараться добыть у турецкаго правительства чартеръ подъ суверенитетомъ Его Величества султана, чтобъ взяться за задуманное нами заселеніе страны. Это еще впереди. Мы надѣемся, что это намъ удастся, хотя предстоятъ такія еще огромныя затрудненія.

Мы въ состояніи направить въ Турцію потокъ богатства и благосостоянія; мы приведемъ съ собой въ страну мирныхъ рабочихъ и неутомимый предприимчивый духъ, мы доставимъ государству огромныя прямыя и косвенныя финансовыя выгоды. Почему намъ не предаться увѣренности, что наши разумныя и лояльныя предложенія черезъ всѣ препятствія, которыя я, конечно, не недооцѣниваю, приведутъ къ благополучному исходу.

Какъ только чартеръ будетъ добытъ, мы при помощи существующихъ опытныхъ колонизаціонныхъ кружковъ и, само собой, въ соглашеніи съ правительствами направимъ переселеніе по правильному пути.

Таковы новыя великія задачи, которыя ждутъ насъ, и для которыхъ мы теперь уже воспитываемъ штабъ рѣшительныхъ, образованныхъ и воодушевленныхъ людей. Всѣ эти юные юристы, медики, техники, которые занимаются теперь пропагандой идеи во всѣхъ странахъ, будутъ тогда призваны къ непосредственной работѣ.

Какъ это будетъ развиваться дальше? Такъ, какъ развивается все органическое. Изъ самого себя! Извлекая съ каждымъ днемъ изъ себя силы, необходимыя ему, и возрастая вмѣстѣ съ задачами, возрастая и все возрастая. Мы, юристы, стоящіе нынѣ во главѣ, частью или совершенно уступимъ руководство техникамъ, которые понадобятся завтра. Тамъ, на отмели Средиземнаго моря, которая составляетъ теперь преграду для сообщенія Европы съ Азіей, надо создать культурное дѣло, надо провести новые пути. Эта проблема при нашемъ теперешнемъ техническомъ господствѣ надъ силами природы не неразрѣшима. Я вѣрю въ это созданіе культуры, и вѣрю, что оно будетъ величественно.

Когда я подготовлялъ первый свой трудъ по этому вопросу и сообщилъ нѣкоторымъ изъ моихъ друзей объ этомъ намѣреніи, они сильно испугались, опасаясь, что я навсегда урою себя въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ людей. Но такъ какъ я не далъ отговорить себя, они посовѣтовали мнѣ представить мою идею, по крайней мѣрѣ, въ необязывающей и занимательной формѣ романа съ любовными приключеніями, исторіями отдѣльныхъ человѣческихъ участей и изображеніемъ будущаго положенія въ странѣ евреевъ. Это и согласовалось болѣе съ моей прежней дѣятельностью драматурга и фельетониста. Правда, я видѣлъ, что это было бы хорошимъ средствомъ для пропаганды идеи и избавляло меня отъ опасности осрамить себя навсегда. Но тогда изъ этого не вышло

бы дѣла. Объ этомъ говорили бы въ салонахъ и въ желѣзнодорожныхъ купэ, многіе смѣялись бы надъ прихотливой выдумкой, а многіе, пожалуй, потихоньку поплакали бы надъ книгой. Что было бы достигнуто этимъ? Еще одна сказка въ тысячѣ и одной ночи страданія. Нѣтъ, надо было, чтобъ насталъ день и дѣло. Встряхнуть слѣдовало намъ еврейскій народъ вмѣсто того, чтобъ убаякивать. И, дѣйствительно, онъ далъ себя встряхнуть, онъ протянулъ свои члены, онъ пришелъ въ движеніе, которое мы по его цѣли называемъ сіонизмомъ. И теперь, думается мнѣ, настало и время рассказать ему сказку о будущихъ временахъ. Это будетъ романъ и разыграется онъ отнынѣ черезъ двадцать лѣтъ. Я описываю въ немъ общество, учрежденія, которыя мы можемъ создать — не при помощи тѣхъ средствъ, которыя надо еще искать, а тѣхъ, которыми уже располагаетъ теперь наша культура. Мы достигли конца девятнадцатаго вѣка по Р. Х. Человѣчество обладаетъ уже многими орудіями счастья, но они примѣняются еще неправильно. Надо показать еще, сколько справедливости, добра и красоты можно доставить на землѣ, если этого захотѣть хорошенько.

Какъ поразительно время, въ которое мы живемъ! Легко и свободно стало сообщеніе между народами. Разстоянія уже почти уничтожены. Военныя державы начинаютъ совѣщаться о вѣчномъ мирѣ. Все болѣе и болѣе дѣль обсуждаются въ интернаціональныхъ собраніяхъ. Для

науки и искусства нѣтъ болѣе границъ. Великіе писатели и философы создаютъ свои произведенія для всего міра. Общественное мнѣніе не ограничено теперь болѣе однимъ мѣстомъ, однимъ городомъ, или одной страной. Несчастье, происшедшее здѣсь, можетъ черезъ часъ стать извѣстнымъ нашимъ антиподамъ и возбудить въ нихъ участіе. Открытіе, полезное для человѣчества, возвѣщается ста тысячами герольдовъ. Несправедливость, совершающаяся гдѣ-нибудь, должна быть только возвѣщена, чтобъ вызвать во всѣхъ частяхъ свѣта бурю негодованія. Что за удивительныя времена! Въ не очень далеко отстоящую отъ насъ пору это объявили бы невозможнымъ, а то, кто хотѣлъ бы этого, безразсуднымъ мечтателемъ. И вотъ, мистическое стало естественнымъ, какъ будто должны настать возвѣщенные времена. Такъ случилось, что современные, упирающіеся въ свою собственную эпоху, люди признаютъ естественнымъ, необходимымъ и выполнимымъ то, о чемъ въ безчисленныхъ божьихъ домахъ во всѣ вѣка возносились къ небу молитвы — возвращеніе евреевъ!

Въ пути.

Если я не ошибаюсь, наше дѣло есть нѣчто замѣчательное.

Если бѣ профессора не были тѣми страшно разсѣянными людьми, которые всегда оставляютъ свои дождевые зонты гдѣ-то въ древнихъ временахъ, они должны были бы, собственно, обратить свое вниманіе на насъ: поступаемъ ли мы благоразумно или глупо.

Даже ошибки наши могли бы навести на размышленія. Но господа ученые, которые никогда не понимаютъ того, что творится теперь, являются только позднѣе; потомъ они, конечно, знаютъ все лучше, чѣмъ мы, и объясняютъ намъ то, что сдѣлано.

Поэтому о такихъ движеніяхъ, какъ наше сіонистское, для позднѣйшихъ поколѣній не подготавливается никакихъ точныхъ представленій. Тѣ, которые могли бы быть достаточно хладнокровными и «научными», чтобъ наблюдать спокойно, долгое время совсѣмъ не замѣчаютъ, что происходитъ нѣчто важное. Дѣйствующія же лица опять-таки стоятъ слишкомъ среди движенія, чтобъ при всемъ стремленіи къ истинѣ, которымъ они исполнены, быть въ состояніи вывести вѣрныя указанія.

Мы будемъ нѣкогда у цѣли — мы надѣемся на это всѣми силами своей души — и тогда, вѣроятно, сразу будутъ забыты всѣ промежуточные станціи, всѣ случайности пути, всѣ ожиданія и заботы, которыя наполняли долгіе годы нашей жизни. Въ новыхъ огромныхъ задачахъ, которыя вырастутъ для насъ только тамъ и потребуютъ много силъ и мужества, возможно, не найдется и свободнаго времени, чтобъ оглянуться назадъ на прошлыя событія.

Но теперь мы еще въ пути и хотя мы спѣшимъ безъ отдыха впередъ, все же бываютъ моменты раздумья о прошломъ и будущемъ и прежде всего о тѣхъ нивахъ, которыя пробѣгаютъ мимо нашихъ глазъ. Это настроеніе похоже на то, какое чувствуется въ поѣздѣ. Правда, мы не ѣдемъ по заранѣе уложеннымъ рельсамъ, нашъ путь не выравниенъ. Поэтому мы для вѣрности должны были бы воспользоваться болѣе старымъ, но все еще употребляемымъ сравненіемъ съ кораблемъ.

Да, съ нами обстоитъ такъ, какъ будто бы мы находились на кораблѣ и вышли въ путь въ вѣчно-новую страну. Бываетъ при морскихъ путешествіяхъ такое время, когда кругомъ видны только вода и небо. Кто не знаетъ примѣтъ моряковъ, можетъ тогда подумать, что вообще не подвигаешься впередъ.

Но моряку достаточно только бросить взглядъ на логъ, и онъ знаетъ не только, что корабль подвигается впередъ, но и сколько узловъ онъ дѣлаетъ. И если человѣкъ у руля не спитъ и зна-

еть свое направлѣніе, то берегъ долженъ, наконецъ, показаться изъ-за волнъ.

Когда я пишу эти строки, передо мной встаетъ воспоминаніе о дѣйствительныхъ, не аллегорическихъ морскихъ путешествіяхъ, совершенныхъ мною. Среди нихъ были и путешествія по Средиземному морю, прекраснѣйшему изъ всѣхъ, которыя я знаю. У него пріятнѣйшіе и чудеснѣйшіе берега. Каждая гавань — великолѣпіе; все такъ живописно сверкаетъ подъ свѣтомъ солнца, и даже бѣднѣйшіе не имѣютъ несчастнаго вида, потому что природа, окружающая ихъ, такъ богата. Я вспоминаю объ Италіи, самые южные и великолѣпные берега которой напоминаютъ береговую линію Палестины.

Мимо Италіи долженъ пройти западно-европеецъ, направляясь въ страну Востока. По крайней мѣрѣ, теперь это еще происходитъ такъ, такъ какъ багдадская дорога еще въ періодѣ начинаній. Черезъ нѣсколько лѣтъ Мессопотамія — прекраснѣйшая, плодородная страна за Палестиной, собственно, настоящая первоначальная родина евреевъ, страна между Тигромъ и Ефратомъ, откуда происходилъ Авраамъ — черезъ нѣсколько лѣтъ эта Мессопотамія, благодаря багдадской дорогѣ, будетъ открыта современному міровому обращенію. До того, какъ будетъ готовъ этотъ сухопутный путь, западно-европейцы могутъ ѣздить въ страну Востока только морскимъ путемъ. Тотъ, кто хочетъ, напримѣръ, попасть изъ Англіи въ Египетъ или Палестину, Индію или Китай, садится въ Соут-

гемптонѣ на корабль, ѣдетъ вѣкругъ Франціи, Испаніи, Португаліи, пока на пути черезъ Гибралтаръ не приходитъ въ Средиземное море. Но есть люди, которые не хотятъ въ Соутгемптонѣ садиться на пароходъ, идущій на Востокъ, а садятся гдѣ-нибудь въ другой гавани. Для этого могутъ существовать различныя причины.

Одни не переносятъ длиннаго морского пути, они боятся грохота и шума корабля въ открытомъ морѣ и думаютъ, что у воды нѣтъ устойчивости; они легко получаютъ морскую болѣзнь. Другіе и были бы способны къ ѣздѣ по морю, но имъ не внушаетъ достаточно довѣрія корабль, или его кормчій; они хотѣли бы сначала посмотрѣть, какимъ заявитъ себя судно, и правильно ли оно направляемо. Третьи же опоздали къ отходу корабля изъ Соутгемптона, или даже не знали раньше, что существуетъ такой путь сообщенія. И много еще можно найти различныхъ причинъ, почему не всѣ, которые въ концѣ концовъ должны соединиться на бѣгущемъ на востокъ кораблѣ, не были на борту уже въ Соутгемптонѣ. Одни являются по желѣзной дорогѣ черезъ Францію и садятся на корабль въ Марселѣ. Другіе дѣлаютъ это только въ Генуѣ или еще южнѣе въ Неаполѣ...

Объ этихъ пристаняхъ по пути на Востокъ и объ ихъ запоздавшихъ пассажирахъ думаю я невольно, когда вижу, какъ постепенно являются и присоединяются къ намъ люди, которые въ Соутгемптонѣ еще не хотѣли ничего знать о нашемъ

добромъ суднѣ. Мы всѣ привѣтствуемъ ихъ. Есть достаточно мѣста и работы для всѣхъ.

Радостно дѣлается, когда мы видимъ, какъ приближаются къ намъ тѣ люди, которыхъ мы должны были уважать даже и въ ихъ враждѣ. Они все еще не наши, они не на нашемъ борту еще, но несомнѣнно, что они послѣдуютъ за нами, и если они не догонятъ парохода въ Марсели, то въ Генуѣ или Неаполѣ мы навѣрное встрѣтимся. Такихъ товарищей мы видимъ въ Choveve-Zion старой школы.

Но есть еще и другія явленія столь же удовлетворительнаго рода. Два лучшихъ еврея Англіи — Клодъ Монтефіоре и Освальдъ Джонъ Симонъ — въ послѣднее время сдѣлали заявленія, существенно отличающіяся отъ ихъ прежнихъ заявленій. Освальдъ Джонъ Симонъ послѣ третьяго базельскаго конгресса писалъ въ одной изъ большихъ англійскихъ газетъ о нашихъ стремленіяхъ въ самыхъ дружескихъ словахъ.

Клодъ Монтефіоре, съ которымъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ сожалѣнію, долженъ былъ вести газетную полемику, заговорилъ недавно въ качествѣ предсѣдателя почтеннаго лондонскаго общества еврейской исторіи въ очень симпатичной намъ формѣ по вопросу объ еврейской національности. Нѣтъ сомнѣнія, что Клодъ Монтефіоре, принимающій также участіе въ руководствѣ однимъ изъ самыхъ большихъ англійскихъ благотворительныхъ обществъ и имѣющій тамъ всяческую возможность узнать всѣ моральныя и матеріальныя бѣдствія, будетъ все сердечнѣе склоняться къ нашему рѣшенію.

Мѣсто этого благородно мыслящаго человѣка не среди раввиновъ-протестантовъ. Онъ начинаетъ и самъ убѣждаться въ этомъ.

Что сдѣлали эти протестующіе, социалисты и ассимиляторы, и какъ тамъ еще называются противники нашего политическаго сіонизма, во всѣ годы нашего столь много осмѣянаго сіонизма? Какое рѣшеніе еврейскаго вопроса провели они вмѣсто нашего, или хотя бы только предложили? Они ничего не дѣлали и ничего не добились. Деморализующая и по отношенію къ имѣющей быть смягченной нуждѣ прямо смѣшная благотворительность испробована тѣми, у которыхъ вообще есть состраданіе къ своимъ несчастнымъ братьямъ. Но великую болѣзнь эту, какъ сказалъ Гейне, излѣчиваютъ не розовымъ масломъ и мускусомъ. Именно въ послѣдніе годы произошли ужасныя трагедіи еврейства. Нашимъ еврейскимъ противникамъ могли бы уже открыться глаза, когда они переживаютъ такія событія, какъ дѣло Дрейфуса, преслѣдованія евреевъ въ Алжирѣ, или выходки по поводу «ритуальнаго убійства» въ Австріи, нынѣшній ужасный кризисъ въ Румыніи, который заставляетъ тысячи людей взяться за нищенскій и странническій посохъ. И кто настолько смѣлъ или близорукъ, чтобы утверждать, что исторія страданія нашего народа пришла къ концу? Нѣтъ, мы должны и впредь ждать, что въ новыхъ или старыхъ мѣстахъ вновь воспослѣдуютъ взрывы ненависти къ евреямъ, и что обстоятельства опять ухудшатся. Насколько дальше мы могли бы уже уйти, если бы всѣ жертвоспособ-

ные евреи присоединились къ намъ! Чѣмъ скорѣе они придутъ къ намъ, тѣмъ скорѣе и дѣйствительнѣе мы придвинемся къ цѣли.

И все же, какъ ни больно затрачиваютъ насъ иногда внутреннія прѣпятствія, мы должны сказать себѣ: и это къ лучшему.

Да, къ лучшему, если въ сіонистскомъ движеніи не все происходитъ такъ гладко, если деревья не сразу растутъ въ небеса, а жареные голуби летятъ въ ротъ. Въ это на насъ возложенное время ожиданія мы можемъ и должны воспитать самихъ себя и продолжать дѣло національнаго воспитанія. Не худо также и то, что карьеристы и профессиональные политики держатся вдали отъ нашего движенія. Тутъ нечего взять, нечего выиграть только однимъ исповѣданіемъ убѣжденія. Одинъ изъ нашихъ друзей въ Кельнѣ отвѣчалъ бѣднякамъ, представлявшимся ему, какъ сіонисты: «Да? Вы сіонистъ? Дайте же что-нибудь въ пользу движенія. Мы можемъ имѣть дѣло только съ людьми, готовыми приносить жертвы».

Въ этомъ есть рѣзкій юморъ, но также и настоящая правда. И это къ лучшему. Время испытанія нужно для тѣхъ, которымъ предстоитъ нѣкогда завѣдывать дѣлами будущаго еврейскаго обществѣ. И то, что это время испытанія протянется на такой неопредѣленный срокъ, выявитъ только болѣе дѣятельные характеры. Когда мы будемъ у цѣли, будетъ, какъ уже сказано, безконечно много задачъ для разрѣшенія. Нужно будетъ и соотвѣтственно много людей. Изъ первыхъ руководителей

движенія многіе къ тому времени уже будутъ уставшими. Другіе, и это вовсе не худшіе, пожалуй, хотятъ отойти, какъ только будетъ сдѣлана самая трудная работа. Зато тогда, когда самое тяжелое уже будетъ преодолено, будетъ кишмя кишѣть «спасателями народа». Но народъ будетъ знать, гдѣ ему искать своихъ истинныхъ друзей: среди тѣхъ, которые въ сіонистскомъ движеніи не искали удовлетворенія личныхъ интересовъ. Среди тѣхъ, которые страдали и боролись за дѣло, когда этимъ пожинали не почетъ, а униженія, — когда это не давало выгодъ, а только вызывало жертвы. Тѣ люди, которые докажутъ, что они были на первомъ кораблѣ, а ихъ, къ счастью, достаточно много, представятъ достаточно гарантій для будущаго. Когда высадка будетъ обезпечена, вслѣдъ за первымъ явится много кораблей.

Женщины и сіонизмъ.

Во время французской революціи жилъ одинъ чрезвычайно умный революціонеръ по имени Сіе (Sieyès), игравшій и позже очень большую роль. Ему приписываютъ одно прекрасное изреченіе; когда его спросили: «Что дѣлали вы во время террора?» онъ отвѣтилъ: «Я жилъ». Этотъ человѣкъ въ прежнія времена составилъ воззваніе, которое стало знаменитымъ. Въ немъ говорилось о третьемъ сословіи, которое тогда еще не было освобождено, слѣдующее: «Что оно есть? Ничто. Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ». Это изреченіе аббата Сіе я хотѣлъ бы примѣнить къ женщинамъ. Что такое женщины для сіонизма? Я не хочу сказать: ничто. Чѣмъ могли бы и должны были бы онѣ стать? — Возможно, всѣмъ. И если наша агитація найдетъ вѣрныя пути, дѣло придетъ къ этому.

Если мы рассмотримъ современное положеніе еврейской женщины, мы поймемъ, почему она до сихъ поръ была такъ далека и равнодушна къ намъ. Я хотѣлъ бы здѣсь провести грань между женщинами, которыя знаютъ суровую жизнь и другими. Тѣ женщины, которыя выброшены въ жизненную борьбу, у евреевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя бѣдныя. У нихъ нѣтъ мужа или другого покровителя, кото-

рый бы избавилъ ихъ отъ того, чтобы пуститься самимъ въ жизнь. А это бываетъ у евреевъ только въ бѣднѣйшихъ слояхъ. Что отъ этихъ женщинъ не могутъ явиться ни воодушевленіе, ни помощь — понятно само собой. Онѣ являются, приходя изъ Румыніи или Галиціи или Россіи, въ одинъ прекрасный день и просятъ переправить ихъ и ихъ узлы дальше. Онѣ были бы, пожалуй, хорошими сіонистками, могли бы развиться въ таковыхъ, еслибы условія судьбы поставили ихъ въ лучшее положеніе. Но отъ этихъ женщинъ мы для агитаціи сіонизма не можемъ ни ждать, ни требовать помощи. Женщины, которыхъ мы должны завербовать, это тѣ, которыя точно стѣной отгорожены отъ всего, что значитъ еврейская нужда, тяжелое положеніе и необходимость добиться облегченія.

Благодаря старой традиціи, относящейся къ лучшему въ еврействѣ, женщина живетъ въ глубокомъ уединеніи, въ своемъ домѣ, который такъ воспѣтъ въ прекрасномъ стихотвореніи «Принцесса Саббатъ»; въ немъ живетъ она вдали отъ непріятностей, бурь и суровостей жизни. По крайней мѣрѣ, еврейски стараго стиля, которыя еще имѣются, хотя и въ небольшомъ количествѣ, въ зажиточныхъ кругахъ. Это та женщина, къ которой я питаю величайшее уваженіе, ибо чище и прекраснѣе всего сохранились тѣ прекрасныя качества, все то великое и вѣчное, что было особенно цѣнно въ мрачныя времена. Но мы должны считаться съ еврейками новаго стиля, которыхъ мы потеряли въ тѣ годы, когда евреямъ жилось хорошо. Отъ евреекъ

старого стиля онѣ отличаются тѣмъ, что онѣ не занимаются приготовленіемъ къ субботѣ, не дѣлѣютъ эту субботу, въ которой заключается весь ароматъ еврейской поэзіи. Но походятъ онѣ на евреекъ старого стиля тѣмъ, что не приходятъ въ соприкосновеніе съ жизнью. Тутъ на лицо мужъ, который совершенно избавляетъ жену отъ ознакомленія съ непріятностями жизни. Такимъ образомъ, и эти новыя еврейки находятся въ защищенной позиціи, эти новыя еврейки, на равнодушіе которыхъ мы такъ горько жалуемся. Подобно тому, какъ человѣкъ, проѣзжающій въ экипажѣ, абсолютно не можетъ понять чувствованій мерзнущаго разносчика или толкаемаго во всѣ стороны торговца, ищущаго кусокъ хлѣба, такъ и слишкомъ оберегаемая женщина не можетъ узнать ничего о томъ, что такое еврейская нужда, если она даже и не слишкомъ изнѣженная дама. Хорошая традиція еврейской семьи, которая есть часть святыни, — традиція, заключающаяся въ томъ, чтобы держаться вдали отъ волненій и шума улицы, эта традиція замѣняетъ здѣсь благосостояніе. Эта заботливость восполняетъ богатство и объясняетъ безразличіе.

Но какъ же сдѣлать это иначе? Должны ли мы имъ пожелать, чтобъ онѣ ознакомились съ непріятностями, должны ли мы пожелать этимъ слишкомъ оберегаемымъ женщинамъ «обнищанія» и впаденія въ бѣду для того, чтобъ онѣ могли открыть свои сердца величію и необходимости сіонизма? Такихъ свирѣлыхъ мѣръ я не желалъ бы примѣнять, еслибъ даже это и было въ моей власти. Впрочемъ, тогда

такая женщина была бы въ положеніи тѣхъ, кто понимаетъ, но ничего не можетъ сдѣлать. И вотъ является передъ нами одна форма французскаго адажію. Вы знаете, какъ гласитъ старая шутка:

*Si jeunesse savait,
Si vieillesse pouvait.*

Мы должны его варьировать такъ: *Si richesse savait . . .*

Таковъ вопросъ, лежащій передъ нами. Бѣдныя не могутъ, богатые не знаютъ.

Для нашихъ незнающихъ нужды женщинъ было бы полезно найти замѣну суровой школы жизни и внѣшняго опыта, который открылъ бы ихъ сердца для сіонистскаго движенія. Я думаю, что такое средство должно найтись. Я думаю, что мы можемъ воспламенить этихъ женщинъ для нашей мысли, которую мы считаемъ очень человѣчной, не посредствомъ ихъ собственной нужды, а другимъ путемъ. Этотъ путь — это путь поэзіи, путь искусства, однимъ словомъ, путь красоты.

Было бы хорошо и дѣйствительно обратить вниманіе оберегаемыхъ женщинъ на то, что сіонизмъ содержитъ элементъ красоты и что это всегда была золотая жилка еврейской поэзіи, когда пѣсни Сіона подъ различными формами вырывались изъ душъ нашихъ поэтовъ. Такъ слѣдовало бы показать женщинамъ, что въ этомъ сіонизмѣ, который вынырнулъ теперь, какъ новая мода, заключается красота, непреходящая и вѣчно-юная.

Эту работу, думаю я, исполнить для насъ отча-

сти поэзія, — поэзія, которая давно уже идетъ вслѣдъ за сіонизмомъ.

Вдохновленные красотой сіонизма, которая гораздо лучше видна стоящимъ внѣ, нашлись уже многіе христіанскіе поэты, воспѣвающие сіонизмъ. Однимъ изъ первыхъ былъ французскій поэтъ Буэлье (Bouhelier), поэтический эскизъ котораго недавно появился въ «Welt». Въ этомъ стихотвореніи есть мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о бѣлыхъ стѣнахъ, отражающихся въ Средиземномъ морѣ, гдѣ передъ нимъ является видѣніе будущей культуры. Въ одномъ изъ романовъ князя Вреде также прошумѣлъ сіонизмъ. Недавно въ одной книгѣ пѣсенъ Берриса барона фонъ Мюнхаузена, иллюстрированной евреемъ, по имени Моше Лиліенъ, и называющейся «Іуда», опять была воспѣта красота еврейскаго возрожденія. И я думаю, что такъ какъ мы въ эти годы упадка, которые страннымъ образомъ называются годами эмансипаціи, подъема, сдѣлали себѣ привычку слѣдовать за тѣмъ, что говорятъ другіе, то эти явленія возымѣютъ свое дѣйствіе. Мнѣ не кажется невозможнымъ, что благодаря тому обществу, въ которое попадешь, если находишь сіонизмъ прекраснымъ, хорошимъ и великимъ, у насъ и на почвѣ снобизма можетъ развиваться пропаганда въ пользу сіонизма.

Каждая женщина есть центръ большаго или меньшаго кружка. Она можетъ въ этомъ маленькомъ кружкѣ оказать большое вліяніе, можетъ воспитать себѣ послѣдовательницъ, агитаторшъ, которыя опять-таки, по системѣ снѣжаната кома,

стануть центрами новыхъ общественныхъ кружковъ, разовьютъ новые кружки, воспитаютъ новыхъ ученицъ, сначала прозелитокъ, а потомъ и проповѣдницъ сіонистской идеи. Пусть тѣ разсказываютъ тогда, какъ сіонизмъ уже въ то время, когда эта мысль поддерживалась только бѣдными и юными, имѣлъ въ себѣ что-то красивое, и онѣ могутъ указать также, что дальнѣйшій расцвѣтъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ принесетъ много больше для украшенія этой идеи. Онѣ могутъ самой жизнью, которая все возбуждая и возбуждаясь, заявляетъ о сіонизмѣ, указать на то, что гораздо болѣе красивое занятіе для свободныхъ и даже не свободныхъ часовъ — заниматься и работать для еврейской идеи, чѣмъ сидѣть и сплетничать въ пустыхъ кружкахъ для распиванія кофе, или проигрывать хозяйственныя деньги въ карты и убивать время всевозможными бесполезными занятіями.

Это та форма самовоспитанія и самовозвышенія, которая, въ отличіе отъ праздныхъ занятій, пригодится и для дѣтей. Ибо женщина, которая является хорошей сіонисткой, есть и внимательная и дальновидная мать. Я не говорю — хорошая мать, ибо плохихъ нѣтъ. Мать должна понять, что если сіонизмъ великъ и значителенъ, то это въ особенности для дѣтей, ибо именно они являются гражданами будущаго и во всякомъ случаѣ этого будущаго, какъ бы рано или поздно оно не пришло. Мы испытали это воспитательное вліяніе на самихъ себѣ по мѣрѣ углубленія въ эти мысли. Мать, понимающая, что такое сіонизмъ, будетъ его лелѣять не только для

себя, но и для своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, это будетъ времяпрепровожденіе прекрасное и полезное, если употребить на него даже часы, посвященные отдыху.

Въ общемъ, многое говоритъ за то, что сіонистское движеніе находитъ все болѣе и болѣе отголосокъ, и что тѣ, которые всегда только смотрятъ на другихъ, все менѣе стѣсняются примыкать къ этому прежде непризанному и считавшемуся вреднымъ движенію. Я прекрасно могу себѣ представить, что, если мы сможемъ указать на практический, видимый, осязательный успѣхъ, вдругъ станетъ почетнымъ принадлежать къ сіонизму, станетъ почетной работа для него въ прошломъ. Тогда, благодаря ему, можно будетъ дѣлать карьеру, тогда множество людей примкнутъ къ движенію, чтобъ продвинуться впередъ. Я горячо желаю этого, ибо мы не хотимъ всегда витать въ заоблачныхъ пространствахъ, ибо необходимо, чтобы за помолвкой, наконецъ, послѣдовала и свадьба. Долгое жениховство, однако, по моему мнѣнію, не вредно для испытанія; а вы знаете, какое долгое жениховство испытало уже разъ еврейство прежде, чѣмъ получить Обѣтованную Землю, — какъ долго мудрѣйшій изъ евреевъ водилъ его по пустынь, чтобы очистить и просвѣтить его.

И 178 / 222

„ДЕШЕВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Изд-во „ВОСТОКЪ“ С.-Петербургъ

№ 1.	Теодоръ Герцль. Еврейское государство	ц. 15 коп.
№ 2.	Національный вопросъ. Статьи: Макса Нордау, А. Идельсона, Д. Пасманника	ц. 15 коп.
№ 3.	Поляки и евреи. Статьи: А. Гартляса, А. Давидсона, В. Жаботинского, Я. Киршрота, Observer'a	ц. 15 коп.
№ 4.	Новоеврейская поэзія: I. Х.-Н. Бяликъ, ст. Бааль-Махшовеса. II. С. Черниховскій, ст. А. Гольдштейна	ц. 15 коп.
№ 5.	Новые пути. Статьи: Артура Рупина, Франца Оппенгеймера	ц. 15 коп.
№ 6.	А. Гольдштейнъ. Программа чтенія по національно-еврейскому вопросу	ц. 15 коп.
№ 7—8.	Теодоръ Герцль. Сіонистскія статьи. Предисловіе Д. Пасманника	ц. 30 коп.

Складъ изданія

Книгоизд. и книжный складъ „ВОСТОКЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Торговая, 11.

2007237589